

И. СВЕНЦИЦКАЯ

Апокрифические Евангелия

Возникновение
раннехристианской
литературы

Неканонические
речения (аграфы)
и фрагменты
неизвестных евангелий

Иудео-христианские
евангелия

Евангелие от Петра

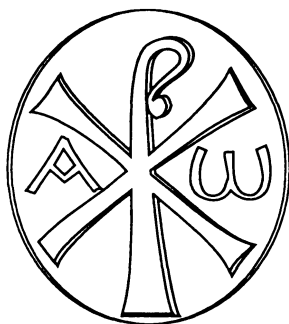
Протоевангелие Иакова

Евангелие детства
(Евангелие от Фомы)

И. СВЕНЦИЦКАЯ

Апокрифические Евангелия

Исследования,
тексты, комментарии

Москва «Присцельс» 1996

Возникновение раннехристианской литературы

Проблема определения времени и места возникновения древней христианской литературы, особенностей ее жанров, истоков и источников книг, как признанных, так и не признанных Церковью священными, в современной науке до конца не решена¹. В Новый Завет – собрание почитаемых всеми христианами книг – входят двадцать семь произведений: четыре евангелия (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна), Деяния Апостолов, двадцать одно послание апостолов. Авторство четырнадцати из них Церковь приписывает апостолу Павлу (они адресованы тем или иным христианским общинам или конкретным людям), имеются также Послание Иакова, два Послания Петра, три Послания Иоанна и Послание Иуды: их принято называть «соборными» или «католическими», т.е. адресованными всем христианам. Завершает Новый Завет Откровение Иоанна Богослова. Тексты Нового Завета считаются каноническими («нормативными»), Церковь провозглашает их боговдохновенными. Написаны они на греческом языке – разговорном языке многих восточных провинций Римской империи (хотя в самой Палестине, где появились первые христианские проповедники, говорили преимущественно по-арамейски).

Однако писания Нового Завета были лишь незначительной частью обширной христианской литературы, создававшейся в I–III вв., т.е. до признания христианства официальной религией. Христианские писатели конца II–IV в. упоминают, цитируют, пересказывают различные евангелия: от Петра, от Андрея, от Варфоломея, два евангелия от Фомы, совершенно различные по содержанию, Евангелие от Марии. Во фрагменте письма богослова Климента Александрийского (ок. 200г.)

говорится, что имели хождение и три евангелия от Марка: каноническое (признанное), «подложное» (написанное неким проповедником по имени Карпократ) и тайное евангелие (написанное якобы самим Марком для «избранных»)². Некоторые евангелия названы по тем христианским группам, среди которых они почитались (хотя, возможно, в их подлинных названиях также стояло имя какого-либо апостола), например Евангелие евреев, Евангелие египтян. Епископ Лугудуна (совр. Лион) Ириней (1-я пол. II – нач. III в.) в своем сочинении «Против ересей» с возмущением пишет, что последователи Валентина (крупнейшего представителя религиозно-философского течения в христианстве – гностицизма) «дошли до такой степени дерзости, что свое недавнее сочинение назвали Евангелием Истины» (III.11)³.

Кроме евангелий в произведениях христианских писателей упоминаются и другие, не вошедшие в Новый Завет книги, которые почитались разными христианскими группами как источники вероучения: Апокалипсис Петра, Апокалипсис Павла, деяния некоторых апостолов (Павла, Филиппа, Андрея), послания, «Пастырь» Гермы и др. Археологи в конце XIX—XX вв. открыли фрагменты и целые сочинения, не признанные Церковью. Самым крупным среди этих открытий была библиотека из Наг-Хаммади в Египте (древний Хенобоскион), принадлежавшая группе гностиков, почитавших Иисуса, но существенно расходившихся с ортодоксальным христианством. Рукописи написаны на коптском языке потомков древних египтян, но многие из них представляют перевод с греческого⁴. Для того чтобы понять длительный и сложный процесс разделения священных книг христиан на признанные и непризнанные (канонические и апокрифические), нужно прежде всего представить себе особенности формирования раннехристианской литературы в целом.

Первые христианские проповедники меньше всего думали о записи своего учения. Можно сказать, что и учение

в точном смысле слова до конца I в. еще не сложилось. Странствующие пророки передавали то, что было известно им о Спасителе, распятом в Иудее во время правления императора Тиберия (14–37), помазаннике Божиим Иисусе Христе, в воскресение которого они уверовали. Христианские проповедники использовали в качестве образца бытовавшие в иудейской среде притчи, поучения, рассказы об отдельных эпизодах из жизни знаменитых учителей (рабби). Так создавалась устная христианская традиция.

Само слово «евангелие» (греч. «благая весть») первоначально в представлениях последователей Иисуса означало проповедь, раскрывающую смысл новой веры. В посланиях Павла, в частности в Послании к Галатам, автор выступает против тех проповедников, которые, с его точки зрения, искажают смысл «благой вести» об Иисусе. Он предает анафеме тех, кто благовествует (в греческом тексте употреблен глагол «евангелидзо») «не то, что мы благовествовали вам», и добавляет: «...Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое» (1:8–11). Во Втором Послании к Коринфянам имеется сходное словоупотребление: «Ибо, если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса, которого мы не проповедывали... или иное благовестие (евангелие – *авт.*), которого не принимали, то вы были бы очень снисходительны к *тому*. Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших⁵ Апостолов» (11:4–5). В Послании к Римлянам сказано: «...в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные *дела* человеков...» (2:16). Из приведенных отрывков ясно видно, что для автора евангелие ни в коей мере не было писанием. Само слово «евангелие» в языческом окружении христиан было связано с культом императора: в надписях, прославлявших Августа (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.), день его рождения был назван началом «многих благовестий»⁶ Восприняв подобную терминологию, христиане придавали ей принципиально иной смысл: не «благовестия» о вполне земных делах императора, а единственная

«благая весть» об Иисусе – спасителе и мессии – стала содержанием христианской проповеди.

Проповедники выступали прежде всего в синагогах, существовавших в городах восточных провинций, а также в частных домах, под открытым небом, в опустевших ремесленных мастерских. Такая картина вырисовывается из Деяний Апостолов и некоторых других произведений, в том числе и антихристианских⁷. В произведении «Дидахе» (Учение двенадцати апостолов), созданном, по всей вероятности, в начале II в., говорится о странствующих апостолах: «Всякий апостол, приходящий к вам, пусть будет принят как Господь. Пусть он не остается больше одного дня; а если будет надобность, то и другой (день); но если он пробудет три, то он лжепророк... Уходя пусть апостол ничего не возьмет, кроме хлеба до места ночлега»⁸.

Устная традиция продолжала существовать и в тот период, когда появились первые писания. Евсевий Кесарийский (IV в.) в «Церковной истории» приводит слова христианского писателя Папия (1-я пол. II в.) из Гиераполя (Малая Азия), который собирал устные предания: «...если мне случалось встретить кого-либо, общавшегося со старцами, то я заботливо расспрашивал об учении старцев, например, что говорил Андрей, что – Петр, что – Филипп, что – Фома или Иаков... Ибо я полагал, что книжные сведения не столько принесут мне пользы, сколько живой и более внедряющий голос» (*Евсевий. Церковная история* (*Historia ecclesiastica*). III.39. Далее: HE).

Выявлению истоков древней христианской традиции способствовало применение научных методов, известных как «критика текста» и «критика формы»⁹. Детальнее всего они были разработаны на анализе первых трех евангелий Нового Завета, которые принято из-за их сходства называть «синоптическими». Первый метод существует с конца XIX в.; «критика формы» возникла уже в XX в. Оба они ставят своей целью перейти от изложенного в евангелиях учения Иисуса

к самому учению, к его аутентичному ядру. Сравнивались тексты евангелий от Матфея, Марка, Луки (с учетом рукописных вариантов), анализировалась грамматика, лексика, синтаксис евангелий. Сторонники «критики текста» предлагали обнаруженное в результате подобного сравнения общее положить в основу реконструкции первоначального текста. Однако, как ни важны были наблюдения над аналогиями и расхождениями в евангелиях, все же найти исчерпывающее объяснение их путем дробления текста на фразы и слова и конструирования архетипа оказалось невозможным. Поэтому ученые для подтверждения своих гипотез об источниках синоптических евангелий обращались к их общим характеристикам, к их связям с идейной жизнью эпохи.

Обращение к подобным параллелям с 20-х годов нынешнего века стало принципом исследования, легло в основу метода, обозначенного в немецкой литературе *Formgeschichte*. Сторонники этого метода искали следы устной традиции, к которой восходили евангелия. Для этого каждое из них разбивали на отдельные сюжеты, изучая их форму, а от нее шли к восстановлению мотивов и характера тех поучений, частью которых был сюжет, включенный в теологическую систему евангелиста. В евангелиях стремились выявить различные этапы формирования христианской традиции. В них видели теологически мотивированный рассказ, а не историческое повествование, считали, что в их основе лежит множество источников, что записи текста предшествовала живая устная передача. Были выделены разные блоки традиции: речения Иисуса, поучительные истории (притчи), рассказы о чудесах, сотворенных Иисусом. Составной частью традиции считались и повторяющиеся из проповеди в проповедь цитаты из иудейских священных книг, прежде всего из пророков.

Длительное господство устной традиции (несколько десятилетий после гибели проповедника Иисуса) объясняется рядом причин. Первые «апостолы и пророки», после-

дователи его учения, продолжали считать себя иудеями по вероисповеданию, для них священным писанием были книги, включенные в Ветхий Завет. Для христиан священным текстом был перевод иудейской Библии на греческий язык, сделанный в Александрии Египетской в III в. до н.э. – так называемая Септуагинта¹⁰. Септуагинта была признана боговдохновенной иудеями, жившими вне Палестины, многие из которых уже не знали древнееврейского языка. Септуагинту использовали в своих произведениях Иосиф Флавий и Филон Александрийский. Святость «Закона и Пророков», как обычно христиане обозначали иудейские религиозные книги, доступные благодаря Септуагинте, не позволяла долгое время создавать новые священные книги.

В науке существует точка зрения, правда необщепринятая, что первыми записями, сделанными христианами, были сборники цитат из Ветхого Завета, прежде всего тех, где речь шла об ожидаемом мессии (так называемые свидетельства – testimonia)¹¹. Впрочем, цитаты могли проповедниками заучиваться: со времени появления клинописной и иероглифической письменности существовала практика передачи содержания письменного памятника вслух наизусть¹².

У первых христиан не было потребности в записи своих проповедей еще и потому, что они ждали скорого прихода воскресшего Иисуса «во время сие», как сказано в Евангелии от Марка (10:30). Главным для них было проповедовать новое учение, готовясь к установлению Царства Божия на земле. В античном мире роль устного слова была исключительно велика: политические ораторы выступали на народных собраниях, поэты читали свои стихи на площадях, пророки и предсказатели произносили речи на ступенях храмов. Устное слово оказывало большее воздействие на верующих, чем писаное, недаром первые христианские тексты были предназначены для чтения вслух в собрании верующих. Как отмечает С.С.Аверинцев, «литературное слово евангельских текстов, тоже очень простое и необработан-

ное, есть по своей внутренней установке обрядовое слово, словесное «действие», «таинство». Оно предполагает скорее заучивание наизусть, ритмическое и распевное произнесение и замедленное вникание в отдельные единицы текста, чем обычное для нас читательское восприятие»¹³.

Между устными проповедями различных проповедников существовали расхождения. Как пишет английский исследователь П. Джонсон, раннее христианство с самого начала представляло собой множество вариантов, часто имевших мало общего, хотя все они концентрировались вокруг веры в воскресение Спасителя; каждая группа имела свою «историю Иисуса»¹⁴. Наиболее явным и резким стало расхождение между палестинскими христианами, а также теми христианами вне Палестины, которые соблюдали иудейскую обрядность, и христианами из язычников, против этой обрядности выступавших.

В условиях, когда пророчества о конце этого мира и наступлении Царства Божия на земле оказывали на верующих огромное эмоциональное воздействие, когда все надежды на спасение, на уничтожение зла и несправедливости были связаны именно со вторым пришествием, кажется естественным появление так называемых откровений, т.е. описаний видений, возвещающих конец мира, действующих на воображение причудливыми образами и символами, ставших одним из первых жанров христианской литературы. Вероятно, самым ранним из записанных пророчеств явилось Откровение Иоанна. Оно начинается как наставление, в котором порицаются одни христиане, одобряются другие, но затем автор переходит к описанию видений Страшного суда, переполненному символами, аллегориями, устрашающими образами того, «чему надлежит быть после сего» (4:1). Автор Откровения Иоанна широко использует образы пророчеств, знакомые христианам из иудеев (а именно им адресовано это писание). Так, в книге пророка Даниила сказано: «И слышал я, как муж в льняной одежде, находившийся над водами

реки, подняв правую и левую руку к небу, клялся Живущим во веки, что к концу времени и времен и полувремени, и по совершенном низложении силы народа святого, все это совершится» (12:7); а в Апокалипсисе: «И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков... что времени уже не будет» (10:5—6). Подобные примеры можно привести и из других пророческих книг¹⁵.

Откровение Иоанна, возможно, было создано в 90-х годах I века¹⁶.

В дальнейшем появились и другие откровения: Апокалипсис Петра, описывающий видениерая и ада, «Пастырь» Гермия (название свое это произведение получило по описываемым автором видениям, где действует человек в одежде пастыря), в нем приводятся притчи и наставления, носившие этический характер.

Апокалиптическая литература была предназначена для чтения вслух. В нее нужно было «входить» эмоционально: интонационная выразительность чтеца должна была усиливать воздействие страшных, таинственных описаний, и само это «вхождение» представлялось мистическим действием.

Христианским проповедникам приходилось не только произносить устные проповеди, но и писать послания, разъясняя учение, которое они считали истинным, убеждая, давая конкретные советы, хваля или, наоборот, порицая. Послания эти адресовались тем христианским группам, к которым проповедник не мог прийти; они должны были читаться на собраниях верующих (Кол. 4:16).

К самым ранним относятся послания, связанные с именем Павла, сыгравшего весьма заметную роль в становлении христианского учения. Павел (Савл) был родом из Тарса, происходил он из семьи переселившихся иудеев, получивших римское гражданство, был воспитан в духе фарисейства и первоначально принадлежал к гонителям христиан, а затем стал фанатичным сторонником нового учения. Из 14 посла-

ний, автором которых Церковь считает Павла, 9 адресовано конкретным христианским общинам, 4 – отдельным лицам; особняком стоит Послание к Евреям, последнее по месту расположения среди Павловых посланий; кроме того, существовало Послание к Лаодикийцам, не признанное Церковью. Не все новозаветные послания признаются современной наукой написанными самим Павлом, сравнительный анализ текста посланий позволил выделить в качестве подлинных лишь несколько¹⁷. Безусловно, не принадлежат самому Павлу Послание к Ефессянам, которое, по мнению большинства ученых, создано уже после смерти Павла его последователями (стилистически оно существенно отличается от ранних посланий), и Послание к Евреям, в авторстве которого сомневались уже христианские писатели II–IV вв. (Ориген, Тертуллиан).

Послания Павла связаны с жанром поучений, издавна существовавшим в ближневосточной литературе; оказала на него влияние и античная форма философских рассуждений, написанных в форме посланий, адресованных какому-либо лицу (например, «Письма к Луцилию» философа Сенеки). Но в отличие от поучений и трактатов послания Павла – действительно письма, направленные конкретным группам христиан с упоминанием конкретных лиц и событий. Это придает им особую живость, острую полемичность.

Послания Павла, когда они писались, не были «священными книгами», хотя и почитались в отдельных христианских общинах. Во Втором Послании Петра, созданном во II в. (возможно, это самое позднее из произведений Нового Завета), по поводу писаний Павла сказано, что в них «есть нечто неудобовразумительное» (3:16). Христиане, не рвавшие с иудаизмом, очень резко выступали против Павла, считая его отступником от Закона; не исключено, что именно для полемики с ними, для отстаивания авторитета Павла его послания были собраны и отредактированы на рубеже I–II вв.

В посланиях Павла встречаются ссылки на слова, произнесенные Иисусом, которые, как и цитаты из пророков, были

для христиан священными. В настоящее время принято считать, что именно речения Иисуса (логии) стали первой записью устной традиции. Вероятно, было сделано несколько записей в разных общинах. Папий посвятил логиям специальное сочинение «Изъяснение Господних изречений»; он же говорит о том, что Матфей записал изречения Господни на еврейском языке, а переводил их кто как мог^{18–19}.

Вопрос об источниках новозаветных евангелий весьма сложен; первые три евангелия излагают историю и учение Иисуса близко друг к другу. Евангелие от Марка, самое краткое, вероятно, легло в основу евангелий от Матфея и от Луки; то, что выходит за рамки содержания второго евангелия, взято, по мнению многих исследователей, из какого-то не дошедшего до нас источника (он так и называется в научной литературе – Q, от латинского Quelle – источник), состоявшего из отдельных речений²⁰. Кроме того, вероятно, существовали записи речений, которыми пользовался автор Евангелия от Марка, не знавший Q.

В 1897 г. в Оксиринах (Египет) были найдены на папирусе восемь изречений на греческом языке, а несколько лет спустя — еще шесть изречений. Каждое начиналось словами: «Говорит Иисус». Некоторые из этих речений (их принято называть логии) перекликаются со словами Иисуса, приведенными в Новом Завете, например: «Говорит Иисус. Не бывает принят пророк в своем отечестве, да и врач не лечит знающих его» (ср. Мк. 6:4, Лк. 4:24, Мф. 13:57, Ин. 4:44). Другие в канонических евангелиях отсутствуют (например: «Говорит Иисус. Если вы не отречетесь от мира, не обретете Царства Божия, если вы не будете соблюдать субботу, не увидите Отца» — речение, связанное с вероучением христиан из иудеев). Многие из речений совпадают с найденным среди библиотеки египетских гностиков Евангелием от Фомы; это евангелие, по мнению исследователей, первоначально (начало II в.) было написано на греческом, а затем переведено на коптский. Не исключено, что логии из Оксиринах представляют собой

фрагменты этого евангелия (или его варианта). Некоторые речения в Евангелии от Фомы близки к речениям новозаветных евангелий и тоже, по мнению американского исследователя Эдвардса, восходят к Q. Когда были записаны речения, сказать с точностью трудно, возможно, перед I иудейским восстанием, во всяком случае до создания евангельских рассказов, которые были записаны уже после разгрома Иерусалима. Первые записи, поскольку они фиксировали слова Иисуса, по всей вероятности, были анонимны. Как и цитаты из ветхозаветных книг, эти речения вставлялись в устные проповеди в разный контекст и в разных вариантах.

Вероятно, к самым ранним логиям восходят знаменитые речения из Нагорной проповеди Евангелия от Матфея: «...блаженны нищие духом; ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие; ибо они утешатся. Блаженны кроткие; ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся» (5:3—6). Они имеют аналогии в Евангелии от Луки и в Евангелии от Фомы (в последнем они приведены в виде отдельных, не связанных друг с другом речений). Сопоставление этих трех евангелий позволяет ясно представить себе, как использовались речения различными авторами: «...блаженны нищие²¹, ибо ваше есть Царствие Божие. Блаженны алчущие ныне; ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне; ибо воссмеетесь» (Лк. 6:20—21). «Иисус сказал: Блаженны бедные, ибо ваше — Царствие Небесное. Иисус сказал: Блаженны вы, когда вас ненавидят (и) вас преследуют. И не найдут места там, где вас преследовали. Иисус сказал: Блаженны те, которых преследовали в их сердце; это те, которые познали Отца в истине. Блаженны голодные, потому что чрево того, кто желает, будет насыщено» (Фома. 59, 72, 73).

В основе всех этих эсхатологических обещаний лежит возглашение блаженства нищим (бедным), голодным, преследуемым. Выражение Матфея «нищие духом» соответствует аналогичному выражению из кумранской рукописи (возможный вариант чтения — кроткие духом)²². Одно из объ-

яснений этого выражения – «нищие по духу» (т.е. добровольно)²³. Речение «блаженны кроткие...» восходит к ветхозаветному псалму: «А кроткие наследуют землю и наслаются множеством мира» (36:11), которому в христианском писании придан эсхатологический смысл (имеется в виду: наследуют землю после Страшного суда). Оба этих речения приведены у Матфея, по всей вероятности, в наиболее ранней версии, восходящей к иудео-христианским записям. В Евангелии от Луки в соответствии с его общей тенденцией сочувствия к беднякам²⁴, выделения темы сострадания – речения упрощены: блаженны просто голодные и жаждущие; нет цитаты из ветхозаветного псалма²⁵. У Фомы в речение о преследуемых (оно у него продублировано) вставлены слова «те, которые познали Отца в истине» (т.е. речь идет не о преследуемых вообще, а о тех, кто познал «истину»). Кроме того, в Евангелии от Фомы прибавлено обещание блаженства «избранным» (в духе гностических учений): «...блаженны единственные и избранные, ибо вы найдете Царствие, ибо вы от него, (и) вы снова туда возвратитесь» (54). Характерно, что это речение помещено в тексте раньше речения о блаженстве бедным: оно как бы дает направление для толкования тех речений, текст которых остался без особых изменений (не просто бедные, но такие, которые «избраны»).

Примеры подобного использования речений в разных контекстах будут приведены дальше в связи с разбором конкретных апокрифов. Они показывают, что сама по себе запись не воспринималась как священный текст, священными были слова, приписанные Иисусу. Эти слова можно было толковать, открывать их истинный, с точки зрения данного проповедника, смысл. Порядок записи не имел значения, речения даже иногда разделялись²⁶. Такое использование речений неизбежно вело к расхождению традиции, которое особенно должно было усилиться после поражения I иудейского восстания, разрушения храма, уничтожения и рассеяния иерусалимской христианской общины, которая, если су-

дить по посланиям Павла, претендовала на обладание наибольшим авторитетом в вопросах вероучения.

Разброд среди христиан после разгрома восстания послужил причиной усиления расхождений в содержании проповедей. Кроме того, все меньше оставалось людей, которые могли сказать, что они слышали слова самого Иисуса или по крайней мере слова его учеников. В этих условиях все более насущной становится потребность свести воедино отдельные элементы традиции, создать писаное «благовестие», фиксирующее учение Иисуса. Появляется новый жанр, которого не знала ни библейская, ни античная литература, – развернутое повествование, «ядром» которого было христианское учение об искупительной смерти и воскресении Иисуса; вокруг «ядра» группировались речения Иисуса и притчи, библейские пророчества о мессии, эпизоды из жизни Иисуса, соответствующие этим пророчествам («да сбудется реченное...»), рассказы о чудесах, им совершенных. Складывается своеобразное сочетание поучения и рассказа, характерное для евангелий, вошедших в Новый Завет, и для ряда евангелий, в него не включенных, в частности для евангелий иудео-христиан.

В христианских общинах существовали люди, записывавшие поучения, рассказы и объединявшие отдельные блоки традиции в единое повествование. В Послании к Ефесеянам сказано, что одних Христос поставил апостолами, других – пророками, иных – евангелистами, иных – пастырями и учителями (4:11). Интересно появление в этом послании «евангелистов». В Первом Послании к Коринфянам при перечислении призваний христиан упомянуты пророки, апостолы, учителя, но «евангелистов» нет, так как в то время господствовала устная передача «благой вести» пророками и апостолами. В Послании к Ефесеянам апостолы и евангелисты уже разные люди. Вероятно, это и были те христиане, которые производили записи традиции и ее обработку; записи эти должны были заменить авторитет устного предания. Сопоставление евангельских текстов – и признанных и непризнанных

Церковью – ясно показывает авторское творчество (композиция, отбор эпизодов и речений, стиль изложения), но реальные евангелисты не считали себя авторами. Новозаветные евангелия в греческом подлиннике называются «по Матфею» (в значении – согласно Матфею), «по Марку» и т.д. Имя непосредственного ученика Иисуса (или другое авторитетное имя²⁷) освящало писанный текст.

Возможно, первые записи, хотя и передавали «благовестие», не носили названия евангелий: так, писатель Юстин (сер. II в.) упоминает речения Иисуса и «воспоминания апостолов». Последние, по-видимому, означали евангелия (Апология. I.14–15). Но постепенно за подобными писаниями закрепилось наименование «евангелие» – писаная «благая весть». Наряду с евангелиями новозаветного типа существовали и такие, где не было единой канвы повествования; они содержали поучения, религиозно-философские рассуждения, речения Иисуса, связанные определенной внутренней идеей. Примером таких евангелий могут служить Евангелие от Фомы и Евангелие от Филиппа, переводы которых приведены во второй части книги.

Один из важных вопросов, стоящих перед исследователями истории возникновения христианской литературы, – это вопрос об абсолютной и относительной хронологии дошедших до нас писаний первых христиан, и прежде всего евангелий. Наиболее детально изучен вопрос о датировке канонических евангелий, хотя точных сведений установить не удалось. Поскольку в этих евангелиях содержатся пророчества о страшной гибели Иерусалима²⁸, можно с уверенностью сказать, что написаны они были после его разрушения, т.е. после 70 г. Ряд исследователей связывает сам факт записи евангелий с этим событием: один из них писал, что Евангелие от Марка было создано для того, чтобы «возродить надежду»²⁹.

Евангелие от Марка единодушно считается в науке самым ранним из канонических евангелий, хотя церковная

традиция ставит его на второе место. Предполагается, что автор третьего евангелия, начиная его словами «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях...» (Лк. 1:1), имел в виду Евангелие от Марка, которое он хорошо знал. Согласно традиции, сохраненной у Евсевия, Марк с точностью записал то, что запомнил со слов Петра, чьим переводчиком он был (НЕ. III.39).

Время создания и относительная хронология двух других синоптических евангелий неясны. Можно с определенностью говорить лишь о том, что они созданы в разной этнической среде: автор Евангелия от Луки, по-видимому, образованный грек (Евсевий Кесарийский называет его врачом из Антиохии. – НЕ. III.4); Евангелие от Матфея выявляет более тесные связи с иудейскими традициями. Среди христианских писателей II–IV вв. бытовало мнение, что Матфей написал свое евангелие по-арамейски; этим евангелием, по словам Иринея, пользовались эбиониты – древнейшая группа иудео-христиан. Иероним, переводчик Ветхого Завета на латинский язык, специально занимавшийся изысканием рукописей в Палестине и Сирии, утверждал, что он перевел с еврейского (он имел в виду арамейский язык) на греческий евангелие, которое многими считается подлинным Евангелием от Матфея. Однако дошедший канонический текст, по мнению исследователей, не может быть переводом с арамейского, хотя в нем и вставлены фразы на арамейском языке – последние слова Иисуса на кресте: «Или́, Или́! лама́ савахфа́ни?» («Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?») (27:46), но эти же слова есть и в Евангелии от Марка (15:34). Евангелие от Матфея написано по-гречески, ветхозаветные цитаты приведены по Септуагинте.

Сложен вопрос об относительной хронологии канонического Евангелия от Иоанна. Оно существенно отличается по содержанию и по проповеди Иисуса от синоптических писаний. Согласно церковной традиции, по времени написания Евангелие от Иоанна было последним из четы-

рех. Евсевий Кесарийский говорит, что Иоанн проповедовал устно, а после появления трех евангелий вознамерился их «восполнить» (тем самым автор «Церковной истории» как бы объясняет расхождения между четвертым и остальными евангелиями). Само начало евангелия, где Христос назван Словом («И Слово стало плотью, и обитало с нами...»), придает особый религиозно-философский смысл всему дальнейшему повествованию. Автор этого евангелия³⁰ знал первые три евангелия (или традицию, лежащую в их основе), но использовал их незначительно: в нем нет описания рождения, крещения, искушения Иисуса, нет его молитв в Гефсиманском саду. В этом евангелии Иисус произносит богословские поучения, большая часть которых отсутствует в других евангелиях. Однако есть точка зрения, что оно создано одним из первых, поскольку в нем встречаются совпадения (в том числе и фразеологические) с кумранскими рукописями³¹. Вероятнее всего, что Евангелие от Иоанна было написано в среде образованных христиан, стремившихся к созданию более развитой – по сравнению с синоптическими писаниями – теологии и христологии. Четвертое евангелие не было известно Поликарпу, автору Послания к Филиппийцам, хотя, по преданию, он был учеником апостола Иоанна. Незнание это может быть объяснено не только поздней датой написания Евангелия от Иоанна, но и недостаточно широким его распространением (христианская традиция по-разному определяет место возникновения этого евангелия – Эфес, Сирия, о-в Патмос). Имеются косвенные указания на примерное время его создания. Дело в том, что в Египте был найден небольшой папирусный фрагмент (18 глав) Евангелия от Иоанна, который папирологи датируют ок. 125–130 гг. К этому же времени относится папирусный фрагмент неизвестного евангелия (он приведен и разобран ниже), в котором использована традиция, сохраненная в синоптических писаниях, а также в Евангелии от Иоанна. Следовательно, в первой четверти II в. существовали тексты различных евангелий, которые

уже переписывались в Египте; созданы они должны быть до этого времени.

Таким образом, принято считать, что евангельское творчество относится к концу I в. В этот период записываются не только евангелия, вошедшие впоследствии в Новый Завет, но и большинство не признанных Церковью евангелий, самыми ранними из которых были евангелия иудео-христиан, говоривших как по-гречески, так и по-арамейски. Существование арамео-язычной христианской традиции подтверждается наличием в евангелиях, в том числе и канонических, так называемых семитизмов – слов и оборотов, восходящих к арамейскому языку. Эти обороты были заимствованы из первых записей, сделанных в Палестине, или, как предполагает С.С.Аверинцев, из устной традиции вытверженных на память афоризмов и рассказов³².

Распространение христианства в разной этнической и социальной среде, влияние нехристианских верований и философских систем, знакомство с которыми шло через новообращенных, неизбежно усиливали расхождения между отдельными группами христиан и их писаниями. К прежним расхождениям в устной традиции добавились расхождения между устной и писаной традицией и между различными писаниями. Как некогда первые христианские проповедники в Палестине полемизировали с кумранитами, так теперь в сочинениях христиан появляется полемика, направленная против единоверцев. Характерно в этом отношении одно из первых речений в коптском Евангелии от Фомы: «Иисус сказал: Если те, которые ведут вас, говорят вам: Смотрите, царствие в небе! – тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно – в море, тогда рыбы опередят вас. Но Царствие внутри вас и вне вас» (2). Это речение одновременно полемизирует с идеей установления материального Царства Божия на земле и со складывающимся учением о «Царстве Небесном» (выражение это – в подлиннике «Царствие Небес» – появляется у Матфея, заменяя в отдельных речени-

ях словосочетание «Царство Божие»³³. В Евангелии от Филиппа содержится полемика с защитниками учения о непорочном зачатии (17).

Постепенно выявляются наиболее почитаемые среди отдельных групп общин сочинения: прежде всего это относится к евангелиям. Из канонических евангелий на рубеже I—II вв. таковыми были евангелия от Марка и от Матфея (в греческой и арамейской версиях), а также Евангелие от Луки. Евангелие от Иоанна признавалось далеко не всеми группами, есть свидетельства, что оно было известно гностикам. Юстин использовал Евангелие от Петра, Папий ссылался на Евангелие евреев, которое, как и евангелие эбионитов, почиталось иудео-христианами Палестины и Сирии. Египетские христиане особо почитали Евангелие от Фомы и Евангелие от Филиппа, первоначально написанные по-гречески и позже переведенные на коптский.

Множество вариантов «благой вести», постоянные споры между проповедниками поставили перед христианами задачу отбора из всей литературы тех книг, которые почитались бы основными источниками христианского вероучения. Эту проблему попытался решить Татиан (2-я пол. II в.), ученик христианского писателя Юстина. Он создал своеобразный пересказ четырех новозаветных евангелий в одном сочинении — Диатессарон (По четырем), добавив некоторые места, совпадающие с фрагментами Евангелия евреев. Возможно, он воспринимал это евангелие как версию Евангелия от Матфея. В Диатессароне нет родословной Иисуса (не было ее и в арамейском Евангелии от Матфея, как о том свидетельствует христианский писатель Епифаний), нет упоминаний о его детских годах. Татиан, вероятно, написал свое сочинение на греческом, но затем оно было переведено на сирийский язык (Татиан происходил из Сирии). Сирийские христиане долгое время почитали Диатессарон как основную священную книгу. При раскопках древней крепости Дюра-Европос на берегу Евфрата был обнаружен фрагмент Диатессарона, относящий-

ся к III в.³⁴ Диатессарон был переведен в раннем средневековье на армянский и арабский языки. Существовал перевод и на латинский язык, но среди западных христиан сводное Евангелие Татиана не получило признания.

Еще до Татиана была сделана попытка отобрать несколько писаний и установить их авторитетный текст. Эта попытка связана с именем Маркиона, богатого судовладельца, внесшего большой вклад в казну римской общины христиан. Он прибыл в Рим из Малой Азии около 140г. Целью его было сплотить христиан вокруг своего учения, добиться полного разрыва с иудаизмом. Маркион утверждал, что тексты, передающие учение Иисуса, были искажены. Он написал сочинение «Антитезы», в котором излагал свое учение и обосновывал проделанный им отбор христианских писаний. Из всех евангелий Маркион отобрал только Евангелие от Луки и десять посланий Павла. Из Евангелия от Луки он убрал ветхозаветные цитаты, которые, по его словам, были вставлены туда защитниками иудаизма. В Маркионовом варианте отсутствовали легенды о рождении Иисуса и Иоанна Крестителя. Иисус Маркиона сошел с небес в пятнадцатый год правления Тиберия и явился в Капернауме. Ириней говорил о Маркионе: «Он бесстыдным образом богохульствует против проповеданного Законом и пророками Бога, говоря, что он – виновник зла, жаждет войны, непостоянен в своих намерениях и сам себе противоречит. Иисус же происходил от того отца, который выше Бога, творца мира...» (Против ересей. I.27, 2). Маркион учил, что абсолютное божество не имеет никакой связи с людьми: они полностью ему чужды. Христос выкупил людей своей кровью, а выкупить, по рассуждению Маркиона, можно только то, что тебе не принадлежит. В соответствии со своими рассуждениями он отредактировал послания Павла³⁵. Однако ни учение Маркиона, ни список отобранных им книг не были приняты большинством христианских общин, а сам Маркион был изгнан из римской общины. Попытка Маркиона отобрать

из всей массы христианских сочинений «истинные» должна была подтолкнуть христианских деятелей к тому, чтобы выработать и согласовать список священных книг, определить возможности их использования как источника вероучения, т.е. как канонические, рекомендовать для публичных чтений во время молений или только для домашнего чтения.

Понятие «канон», как и слово «евангелие», пришло к христианам из окружающего их языческого мира. Слово «канон» употреблялось в значении стандарта, нормы, правила, образца. Так, знаменитый греческий скульптор V в. до н.э. Поликлет написал сочинение «Канон», где он пытался обосновать идеальные пропорции при изображении человеческого тела. В ранних христианских писаниях слово «канон» встречается в значении «правило». В Послании к Галатам сказано: «Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь (т.е. творение – *авт.*). Тем, которые поступают по сему правилу (в греческом тексте – канону – *авт.*), мир им и милость...» (6:15–16). Только после длительного процесса отбора священных книг, когда сложились представления о существовании подлинных, истинных текстов и текстов подложных, искаженных, слово «канон» начало употребляться по отношению к собранию священных христианских книг, ставших образцами, с которыми нужно было сверять все высказывания, проповеди и даже поступки верующих. Такое словоупотребление распространяется с середины IV в., но начало создания канона или, точнее, канонов (ибо у разных групп каноны отличались друг от друга) относится к более раннему времени.

Вопрос о «подлинных» и «подложных» писаниях поставил в сочинении «Против ересей» Ириней. Он подверг критике множество существовавших в конце II в. учений внутри и около христианства, которые считал «еретическими». Слово «ересь» в греческом языке имело широкий диапазон значений. Применялось оно и для обозначения философской школы, учения. В христианских писаниях, в частности в Де-

яниях Апостолов, этим словом называют религиозные секты, например секту саддукеев (5:17); иудеи называли христианство сектой (ересью) назореев (24:5), причем это слово не имело специфически отрицательного значения. Затем параллельно с отбором священных текстов и развитием христианской теологии слово «ересь» приобретает негативный смысл, означая учение, расходящееся с истинным.

Главным объектом критики Ирины были многочисленные гностические учения (ереси), которые особенно широко распространились во II в. (им близко учение Маркиона). В противовес их писаниям Ириной выдвигает в качестве единственно истинных четыре евангелия. Он особенно активно защищал подлинность четвертого евангелия, тем самым косвенно свидетельствуя, что оно не было признано повсеместно и вызывало споры: «Четыре есть евангелия, не больше и не меньше, и только пустые, неученые и наглые люди, извращая форму евангелия, вводят их больше или меньше» (III.11). В противовес этим истинным евангелиям Ириной упоминает «несказанное множество апокрифических и подложных писаний» (I. 20). Употребленное им слово «апокрифические» впоследствии было распространено на все не признанные Церковью христианские книги. Появление этого термина связано с религиозно-философским течением гностицизма. В основе мировоззрения гностиков лежало представление о том, что земной мир создан не абсолютным Божеством, Светом, но низшими силами. Логос — Слово Божие, истекающий из Божества, является своего рода посредником между людьми и высшим миром: гностики, считавшие себя христианами, отождествляли Логос с Иисусом. Человек — не каждый, но только избранный, должен открыть внутри себя истинное знание (гносис) о Божестве и благодаря этому знанию (вернее, самопознанию) соединиться с Божеством. По учению гностиков, человек состоит из тела, души и духа; первые два элемента исходят от низших сил, дух же — отблеск, искра Божественной сущнос-

ти; только тот, кто обладает этой искрой и открывает ее в себе, становится избранным, неподвластным действию космических сил, управляющих телесным миром. Гностики сами называли свои писания тайными (они даже применяли криптограммы), предназначенными только для «избранных».

Гностики, о которых писал Ириней, пользовались сложной символикой образов, придавали магическое значение числовым сочетаниям, которые тоже могут быть постигнуты только «избранными» и останутся тайной для непосвященных. Именно такой подход и дал основание Иринею называть сочинения гностиков апокрифами, а так как он полемизировал с гностиками, стремясь доказать, что они искажают подлинное учение Христа, то для него их сочинения, также написанные от имени апостолов, были не только тайными, но и подложными. Такое же словоупотребление (тайные – подложные) встречается у Тертуллиана, христианского философа рубежа II и III вв. В конце II в. встречается выражение «Новый Завет» как название собрания признанных священными книг. Евсевий Кесарийский упоминает о сочинении неизвестного автора, направленном против одной из радикальных христианских групп – монтанистов; в этом сочинении слова «Новый Завет» употреблены применительно к писаному тексту, хотя само понятие существовало значительно раньше. Слово «Завет» восходит к идее союза народа с Богом, выраженной в библейских книгах; «Новым союзом» называли себя кумранские сектанты, считая, что старый («ветхий») союз Бога с иудеями потерял силу из-за искажения первосвященниками, фарисеями, вероотступниками истинного смысла божественных установлений, и они заключили с Богом «Новый союз». В Септуагинте слово «союз» передано словом «диатеке» – завет, завещание (исходящее от Бога). В смысле нового союза с Богом это словосочетание встречается и в Евангелии от Луки: «...сия чаша *есть* новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается» (22:20). Когда источником вероучения стали почитаться определенные ото-

бренные писания, то на них было перенесено название «Новый Завет».

Процесс отбора христианских книг, которые должны образовать этот «новый» (по сравнению с Ветхим) Завет, был процессом сложным не только потому, что отдельные группы общин почитали разные писания, но и потому, что наряду с резко расходившимися по вероучению текстами были писания, восходившие к общей традиции, но отличавшиеся передачей отдельных эпизодов и интерпретацией отдельных речений Иисуса. Кроме того, когда сложились основные евангелия, ставшие хорошо известными верующим, и их переработка (или, вернее, редактирование при переписке) могла сводиться только к изменениям отдельных деталей, стали создаваться самостоятельные произведения, как бы дополняющие древнюю традицию: описания детства Иисуса, жизнеописание его матери, описания деяний отдельных апостолов, упомянутых в евангелиях, – Петра, Павла, Филиппа, Андрея и др. Последние были особенно многочисленны в связи с тем, что во II в. наиболее значительные христианские общины начинают связывать свое происхождение с деятельностью непосредственных учеников Иисуса: община Рима якобы ведет свою родословную от Петра, община Эфеса – от Иоанна. Отношение к подобным произведениям было различным. Некоторые христианские теологи и апологеты христианства рубежа II—III вв., принимавшие в качестве основных источников вероучения четыре канонических евангелия, ссылались как на авторитет и на другие священные книги. Так, Ориген использовал Евангелие от Петра и «Книгу Иакова», содержащую историю детства и замужества Марии (оба этих произведения приведены ниже), цитировал Евангелие евреев и «Деяния Павла», только с оговоркой, что их нельзя ставить в ряд с четырьмя евангелиями. Встречаются цитаты из неканонических произведений и у Климента Александрийского. В то же время продолжали вызывать сомнения у ряда богословов те произведения, которые

вошли впоследствии в Новый Завет, прежде всего Апокалипсис Иоанна и анонимное Послание к Евреям, которое сам автор назвал «словом утешения» (или «увещания» — 13:22). Тертуллиан не упоминал среди священных книг Второе Послание Иоанна; Ириней — Послание Иуды.

Таким образом, христиане, особо почитавшие четыре новозаветных евангелия, были знакомы и с такой литературой, апостольское авторство которой или верность в передаче вероучения хотя и не отвергались совсем, но вызывали некоторые сомнения. У Оригена встречаются три группы писаний: «согласные», «ложные» и те, которые находятся «под сомнением». Вопрос о возможности пользоваться теми или иными писаниями решался во II—III вв. руководителями христианских общин. В этот период в большинстве христианских групп складывается аппарат управления, главой которого были епископы, первоначально «надзиратели» за порядком и финансами, затем — духовные пастыри рядовых верующих. Им приходилось высказываться по вопросам вероучения, ссылаться на авторитетные писания. В Письме к Филадельфийцам, приписанном христианской традицией перу антиохийского епископа Игнатия (II в.), автор пишет о том, что некоторые христиане говорят ему: «Если я не найду этого в древности, я не поверю в евангелие», а когда он говорит, что это действительно написано в древних писаниях, они отвечают: «Это нужно доказать». Судя по словам Игнатия, вопрос об авторитетности писаний стоял очень остро, причем особо почиталась сама древность традиции, лежащей в их основе.

Самым первым известным списком почитаемых книг является фрагмент, составленный в Риме около 200г. и обнаруженный в 1740г. По имени нашедшего его исследователя он назван «Канон Муратори». В этом фрагменте нет начала, но ясно, что в первых строках речь шла о возглавлявших список четырех евангелиях. Составитель списка указывает, что они «согласны между собой». Эта оговорка

знаменательна: по-видимому, и в самом конце II в. вопрос о расхождениях между каноническими евангелиями (прежде всего – между синоптическими евангелиями и Евангелием от Иоанна) волновал умы верующих. Канон включает «Деяния всех апостолов в одной книге» – имеются в виду новозаветные Деяния Апостолов³⁶, автор списка подчеркивает, что эти деяния писаны в одной книге. Включены в «Канон Муратори» и тринадцать посланий Павла – без Послания к Евреям; из канонических соборных посланий отсутствуют послания Петра, Послание Иакова, Третье Послание Иоанна. Любопытно, что в «Каноне Муратори» упомянута ветхозаветная книга «Премудрость Соломона», которая относится к так называемым ветхозаветным апокрифам³⁷, т.е. книгам, не включенным в иудейский канон Библии. «Премудрость Соломона» входит в Септуагинту: по-видимому, вокруг этого произведения шли споры между христианами и иудеями (или иудео-христианами), говорившими по-арамейски и не пользовавшимися Септуагинтой, поэтому составитель списка особо отметил эту книгу.

По поводу апокалипсисов составитель пишет: «Из откровений мы признаем только Иоанна и Петра, которое некоторые из наших не хотят читать в церкви. Но Герма написал «Пастыря» уже в наши дни в Риме, когда епископом был его брат Пий. Поэтому его нужно читать, но не публично в церкви, ни среди (писаний) апостолов, ни среди пророков». Отсюда следует, что при отборе священных книг играло роль не только содержание, но и давность, авторитетность сочинения, которое читалось в собрании верующих (в тексте канона под церковью понимается не помещение, а собрание верующих, еkklesia). Герма не мог считаться ни пророком, ни апостолом, хотя был, вероятно, весьма уважаемым среди христиан человеком; записанное в «наши дни» не могло идти в сравнение с древней традицией. При чтении писания, освященного такой традицией, действовал не только смысл читаемого, а сам образ слова, некогда произнесенного Иису-

сом и записанного его учениками: для верующих от такого слова исходила святость.

Не случайно отсутствие в каноне Послания к Евреям (о его спорности говорилось выше) и Послания Иакова. Это последнее некоторые современные ученые считают наименее «христианским» и наиболее «загадочным» из новозаветной литературы³⁸. Оно было создано, по всей вероятности, в среде иудео-христиан и адресуется «двенадцати коленам... в рассеянии» (1:1). В нем содержатся резкие выпады против богатства, защищается требование соблюдения иудейского Закона («дел»); в частности, там есть прямая полемика с Павлом, считавшим, что христианин спасется не делами Закона, а верой: «Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (2:17). Собрание христиан в этом послании названо синагогой (в синодальном переводе дано слово «собрание». – 2:2). Иудео-христианская направленность этого послания и привела к тому, что в «Каноне Муратори» его нет³⁹. С некоторой осторожностью относится составитель канона ко Второму Посланию к Коринфянам и Второму Посланию к Фессалоникийцам, в списке оговаривается, что эти послания – повторные (т.е., возможно, являются повторением первых посланий); послания к Тимофею, Послание к Титу и Послание к Филимону включены, как там сказано, из любви к Павлу, таким образом, можно думать, что составитель (составители?) «Канона Муратори» происходил из среды ортодоксальных христиан, почитателей Павла, но даже при той любви к нему, о которой упомянуто в списке, он с колебанием относился ко многим посланиям как источникам вероучения.

В III в. появились и другие списки священных книг. Существовал список в Риме, несколько сокращенный по сравнению с «Каноном Муратори»; в нем отсутствовал, в частности, Апокалипсис Петра. Другой канон, александрийский, был значительно шире римского. В него вошли кроме основных произведений Нового Завета «Учение двенадцати апостолов» («Дидахе»), «Пастырь» Гермы, Апокалипсис Пет-

ра, Послание Варнавы (по христианскому преданию, спутника Павла) и послания Климента Римского⁴⁰.

Евсевий Кесарийский много внимания уделял вопросу о подлинности священных книг, но и у него наряду с «подложными» упомянуты те, которые можно назвать «сомнительными». Он не признавал «Дидахе», Апокалипсис Петра, Послание Варнавы, а также, «если кому это покажется (правильным)», — Откровение Иоанна⁴¹ и Евангелие евреев. В древнейших дошедших до нашего времени рукописных сводах Нового Завета IV в., Синайском и Ватиканском, содержатся Ветхий и Новый заветы: в Синайском — с прибавлением «Пастыря» Гермия и Послания Варнавы, в Ватиканском — за исключением посланий к Титу, Тимофею и Филимону⁴².

Принятие канона господствующей Церковью было ускорено признанием христианства римским государством при императоре Константине (307—337 гг.). Чтобы разобраться в расхождениях христиан (а в этот период шла ожесточенная борьба между ортодоксальным течением и арианством — учением, отрицающим догмат о Троице), Константин потребовал, чтобы епископы предоставили ему копии священных книг. После длительных консультаций, уже после смерти Константина, на соборе в Лаодикее в 363 г. было принято решение разослать по всем христианским церквям списки канонических произведений. Согласно Лаодикийскому канону, в состав Нового Завета вошли 26 писаний — все, кроме Апокалипсиса Иоанна. В 367 г. в письме епископа Афанасия были названы уже все 27 писаний Нового Завета. Но этот список не был признан повсеместно: христиане многих сирийских общин не признали Откровение Иоанна; другие сирийские христиане остались верны почитанию Диатессарона; египетские (коптские) христиане совсем не приняли ортодоксального учения⁴³: у них были свои священные книги; вплоть до X в. палестино-сирийские христиане, как об этом будет сказано дальше, пользовались своим списком книг, который исключал все писания, связанные с именем Павла.

Окончательно список новозаветных книг был утвержден ортодоксальной Церковью на Карфагенском соборе в 419г. Но борьба вокруг проблемы подлинности Апокалипсиса Иоанна шла еще долго: обязательность его включения в состав Нового Завета была подтверждена на Константинопольском соборе в VII в.

В связи с утверждением списка канонических книг встал вопрос о судьбе тех писаний, которые считались спорными или подложными. В V в. исчезает понятие сомнительности отдельных христианских книг. Все писания, не вошедшие в Новый Завет, стали называться апокрифическими. Но отношение к этим писаниям различалось в зависимости от их содержания: были книги, которые Церковь разрешала читать верующим и которые оказали существенное влияние на догматику и обрядность ортодоксальной Церкви. К ним относились созданные после утверждения евангельской традиции повествования, ее дополняющие. Таковы писания, посвященные матери Иисуса: «История Иакова о рождении Марии», сочинение анонимного автора «Об успении Марии», Евангелие от Никодима (прежде всего та его часть, где рассказывалось о сошествии Христа в ад); к апокрифам относятся и многочисленная раннесредневековая литература о христианских мучениках, создававшаяся по образцу деяний отдельных апостолов (некоторые из них продолжали читаться на протяжении всего средневековья, в том числе и на Руси, например «Деяния Павла и Феклы»⁴⁴). Все эти писания наполнены чудесами, в них используются традиционные (особенно для восточных областей) сказочные мотивы, прослеживается связь с фольклором. Как правило, они не имели догматических расхождений с церковным учением, но из-за позднего происхождения и явной фантастичности не были признаны Церковью источниками вероучения. Те же книги, чье содержание существенно отличалось от канонических писаний, читать строго запрещалось. Эти книги считались не только апокрифическими, но и запрещенными,

«отрешенными». Первый список «отрешенных» книг был составлен в V в. в Восточной Римской империи. Вошедшие в него писания подлежали уничтожению как еретические; в течение последующих веков такие списки возобновлялись, что показывает на тайное (теперь уже действительно тайное!) существование подобных писаний. Прежде всего в список «отрешенных» книг были внесены иудео-христианские, гностические и близкие им писания.

Борьба Церкви против этих писаний привела к тому, что большинство списков «отрешенных» книг было уничтожено, однако сохранились цитаты из них в произведениях самих же защитников ортодоксальной Церкви. Благодаря успехам археологии конца XIX—XX в. стали известны многие «отрешенные» апокрифы. Что же касается не признанных священными, но разрешенных для домашнего чтения сочинений, то они дошли до нас в средневековых рукописях как на языке подлинника, так и в переводах на латинский, сирийский, арабский, армянский, грузинский и славянские языки.

Учения, содержащиеся в древних апокрифах, не пропали бесследно: они оказали влияние на самые разнообразные еретические движения как на Западе, так и на Востоке. Можно проследить преемственность идей от кумранских сектантов через учения иудео-христиан и гностиков к богомилам и катарам. И богомилы, проповедовавшие на Балканском полуострове (X в.), и южноевропейские катары (XI—XIII вв.) считали телесный мир созданием злых сил, отрицали церковную организацию и обрядность. Отзвуки иудео-христианских идей встречаются в средневековых мусульманских трактатах (о них будет сказано ниже) и древнерусских ересях, таких как «жидовствующие». Писания уничтожались — идеи продолжали существовать...

ПРИМЕЧАНИЯ

Возникновение раннехристианской литературы

- ¹ Об истоках, содержании и жанрах новозаветной литературы см.: История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983. С. 501.
- ² *Filson T.V.* New Greek and Coptic Gospel Manuscripts // *Biblical Archaeologist* 1961. XXIV. 1. Р. 6.
- ³ Сочинение, начинающееся словами: «Евангелия Истины есть радость для тех, кто получил от Отца истины милость познать Его через могущество Слова, пришедшего из Плеромы (полноты, совершенства – *авт.*)», было найдено среди рукописей на коптском языке, обнаруженных в 1945 г. в Египте. По всей вероятности, Иринеи имеет в виду именно это сочинение.
- ⁴ Эта библиотека была открыта в 1945 г. Подробнее о ней см.: *Трофимова М.К.* Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979; *Хосроев А.Л.* Александрийское христианство. М., 1991.
- ⁵ В греческом тексте – чрезвычайный, превосходящий (2 Кор. 12:11). По-видимому, речь идет о «старших» (по авторитету) апостолах, непосредственно общавшихся с Иисусом. Себя Павел также причисляет к апостолам, говоря, что «признаки» его апостольства были показаны перед коринфскими христианами разными знаменами (2 Кор. 12:12).
- ⁶ См.: *Свенцицкая И.С.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций // *Вестник древней истории*. 1981. N 4. С. 37.
- ⁷ В частности, Цельс (II в.), которого цитирует Ориген, говорит, что христиане для собраний используют сапожные или вальяльные мастерские (*Ориген. Против Цельса (Contra Celsum)*. IV.55. Далее: *Contr. Cels.*).
- ⁸ Цит. по: *Ранович А.Б.* Первонисточники по истории раннего христианства. М., 1990. С. 197—198. «Дидахе» – своего рода руковод-

ство для внутренней жизни христианских общин. Рукопись этого произведения была обнаружена в 1875 г.

- ⁹ «Критика текста» и «критика форм» разобрана в книге Трофимовой М. К. «Историко-философские вопросы гностицизма» (М., 1979. С. 60—63). См. также: *Dibelius M. Die Formgeschichte des Evangeliums* Tüb., 1959; *Geschichte der synoptischen Tradition* B., 1921.
- ¹⁰ Септуагинта — «перевод семидесяти», по преданию, был осуществлен семьдесятю александрийскими иудеями.
- ¹¹ *The Cambridge History of Bible*. Vol. 1. Cambridge, 1970. P. 230.
- ¹² См.: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 123.
- ¹³ История всемирной литературы. Т. 1. С. 507.
- ¹⁴ *Johnson P. A History of Christianity*. L., 1976. P. 44—45.
- ¹⁵ Подробно о содержании и образном строе Апокалипсиса Иоанна см.: *Козаржевский А. Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы*. М., 1985. С. 82—90.
- ¹⁶ Эта датировка приведена в «Церковной Истории» Евсевия Кесарийского (III, 18).
- ¹⁷ Письмо к Лаодикийцам упомянуто в Письме к Колоссянам (4:16). К подлинным письмам Павла относят Письмо к Римлянам, оба письма к Коринфянам, Письмо к Галатам; в расширенный список подлинных писаний включают Первое Письмо к Фессалоникийцам, Письмо к Филиппийцам, Первое Письмо к Тимофею (иногда Письмо к Филимону). О проблеме подлинности писаний см.: *The Cambridge History of Bible*. Vol. 1. P. 237—242. См. также. *Козаржевский А. Ч. Указ. соч.* С. 71—81.
- ^{18–19} Это свидетельство приведено у Евсевия (HE. III.39).
- ²⁰ Подробное исследование вопроса о Q, существование которого в настоящее время признает подавляющее большинство ученых, см.: *Edwards R. A. A Theology of Q*. Philadelphia, 1976. Эдвардс считает, что община, записавшая речи, рассматривала Иисуса как учителя, пророка и мудреца, все основные речи были связаны с пришествием «Сына человеческого» (ученый отмечает, что «Сын человеческий» — эсхатологическая фигура, ожидавшаяся в «последние времена», возможно,

первоначально и не отождествлялась с Иисусом, это отождествление произошло только после смерти Иисуса. – Р. 36). Образ «Сына человеческого» заимствован из Книги пророка Даниила (7:13).

- ²¹ В синодальном переводе Евангелия от Луки после слова «нищие» добавлено «духом».
- ²² См.: *Амусин И.Д.* Кумранская община. М., 1983. С. 217.
- ²³ Этот перевод предложен С.С.Аверинцевым (см.: История древнего мира /Под ред. *Дьяконова И.М., Нероновой В.Д., Свенцицкой И.С.* Т. III. М., 1982. С. 126).
- ²⁴ Согласно этой тенденции, Иисус у Луки (Лк. 2:7) рождается не в доме (ср.: Мф. 2:11), а в хлеве: «...и положила Его в ясли...» Поклониться ему пришли пастухи, а не восточные мудрецы (волхвы – в русском переводе), как у Матфея.
- ²⁵ Эта особенность, по-видимому, связана с тем, что автор третьего евангелия явно был греком, у него меньше, чем у Матфея, использована ветхозаветная литература, и адресовался он читателям из неиудеев (см.: *Козаржевский А.Ч.* Указ. соч. С. 50–52).
- ²⁶ Например, оксиринхский логий (1): «Иисус сказал: Там, где (двое, они не) без Бога, а там, где один, я говорю вам это, я с ним. Подними камень, ты найдешь меня там, разруби дерево, я тоже там» – в коптском тексте Евангелия от Фомы разделен между двумя речениями (первая часть греческого логия в речении 35, вторая – в 81). Подробнее об этом см.: *Трофимова М.К.* Историко-философские вопросы гностицизма. С. 83.
- ²⁷ Ни Марк, ни Лука, согласно церковной традиции, не были непосредственными учениками Иисуса (ими были Матфей и Иоанн), Лука, по преданию, был спутником апостола Павла, Марк – Петра, хотя в самих евангелиях, связанных с их именами, об этом ничего не говорится.
- ²⁸ Например: «...дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и детях ваших. Ибо приходят дни, в которые скажут: «...блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие» (Лк. 23:28–29).
- ²⁹ The Cambridge History of Bible. Vol. 1. P. 265.

- ⁴⁰ Евангелие написано от имени «любимого ученика» Иисуса, но еще в древности авторство это вызывало сомнения: так, Папий считал автора четвертого евангелия и автора Апокалипсиса разными лицами, причем только последнего он называл учеником Иисуса (см.: *Евсевий*. НЕ. III.39, 6).
- ⁴¹ Относительную датировку этого евангелия разбирает А.Ч.Козаржевский. «Четвертое евангелие в целом отражает весьма развитую богословскую мысль, далекую от архаизмов Апокалипсиса и тем более кумранских документов» (*Козаржевский А.Ч.* Указ. соч. С. 56). См. также: *Амусин И.Д.* Указ. соч. С. 217—218; исследователь указывает, что совпадений с кумранскими текстами больше всего в писаниях, связанных с именем Иоанна (не только в евангелии, но и в посланиях).
- ⁴² См.: *История всемирной литературы*. Т. 1. С. 507.
- ⁴³ Ср., например: «...как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (Мк. 10:23) и «...трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19:23). Возможно, «Царствие Небес» первоначально также означало Царствие Небес на земле.
- ⁴⁴ *Bell H.I.* Recent Discoveries of Biblical Papyri. Oxford, 1937. P. 22.
- ⁴⁵ Так, в Послании к Галатам вместо «возлюбившего меня» он читал «выкупившего меня» (2:20), тем самым подчеркивая свою идею выкупа Христом людей у мира и передачи их истинному божеству.
- ⁴⁶ Вопрос об авторстве и времени создания Деяний Апостолов, так же как и посланий апостолов, адресованных по форме всем христианам (их называют «католические» или «соборные» послания), неясен. Стилистические совпадения позволяют думать, что автором и третьего евангелия, и Деяний Апостолов, во всяком случае основной их части, является один и тот же человек. Деяния были написаны уже после падения Иерусалима, на рубеже I и II вв., после создания первых трех новозаветных евангелий. Главным героем Деяний Апостолов является Павел. Признание этого произведения каноническим связано, по всей вероятности, с распространением «паулинизма» — учения Павла, которое в начале II в. получило поддержку многих групп христиан. Что касается соборных посланий, то они были созданы, как

и поздние послания, приписываемые Павлу, вероятно, уже в начале II в. когда священнотворчество шло особенно интенсивно.

³⁷ Ветхозаветными апокрифами (у иудеев – «посторонние книги») называются произведения иудейской литературы, созданные в III—I вв до н.э. Некоторые из них оказались вошедшими в греческий перевод Библии; католическая и православная церкви их признают, а протестанты, следуя иудейскому канону, исключают.

³⁸ The Cambridge History of Bible. Vol. I. P. 264.

³⁹ Впоследствии это послание было включено в канон, вероятно, из-за имени его автора, ибо Иаков, брат Иисуса, был почитаемой фигурой в христианской традиции (правда, неясно, кому из нескольких Иаковок, упомянутых в Новом Завете, приписывалось это послание: среди непосредственных учеников Иисуса названы Иаков, брат Иоанна, и Иаков Алфеев, но скорее всего речь шла именно о брате Иисуса).

⁴⁰ Климент Римский, по церковному преданию, был одним из первых римских епископов (конец I в.); ему приписывается Послание к Коринфянам, связанное с резким внутренним конфликтом среди коринфских христиан между молодыми и старейшими членами общины. В письме имя автора не названо, но по достаточно древней традиции его приписывали Клименту. В Послании Варнавы утверждается противопоставление иудаизма христианству («Не Израиль, а христианство наследует завет»), т.е. развиваются идеи паулинизма. Церковь называет и того и другого «мужами апостольскими», но в окончательный текст канона их произведения не были включены, возможно из-за сомнительности авторства.

⁴¹ Евсевий приводит слова александрийского епископа Дионисия, который не признавал, что автор Апокалипсиса и Евангелия от Иоанна – одно и то же лицо: «Из духа того и другого, из образа речи. я заключаю, что писатель их не один и тот же» (НЭ. VII. 25).

⁴² О рукописных сводах Нового Завета см.: *Козаржевский А.Ч.* Указ. соч. С. 19–25.

⁴³ Первоначально слово «ортодоксы» употреблялось христианами писателями (Климент Александрийский) для обозначения лю-

дей чистой веры. В 325 г. на Никейском соборе большинством епископов был принят христианский символ веры, арианство было осуждено. Единая церковная организация стала называться католической (всеобщей) ортодоксальной (православной) Церковью, хотя фактически расхождения между западными и восточными христианами оставались.

⁴⁴ Это произведение в переводе на русский язык опубликовано в книге: *От берегов Босфора до Евфрата / Сост. С.С.Аверинцев.* М., 1987.

Неканонические речения (аграфа) и фрагменты неизвестных евангелий

В новозаветных книгах и в произведениях христианских писателей I—IV вв. встречаются отдельные речения, которые цитируются как слова, произнесенные Иисусом. Они отсутствуют в каноническом тексте четырех евангелий, и их источники установить пока не удастся. Такие речения принято называть аграфы (неписанные). К аграфы условно можно отнести также речения, сохранившиеся в рукописных вариантах новозаветных евангелий, но не вошедшие в признанный Церковью текст. Аграфы встречаются в посланиях Павла и в сочинениях таких почитаемых христианами писателей, как Юстин, Ориген, Тертуллиан, Климент Александрийский. В этих произведениях можно найти трактовки образа Иисуса, отличные от канонической, и такие факты его жизнеописания, которых также нет в четырех евангелиях.

Интересно появление в Деяниях Апостолов речения о необходимости давать, а не брать: по смыслу оно перекликается со многими поучениями, которые можно найти в евангелиях, но формулировка речения, не совпадающая с текстами евангелий, позволяет говорить об использовании устной традиции, в которой схожие по смыслу поучения варьировались отдельными проповедниками.

Можно выделить целую группу аграфы, касающихся Страшного суда и Второго Пришествия. В них отражено столь ясно видимое в Апокалипсисе Иоанна напряженное ожидание скорого конца света, которое было свойственно первым христианам, надеявшимся, что Царство Божие на земле установится при их жизни. К этой группе относится описание воскресения мертвых и «восхищения живых» в Первом Послании к Фессалоникийцам, речение из Посла-

ния к Ефессянам, разговор с апостолами из рукописного варианта Евангелия от Марка и рассказ Папия, приведенный Иринеем в его книге «Против ересей».

Эсхатологические чаяния особенно были распространены перед началом и во время I удейского восстания против римлян. Ожидание решающей схватки «сынов света» с «сынами тьмы», победы над злом было характерно еще для членов кумранской общины (II в. до н.э. — I в. н.э.), оно переросло позднее в идею Страшного суда. Рассказ Папия интересен тем, что он показывает, как первые христиане представляли себе Царство Божие на земле. Словам Иисуса, приведенным Папием в его сочинении «Изъяснение Господних изречений», предшествовало подробное описание изобилия, которое наступит при этом Царстве на земле. Это описание содержалось не только в сочинении Папия, Ириней говорит о пресвитерах (старейшинах), которые также повествовали о нем. Согласно этому рассказу, на земле будут расти целые виноградные деревья по 10 тысяч лоз каждое, и на каждой лозе по 10 тысяч прутьиков, и на каждом прутьике по 10 тысяч ягод, и когда святой захочет сорвать лозу, другая будет громко просить сорвать ее, так как она лучшая. И пшеница будет по 10 тысяч зерен в колосе, и все животные будут послушны людям. Именно это изобилие увидят люди, «которые достигнут тех времен». Рассказ Папия явно основан на устной фольклорной традиции, отраженной в древних восточных сказках, где говорится о сказочной стране, полной изобилия плодов. Еще в древнеегипетской «Сказке о потерпевшем крушение» говорилось, как спасшийся после кораблекрушения египтянин попал на остров, на котором он нашел и фиги, и виноград, и всякие прекрасные овощи, и «нет такого яства, которого там бы не было». Подобные сказания связаны с давней мечтой простых людей об избавлении от изнурительного труда и недоедания, но в то же время изобилие, о котором говорится в отрывке Папия, как и описанное в древних сказках, — это изобилие сверхъестественное,

не созданное руками человека. Рассказ этот — один из древнейших для христианства примеров использования фольклора, но в нем отсутствует идея духовного преображения, одна из важнейших идей раннего христианства.

Надежды на скорое Второе Пришествие отражены и в самом раннем каноническом тексте — в Евангелии от Марка: «...нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцев, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (10:29—30). В приведенном отрывке также можно видеть надежды на материальное благополучие. Но постепенно такое восприятие Царства Божия менялось: в речении о его приходе, содержащемся в Евангелии от Матфея, которое в целом соответствует речению у Марка, слова «ныне, во время сие, среди гонений» опущены. Вместо перечисления того, что получит последовавший за Иисусом, просто сказано: «получит во сто крат, и наследует жизнь вечную» (19:29). Традиционно-фольклорный мотив получения благ, во много раз превосходящих реальную жизнь, здесь дан только в намеке; речение из Евангелия от Матфея кажется сокращенным вариантом аналогичного места у Марка или сокращением соответствующего речения, которое имело хождение в устной традиции и которое записал автор второго евангелия.

Отрывок, не включенный в канонический текст Евангелия от Марка, также связан по содержанию с ожиданием Страшного суда, который должен положить конец «веку Сатаны». Перед Вторым Пришествием, по словам Иисуса, должны произойти страшные события, которые явятся испытанием и для тех, за спасение кого он и принял смерть.

Неприятие существующего мира как царства зла и неверия, которым управляет Сатана, злой дух, было характерно для первых христианских групп. В логии из Оксирина

(совпадающем с логием из Евангелия от Фомы) содержит требование отречения от мира как непременное условие достижения Царства Божия. В Послании к Галатам сказано, что Христос отдал себя, «чтобы избавить нас от настоящего лукавого века» (1:4). В рукописном окончании Евангелия от Марка неприятие «века Сатаны» гораздо более определено связано со скорым наступлением конца этого века («мера лет его исполнилась») и дает основание предполагать относительно раннюю дату исключенного из канонического текста описания явления Иисуса ученикам и не считать это описание поздней вставкой; словоупотребление в этом отрывке не противоречит остальному тексту евангелия – так, выражение «Сила Божия» встречается в гл. 12, ст. 24¹.

Изменение восприятия Царства Божия, которое все чаще мыслилось как Царствие Небесное, постепенное ослабление напряженного, фанатичного ожидания второго пришествия привело к тому, что сокращались, изымались, редактировались речения, рассказывающие о Страшном суде и Царстве Божиим на земле².

Среди неканонических речений встречаются такие, которые отражают свойственное первым христианам отрицательное восприятие богатства и могущества. К таким речениям относятся приводимые Оригеном слова: «Из-за слабых был слаб, из-за голодающих голодал, из-за жаждущих испытывал жажду». По смыслу это речение может быть связано с одним местом из Послания к Филиппийцам, где сказано, что Иисус «уничжил Себя Самого, приняв образ раба» (2:7)³. Смысловая связь указывает на древность традиции, лежащей в основе этих представлений (унижение, рабство, голод ради спасения униженных и голодающих). Своеобразно та же смысловая связь проявилась в тексте неканонического Учения двенадцати апостолов («Дидахе»), где Иисус назван рабом (ребенком) Господним (в греческом тексте употреблено слово «пайс», которое обозначает и «дитя», и в переносном значении «раб» – человек, подчиненный чьей-

то власти). В последнем случае на социальное представление о рабе наложена религиозная интерпретация: Иисус – раб, но раб Божий и в то же время дитя Божие; тем самым презренное понятие «раб» приобретает иное значение, будучи примененным к Спасителю людей; унизившись до положения раба, голодая ради голодных, он этих обездоленных людей приравнивал к «детям Божиим». Вероятно, к той же традиции восходит речение из апокрифических Деяний Филиппа, в котором выставляется требование нижнее сделать верхним, а правое левым. Но Филипп – апостол, почитавшийся гностиками (в Наг-Хаммади было найдено Евангелие от Филиппа); возможно, это речение было отредактировано в гностическом духе или взято из какого-либо евангелия гностиков (ср. на с. 57 приведенное в комментарии 8 параллельное место из Евангелия от Фомы).

К раннему периоду развития христианства относится речение, призывающее христиан быть опытными менялами.

По-видимому, это речение представляет собой предостережение против ложных пророков, которых нужно уметь распознавать, – мотив, часто встречающийся в ранней христианской литературе. Характерен образ, использованный в речении, – меняла, умело определяющий фальшивые монеты, но, как это свойственно христианским притчам, бытовой образ используется в другом значении, «переворачивается»: нужно распознавать не материальные, а истинные духовные ценности.

Отражением особенностей иудео-христианства является рассказ, сохранившийся в одной из рукописей Евангелия от Луки. Иудео-христиане (о них см. с. 64–81) не рвали полностью с иудаизмом, выполняли ряд обрядов (обрезание) и почитали субботу⁴; однако, будучи не только иудеями, но и христианами, они выступали против формального отношения к религиозным требованиям, против внешнего их соблюдения. Отрывок из Луки отражает, по всей вероятности, именно неформальное отношение к соблюде-

нию празднования субботы при общем признании соблюдения субботних установлений: человек, сознательно нарушающий установление и работающий в субботу в силу необходимости или для каких-то благих целей⁵, благословен, но человек, бездумно нарушающий Закон, – проклят. В последней фразе имелось в виду ветхозаветное установление (вернее, ряд установлений), согласно которому человек, по незнанию согрешивший (осквернивший себя), считался виновным и должен был очиститься (Лев. 5:1–4). Можно думать, что этот отрывок был исключен из окончательного текста Евангелия от Луки из-за того, что в гностических учениях, с которыми боролись христиане ортодоксального направления, понятия «знание» и «незнание» играли основную роль в вероучении, и речение о человеке, работающем в субботу, могло толковаться в гностическом духе.

Не вошедший в канонический текст рассказ Луки восходит к какому-то иудео-христианскому источнику, может быть к Евангелию евреев.

Вопрос об источниках неканонических решений не может быть решен однозначно: вероятно, некоторые из них восходят к сборникам речений-логиев, которые были достаточны рано записаны, а некоторые взяты из не признанных Церковью евангелий. Так, Ориген (*In Jeremiam homiliae*. III. 3) приводит без ссылки логий: «Кто близко от меня, близко от огня, а кто далеко от меня, далеко от Царства». Это речение полностью совпадает с одним из речений хенобокионского Евангелия от Фомы (86). Игнатий Антиохийский в Послании к Смирнийцам цитирует слова Иисуса, которые по другим источникам отнесены к Евангелию евреев; Климент Александрийский цитирует речение, в значительной степени совпадающее с одним из оксиринхских логиев, называя его речением из Евангелия евреев. Возможно, какие-нибудь новые находки фрагментов евангелий позволят идентифицировать другие аграфы.

До нас дошли не только аграфы, но и более значительные отрывки из неизвестных (неидентифицированных) евангелий. К таким отрывкам относятся папирусный фрагмент из Оксиринах и так называемый папирус Еджертона (по коллекции, в которой он находится).

Оксиринхский фрагмент был обнаружен в начале XX в. (опубликован в 1908г.) и представлял собой листок, испи-санный с двух сторон мелкими буквами. Очевидно, он яв-лялся своего рода амулетом.

В начале фрагмента Иисус, по-видимому, предостерега-ет учеников от коварства, которое может привести их к ги-бели. Основная часть сохранившегося фрагмента – рассказ о столкновении Иисуса со жрецом Леви в Иерусалимском храме. По жанру и основной направленности отрывок бли-зок к традиции, лежащей в основе первых трех каноничес-ких евангелий, однако сам эпизод изложен совершенно са-мостоятельно. Этот отрывок пытались идентифицировать с разными евангелиями, о которых встречаются упомина-ния у христианских писателей, — евангелиями евреев, егип-тян, назореев, Петра и т.д.⁶ Интересно, что наряду с неко-торыми параллелями с Новым Заветом можно найти и па-раллель с Евангелием евреев: в обоих евангелиях символом распущенности выступают флейтистки.

Главная идея, выраженная в описании этого столкнове-ния Иисуса со жрецом Леви, — выступление Иисуса против формальной обрядности, соблюдения которой требовали фарисеи (в отрывке указано, что жрец был фарисеем). Осуж-дение «книжников и фарисеев» постоянно встречается в но-возаветных евангелиях (а также в отрывке из апокрифичес-кого Евангелия от Петра). В евангелиях Марка (7:1—5) и Мат-фея (15:1—2) фарисеи упрекают учеников Иисуса в том, что они едят хлеб немытыми руками (в Евангелии от Марка по-ясняется, что фарисеи, следуя преданию старцев, соблюда-ют омовения рук, чаш, кружек, котлов, скамей). И в папирус-ном фрагменте, и в новозаветных евангелиях дано противо-

поставление очищения внешнего, ритуального очищению духовному. Эта мысль наиболее четко выражена в Евангелии от Иоанна, где сказано, что поклоняться Богу будут не в каком-либо определенном месте («не на горе сей, и не в Иерусалиме»⁷⁾), а «в духе и истине» (4:21–23). Требование духовного очищения было сформулировано еще в учении кумранской общины и в проповедях Иоанна Крестителя: еврейский историк Иосиф Флавий (I в. н. э.) в «Иудейских древностях», рассказывая о призывах Иоанна к крещению, пишет, что омовению должно было предшествовать очищение внутреннее – отказ от грехов и покаяние в них: «душа (крестившихся) предварительно очистилась благодаря праведности» (*Antiquitas*. XVIII.5). Таким образом, папирус из Оксирина отражает одну из самых важных идей раннего христианства, восходящую к учениям иудейских сектантов.

Эпизод в храме описан очень живо, ярким, образным языком; отрывок представляется частью цельного самостоятельного произведения, а не компиляцией, составленной на основе новозаветных евангелий. Противопоставление фарисея, омывшегося в стоячей воде, Иисусу и его ученикам, омывшимся в «живой воде», сделано гораздо более остро, чем в рассказах евангелий от Марка и Матфея об упреках по поводу немытых рук. В Новом Завете Иисус в ответ на упреки фарисеев в свою очередь обвиняет их в нарушении Писания, здесь же расхождение гораздо более принципиально, и отрывок обрывается на грозных словах, предрекающих гибель тем, кто не примет очищения духовного, – во всяком случае таков должен по смыслу быть конец оборванной фразы.

Идентифицировать этот отрывок очень трудно; резкая полемика с фарисеями не исключает влияния иудео-христианства. Для христиан из иудеев было характерно противопоставление своего учения не иудаизму в целом, а именно наиболее ортодоксальному течению, представленному фарисеями. Возможно также, что в этом отрывке отрази-

лись споры по поводу ритуальных омовений, которые велись между фарисеями и ессеями⁸. Христиане, принимавшие священное омовение (крещение) единожды, занимали по этому вопросу крайнюю позицию: они отказывались от ритуальных омовений вообще и в этом отношении противопоставляли себя не только фарисеям, но и ессеям⁹. Поэтому представляется возможным, что отрывок на оксиринхском папирусе восходил к Евангелию евреев или Евангелию от Петра (об этих евангелиях будет сказано ниже), по своему жанру неизвестное евангелие примыкает к новозаветному типу.

Отрывок второго неизвестного евангелия также обнаружен на листочках папируса. Этот фрагмент, вернее несколько фрагментов, был найден в 1934г. и в следующем году опубликован. Рукопись сохранилась на трех листочках, последний отрывок сильно фрагментирован. Издатель новооткрытого отрывка полагал, что евангелие, к которому он относится, было написано в первой четверти II в.¹⁰, во всяком случае до 150г. Отрывок этот представляет значительный интерес, так как написан на основе традиции, использованной в Евангелии от Иоанна (имеется совпадение некоторых стихов в обоих евангелиях), возможно, автор папирусного фрагмента уже читал четвертое евангелие. Но он знал также традицию, использованную у Луки, и привлек какие-то другие источники, в том числе устные рассказы. Этот отрывок отражает время от начала создания разных евангелий до отбора наиболее почитаемых писаний и дает возможность проследить сам процесс создания священных книг христиан¹¹.

Отрывок начинается с фрагментов, из которых явствует, что Иисуса обвиняли в нарушении установлений иудейского Закона. Затем идет рассказ о том, что Иисуса должны были как вероотступника забросать камнями, но он ускользнул из рук «правителей». Именно в этих эпизодах можно увидеть совпадения с Евангелием от Иоанна (например:

«...никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его». – 7:30).

Однако следующие эпизоды связаны уже с синоптической традицией: исцеление прокаженного упомянуто в евангелиях от Марка, Матфея и Луки (см. комментарии). Отлично от Нового Завета трактуется в неизвестном евангелии вопрос о подати кесарю. Прежде всего здесь вопрос касается не конкретно подати, которую наложили на иудеев римляне (как в первых трех канонических евангелиях), а отношения к государственной власти вообще: следует ли давать то, что положено властью царей? Ответ Иисуса направлен против лицемерия и коварства спрашивающих. Он не дает определенного ответа, но упрекает их в непонимании его учения, хотя спрашивающие называют его «учителем». В этом ответе ощущается то противопоставление мира реального и мира преображенного, основанного на божеских, а не человеческих законах, которое было свойственно первым христианским группам. Вопрос платить или не платить подать кесарю не был для них сколько-нибудь существенным, поскольку они ждали скорейшего конца мира со всеми кесарями, податями, деньгами и т.п. Вероятно, и в новозаветной версии акцент первоначально ставился на первой части ответа – «Богу – божие» (земные дела не должно смешивать с божественным учением), и лишь впоследствии, когда для христиан стало необходимым включиться в повседневную жизнь, поскольку второе пришествие все не наступало, когда они решали вопросы допустимости или недопустимости тех или иных поступков в этом мире, ответ Иисуса в канонических текстах стал восприниматься как разрешение платить подати императору.

Цитата из пророка Исайи, приведенная в папирусном фрагменте, была призвана подчеркнуть необходимость исходить из заповедей Бога, а не человеческих установлений. Интересно, что та же самая цитата встречается в канонических евангелиях, но в другом контексте: Иисус приводит ее,

чтобы показать отступление иудеев от божественных заповедей и следование вместо этого «преданию старцев»; к такому преданию он относит требование ритуального омовения рук. Использование одной и той же цитаты в разных контекстах может подтвердить гипотезу о первоначальной записи ранними христианами отдельных ветхозаветных пророчеств и других цитат, которые приводились христианами проповедниками; возможно, однако, что цитата из Исаяи попала в разные евангелия непосредственно из устной традиции. Вероятно, автор папирусного фрагмента не знал контекста, в котором цитата из Исаяи использовалась в новозаветных евангелиях. Но даже если он и читал записи евангелий, ставших впоследствии каноническими, он не воспринимал их таковыми: для него эти записи были одними из многих рассказов о жизни и поучениях мессии Иисуса.

Последний отрывок очень фрагментарен. Можно только догадываться, что в нем идет речь о каком-то чуде, сотворенном Иисусом на берегу Иордана, которое раскрывает смысл вопроса, заданного Иисусом ученикам. Чудо это должно символизировать, по-видимому, истинную веру, зерна которой, будучи невидимыми, дадут обильные плоды (возможную реконструкцию этого отрывка см. комментарий 13 на с. 61). Такой подход к чудесам, творимым Иисусом, характерен и для четвертого евангелия: чудо с насыщением пяти тысяч человек пятью хлебами (6:10–35) символизирует «хлеб жизни», который дает учение Христа («Я есмь хлеб жизни: приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда». – 6:35). Чудо здесь становится знамением, призванным раскрыть верующим смысл учения Иисуса. Само же описание чуда в папирусном фрагменте отличается от новозаветной традиции и восходит к другим источникам.

Мы не знаем, как были связаны между собой фрагменты неизвестного евангелия, но можно говорить о нем как о самостоятельном произведении, независимом целиком от

Нового Завета, с выраженной теологической концепцией духовного спасения. Неизвестное евангелие, вероятно, было создано в Египте. Относительно ранняя дата его написания говорит о том, что в первой четверти II в. христианские общины существовали в Египте; им была знакома устная и письменная раннехристианская традиция. Возможность того, что автор читал текст Евангелия от Иоанна, подтверждается находкой небольшого папирусного фрагмента, в котором записаны стихи из 19-й главы Евангелия от Иоанна (31—33; 37—38); фрагмент датируется примерно первой третью II в.н.э. (ок. 130 г.)¹²; находка этого отрывка и отрывка из неизвестного евангелия, относящихся примерно к одному и тому же времени, позволяет выделить конец I в. – начало II в. в качестве периода интенсивного евангельского творчества, когда отбор христианских книг, признаваемых священными, каждой христианской группой еще не начался. Интерес к Евангелию от Иоанна именно среди египетских христиан вряд ли был случаен: идея спасения в духе («...если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие». – 3:5) близка гностическим учениям, которые распространялись именно в Египте.

К египетскому (точнее, александрийскому) христианству принадлежит отрывок неканонического Евангелия от Марка, приведенный в письме крупнейшего христианского писателя Климента Александрийского, открытом в одном из сирийских монастырей в 50-х годах нашего века. Письмо адресовано некоему Федору. Издатель этого письма М.Смит считает его подлинным, как и содержащийся в нем отрывок. Само письмо близко по стилистике к произведениям Климента, но текст из Евангелия явно написан другим автором, знавшим традицию канонического Евангелия от Марка. Евангелист Марк почитался христианами Александрии как основатель христианской общины этого города. Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» (II, 16, I) говорит, что Марк отправился в Египет и был там первым, про-

поведовавшим евангелие. Во времена Климента (конец II века) христиане Александрии принимали «тайное» евангелие от Марка, отличное от новозаветного. В письме Климент отмечает, что евангелие это было написано самим Марком, но затем его украли и исказили сторонники одного из еретических проповедников — Карпократа. Александрийская Церковь и карпократиане пользовались разными текстами Евангелия от Марка, но они были схожи. Первый текст был длиннее канонического (Климент полагал, что Марк, придя в Александрию, дописал свое благовестие). Не исключено, что вставка в конец новозаветного второго евангелия связана с его александрийским вариантом, отрывок из которого разбирает М.Смит.

Приведенный в отрывке рассказ о юноше, воскрешенном Иисусом, возможно связан с проблемой крещения учеников Иисуса. В Новом Завете на этот вопрос ответа нет. В Евангелии от Иоанна в одном месте говорится, что Иисус жил вместе с учениками и крестил (3:22), а в другом, что крестили ученики, а не Иисус (4:2: «...хотя сам Иисус не крестил, а ученики Его...»). В первых трех евангелиях о крещении не сказано ничего. М.Смит предполагает, что в найденном отрывке речь идет о крещении юноши (поэтому он приходит обнаженным в покрывале), которое совершалось втайне и которому предшествовало посвящение «в тайну Царства Божиего». Вероятно, первые христиане воспринимали обряд крещения — духовного и физического очищения — как таинство, как индивидуальное сопричастие Святому Духу, поэтому евангелия его не описывают (кроме крещения самого Иисуса). Ближайших учеников, если принять трактовку Смита, Иисус крестил сам, а те из них, кто был посвящен в «тайну Царства Божиего», крестили других, но не открыто: Иоанн в четвертом евангелии говорит, что, когда Иисус узнал о дошедших до фарисеев слухах о том, что он приобретает учеников и крестит, он ушел из Иудеи (4:1; по видимому, крещение не производилось публично).

Рассказ о воскрешении безымянного юноши отдаленно напоминает рассказ Евангелия от Иоанна о воскрешении Лазаря, брата Марии и Марфы, в чьем доме бывал Иисус (11:1—45). В новооткрытом отрывке воскрешение описано короче и отличается в деталях. Можно предположить, что рассказы о чудесных воскрешениях умерших были в разных вариантах распространены среди последователей Иисуса, и авторы евангелий вставляли их в свои повествования в контекстах, соответствующих их представлению о деятельности Иисуса.

Был ли рассказ о юноше частью текста новозаветного Евангелия от Марка в его расширенном варианте или частью самостоятельного апокрифа, носившего имя того же автора, сказать трудно. Возможно, александрийские христиане создали свой вариант второго евангелия, где использовали и устную и письменную традицию, как это было и во фрагментах неизвестных евангелий, дошедших на папирусах.

ПРИМЕЧАНИЯ

Неканонические речения (аграфы)
и фрагменты неизвестных евангелий

- ¹ Правда, выражение «вернуться к Истине» могло быть истолковано в гностическом духе (среди коптских рукописей найдено Евангелие Истины), но более близкая параллель содержится в Евангелии от Иоанна (4:23). Для раннего христианства вообще характерно отсутствие строгих теологических конструкций; одни и те же понятия (вернее, образы-символы), такие как Истина, «дух», «сила», воспринимались разными читателями и слушателями по-разному.
- ² По вопросу о сроках второго пришествия среди христиан, по-видимому, шла острая полемика: так, во Втором Послании Петра говорится о людях, «наглых ругателях», которые сомневаются в возможности пришествия, ибо оно не наступает. Автор отвечает им: «Не медлит Господь *исполнением* обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (3:9).
- ³ В канонических евангелиях нет упоминания Иисуса в «образе раба».
- ⁴ Ср. логий, сохранившийся в греческом варианте на папирусе из Оксиринха, а в коптском – в Евангелии от Фомы: «Говорит Иисус: Если вы не отречетесь от мира, не обретете Царства Божия; если вы не будете соблюдать субботу, не увидите Отца» (32).
- ⁵ В том же Евангелии от Луки Иисус, оправдывая своих спутников, срывавших в субботу колосья, сказал: «...Сын Человеческий есть господин и субботы» (6:5).
- ⁶ Apocryfi Novego Testamentu. Lublin, 1980. P. 96.
- ⁷ Речь идет о горе около Самарии, которую считали священной самаритяне, не признававшие Иерусалимского храма; в свою очередь нуден не считали самаритян единоверцами.
- ⁸ См.: Амусин И.Д. Кумранская община. М., 1983. С. 143.

⁹ В новозаветных текстах, при всей очевидной близости учения первых христиан к кумранитам, видна полемика между последователями Иисуса и кумранскими ессеями и по другим вопросам. Наиболее яркий пример этой полемики – выступление против замкнутости кумранитов. «...Для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд, или под кровать?» (Мк. 4:21; ср.: Евангелие от Фомы. 38).

¹⁰ *Bell H. I. Recent Discoveries of Biblical Papyri.* Oxford, 1937. P. 20.

¹¹ Белл решительно возражает против теологов, которые считали папирусный фрагмент составленным на основании четырех новозаветных евангелий (*Ibid.* P. 17–18).

¹² *Roberts G. H. An Unpublished Fragment of the Fourth Gospel in John Rylands Library.* Manchester, 1935.

Аграф¹

«Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы, живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем»² (1 Фес. 4:15—17).

«Посему сказано: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф. 5:14).

«...Ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать»³ (Деян. 20:35).

«В тот же день он увидел человека, работавшего в субботу, и он сказал ему: «Человек! Если ты знаешь, что делаешь, ты благословен, но, если не знаешь, ты проклят как преступивший закон» (Лк. 6.4. Cod. D).

«И они оправдывались, говоря: «Этот век (греч. – эон – *авт.*) неверия и беззакония Сатаны, который через нечистых духов не позволяет, чтобы истинная сила Божия была постигнута. Посему яви нам свою справедливость». И Христос ответил им: «Мера лет (царства) Сатаны исполнилась. Но грядут страшные свершения, и (для тех) за кого, грешных, я принял смерть, чтобы они могли вернуться к Истине и не грешить больше и následовать Духу и нетленной славе чистоты в небесах» (затем следует ст. 15 согласно каноническому тексту) (Рукописное добавление к Евангелию от Марка. 16:14. Freer logion)⁴.

«Будут вражда и раздоры»⁵ (*Флавий Юстин*. Разговор с Трифоном иудеем (Dialogus cum Tryphono iudaeo). XXXV. Далее: Dialog).

«В чем найду я вас, в том и буду судить» (Ibid. XXXVII).

«Будьте опытными менялами» (Апеллес у Епифания. – *Епифаний*. Панарион, или Антедот против ересей (Epifanii librorum adversus haereses proemium). 44.12. Далее: Haeres).

«Никто не войдет в Царствие Небесное, кто не пройдет через искушение»⁶ (*Tertul.* De baptismo. XX.2).

«Попроси о великом, и Бог добавит тебе малое» (*Климент Александрийский*. Строматы (Stromata). I.XXIV.58. Далее: Strom.).

«Те, кто со мной, не понимают меня»⁷ (Деяния Петра).

«Ради слабых был слаб, ради голодающих голодал, ради жаждущих жаждал» (*Orig.* (Commentarii in Mattheum). 13.2. Далее: Com. in Matth.).

«Если не сделаете среди вас нижнее верхним и правое левым, не войдете в Царствие мое»⁸ (Деяния Филиппа. 34).

«Когда же Иуда предатель не поверил сему⁹ и спросил, каким образом сотворится подобное изобилие произрастаний, Господь сказал: «Это увидят те, кто достигнет тех времен» (Папий у Иринея. – *Иринея*. Против ересей. XXXV.33).

«Много раз желал я услышать единое из сих слов, и не было, кто бы сказал»¹⁰ (Там же. I.20.1).

КОММЕНТАРИИ

Аграф

- ¹ Большинство решений, сохранившихся в произведениях христианских писателей, собраны в книге: *Preuschen E. Antilegomena. Gissen, 1905. S. 27—30.*
- ² Описание второго пришествия у Павла имеет некоторую параллель с Евангелием от Матфея: «И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их (24:31). Однако сопоставление обоих мест ясно показывает, что в Первом Послании к Фессалоникийцам использована иная традиция, возможно, устная, созданная первыми христианами, ждавшими пришествия Христа при своей жизни. Эти «слова Господни», как и следующее речение из Послания к Ефесянам, отражают апокалиптические рассказы, распространенные в среде иудео-христиан (ср.: Апокалипсис Иоанна).
- ³ Это речение, вероятно, представляет собой один из вариантов наставлений, которые у Матфея и Луки были объединены в проповедь (Нагорная проповедь), но первоначально представляли собой изолированные речения от имени Иисуса (ср.: Лк. 6:38 – «Давайте и дасться вам...»).
- ⁴ Логий назван по месту хранения; он разобран подробно в книге. *Helzle E. Der Schluss des Markusevangeliums (Mk. 16:9—20) und Freer Logion (Mk.16:14). Tübingen, 1959.* Слова апостолов из этого отрывка приведены у Иеронима (*Contra Pelagium* II.15). Повидимому, здесь отражена достаточно древняя традиция, но не исключено, что последних фраз коснулась рука редактора (переписчика) – гностика (идея возвращения к Истине). Возможно, приведенный отрывок входил в один из вариантов Евангелия от Марка, о которых писал Климент Александрийский

- ⁵ Речение имеет параллель в Евангелии от Фомы из Наг-Хаммади, в котором оно дано более развернуто: «...я пришел бросить на землю разделения, огонь, меч, войну» (17). Это речение восходит к традиции о Страшном суде.
- ⁶ Речение связано с требованием активного преодоления испытаний и искушений. Отказ от соблазнов, преодоление искушений – таковы условия спасения, которые выдвигали первые христианские группы, требовавшие проявления особой стойкости в отношении с миром.
- ⁷ Отзвуки одиночества Иисуса даже среди его учеников, о котором здесь идет речь, содержатся в евангельских рассказах о пребывании Иисуса с апостолами на Масличной горе, когда апостолы заснули, невзирая на его просьбы (см.: Мф. 26:38–43).
- ⁸ Речение имеет параллель в Евангелии от Фомы из Наг-Хаммади. «...Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним... тогда вы войдете в [Царствие]» (27). Вероятно, оба речения имеют один источник, но в речении из апокрифических «Деяний Филиппа» говорится о «перевертывании» духовных ценностей, а не о преодолении разделения, как в гностическом Евангелии от Фомы.
- ⁹ Этому отрывку у Ириния предшествует длинный рассказ, описывающий тысячелетнее «Царство Божие» на земле, который содержался у Папия и других не названных по имени старцев.
- ¹⁰ Ириней, приводя это речение, говорит, что гностики неправильно его толкуют. Вероятно, это речение содержалось в списках изречений Иисуса и было использовано в гностических сочинениях.

Фрагменты неизвестных евангелий

Рар. Ох. 840¹

...прежде, чем совершит зло (дурное), обдумает все коварства. Но будьте осторожны, чтобы не случилось с вами то, что с ними², ибо не только среди живых совершившие зло среди людей получают воздаяние, но они должны получить наказание и муки.

И он взял их (учеников) с собой в место, предназначенное для чистых, и вошел во двор Храма³. И главный жрец из фарисеев по имени Леви встретился им и сказал Спасителю: Кто позволил тебе войти в это чистое место и смотреть на эти святыни без омовения, и даже твои ученики не вымыли ног своих? Нечистыми вы вошли во двор Храма, чистое место, хотя никто, кто не омылся сперва и не поменял одежды, не смеет вступить и созерцать эти святыни. И Спаситель остановился со своими учениками и спросил его: А как же ты, который находишься здесь во дворе Храма, ты чист? И он сказал Ему: Я чист, ибо я омылся в источнике Давида и спустился по одной лестнице и поднялся по другой, и надел белые чистые одежды⁴. И только тогда я вошел и созерцал эти святыни. Тогда Спаситель сказал ему: Ты омылся в стоячей воде, в которой собаки и свиньи лежат день и ночь, и ты омылся и натер снаружи свою кожу, как блудницы и флейтистки душатся, моются, натираются (благговониями) и краской, чтобы возбудить желание, а внутри они полны скорпионов и пороков. Но Я и Мои ученики, о ком ты сказал, что они нечисты, Мы омылись в живой воде⁵, которая нисходит (с небес). Но горе тем...

Рар. Egerton⁶

...к знатокам Закона... каждого, кто нарушает Закон, но не Меня... делает, что делает⁷. И повернувшись к правителям на-

рода сказал им так: Поищите в Писаниях, через которые, вы думаете, что обретете жизнь, это они свидетельствуют обо Мне. Не думайте, что Я буду обвинять вас перед Отцом: есть вам обвинитель Моисей, на которого вы возлагаете надежду⁸. И тогда они сказали: Мы знаем, что Бог говорил с Моисеем, тебя же не знаем, кто ты такой? Иисус ответил и сказал им: Уже обвинены вы в неверии вашем...

...камни, чтобы забросать Его, и правители наложили руки свои на Него, чтобы схватить Его и выдать толпе. Но не могли схватить Его, ибо час выдачи Его еще не пришел. Но Он, Господь, уклонился от рук их и ушел от них. И за тем прокаженный подошел к Нему, говоря. «Иисусе, учитель, я ходил с прокаженными и ел с ними (? — *пер.*)... (в гостинице) и сам стал прокаженным. Если Ты хочешь, Ты можешь меня очистить». И тотчас Иисус сказал ему: Хочу, очистишься. И проказа... сошла с него. (И Господь сказал ему) иди и покажись (жрецам — *пер.*)⁹...

...Пришли к Нему: чтобы испытать Его, говоря: Учитель Иисусе, мы знаем, что Ты пришел от Бога, ибо творишь то, что свидетельствовано обо всех пророках. Посему скажи нам, допустимо ли давать царям то, что положено их власти? Можно ли давать или нет?¹⁰ Но Иисус понял замысел их, полный нечестия, и сказал им: Почему вы зовете Меня «учитель» устами своими, а не делаете того, что Я говорю?¹¹ Правильно Исайя пророчествовал о вас: Народ этот чтит меня устами своими, но их сердце далеко от меня и почитание их тщетно, они чтут заповеди человеческие¹²...

...место закрытое... оно лежит внизу невидимое, его вес неизмерим... и когда они были в недоумении от Его вопроса, Иисус на своем пути подошел к берегу реки Иордан, протянул свою правую руку и наполнил ее... и бросил... на... и тогда... вода... перед их глазами... принеся плоды... много¹³...

КОММЕНТАРИИ

Фрагменты неизвестных евангелий

- ¹ Опубликован: *Grenfell B.P., Hunt A.S.* Fragment of an Uncanonical Gospel from Oxyrynchos. Oxford, 1908.
- ² Ср.. «Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 13:5); эти слова представляют собой заключение рассказа о гибели галилеян («которых кровь Пилат смешал с жертвами их». – Лк. 13.1) и о гибели людей, погибших при обвале башни.
- ³ Ср.. Евангелие от Марка, где говорится о посещении храма, но нет эпизода со жрецом (11.27). «Чистым местом» в Септуагинте называется место для жертвоприношений, храм (LXX. Lev. 4.12; 6.4; ср.: Ibid. 10.14, где в том же контексте употреблено выражение «святое место»).
- ⁴ В Ветхом Завете жрецам предписывалось одеваться в льняную одежду, а после жертвоприношения надеть новые одежды (см.: Лев. 6:4).
- ⁵ Ср.: в Евангелии от Иоанна Иисус говорит, что вода, которой он напоят, «сделается в нем (т.е. в человеке — *авт.*) источником воды, текущей в жизнь вечную» (4:14); здесь та же идея «живой воды» веры, но выраженная в другом образе (у Иоанна эту воду пьют, во фрагменте неизвестного евангелия в ней омываются); такая вариативность образов характерна для устной традиции, которую, вероятно, использовали оба евангелиста.
- ⁶ Опубликован. *Bell H.I., Sceat T.S.* Fragments of Unknown Gospel. L., 1935.
- ⁷ По-видимому, здесь речь идет о конфликте между Иисусом и иудейскими жрецами, знатоками Закона, которые обвиняли его в нарушении религиозных установлений. Резкие слова Иисуса послужили поводом для того, чтобы попытаться забросать его камнями

- ⁸ В этом отрывке есть совпадения с Евангелием от Иоанна (5:39; 5:45), но одни и те же выражения включены в другой контекст. Кроме того, исключены стихи, которые есть у Иоанна между 39-м и 45-м.
- ⁹ История с прокаженным восходит к традиции, отраженной в синоптических евангелиях (Мк. 1:40—44; Мф. 8:2—3; Лк. 5:12—14), но изложена она не идентично. в папирусном фрагменте подчеркнуто, что человек заразился от прокаженных, с кем он вместе ходил и ел (возможно, это был своего рода подвиг веры в результате проповеди Иисуса, который тотчас излечивает его).
- ¹⁰ Этот эпизод напоминает известный по каноническим евангелиям рассказ о «динарии кесаря» (Мк. 12:13—17; Мф. 22:16—21; Лк. 20:20—25), когда Иисуса спросили, позволительно ли давать подать кесарю или нет, на что Иисус отвечает «...отдавайте кесарю кесарево, а Богу божие». Аналогичное место имеется и в Евангелии от Фомы, но там Иисус говорит: «Дайте Цезарю то, что принадлежит Цезарю, дайте Богу то, что принадлежит Богу, и то, что мое, дайте это мне!» (104).
- ¹¹ Ср.: Лк. 6:46, где эти слова употреблены в ином контексте
- ¹² Слова пророка Исаии цитируются по тексту Септуагинты (29.13)
- ¹³ По-видимому, здесь рассказывается о каком-то чуде, сотворенном на берегу Иордана. Предположительное восстановление следующее: Иисус задает вопрос ученикам: когда хозяин спрятал семя в тайное место так, что оно стало невидимо, как могло его богатство стать неизмеримым? Когда ученики были в недоумении от этого вопроса, Иисус подошел к берегу Иордана, набрал воды в руку, разбрызгал ее по земле (или окропил ею какое-то дерево), и тотчас земля (дерево) дала множество плодов (*Bell H.I. Recent Discoveries...* P. 17—18).

*Фрагмент неканонического
Евангелия от Марка¹*

...и пошли в Вифанию, и была там одна женщина, чей брат умер. И, подойдя, преклонила она колени перед Иисусом и говорит ему: Сын Давидов², сжался надо мной. Ученики же возбраняли ей. Но Иисус, разгневавшись (на них), пошел с нею в сад, где находилась гробница, и тотчас раздался громкий звук из гробницы. И подойдя, Иисус отвалил камень от входа в гробницу и сразу же вошел туда, где был юноша. И протянув руку, пробудил, коснувшись руки его. Юноша же, открыл глаза и возлюбил (Иисуса), умоляя, чтобы (разрешил) быть с ним. И выйдя из гробницы, они вошли в дом юноши, ибо тот был богат. Спустя шесть дней повелел ему Иисус³, и юноша пришел к нему обнаженный, закутанный в покрывало⁴ и оставался с ним всю эту ночь, ибо учил его Иисус тайне Царства Божиего. Оттуда же пришли на другой берег Иордана... (...) И были там сестра юноши, которого возлюбил Иисус, и мать его, и Саломея⁵, и не выслушал их Иисус⁶...

КОММЕНТАРИИ

*Фрагмент неканонического
Евангелия от Марка*

- ¹ Фрагмент опубликован и подробно разобран в книге Smith M. Clement of Alexandria and Seckret Gospel of Mark. Harvard, 1973.
- ² Иисус как Мессия должен был происходить из рода Давида; в каноническом Евангелии от Марка так называет его слепой, исцеленный Иисусом (Мк. 10.47—48).
- ³ Что именно повелел Иисус — из текста неясно.
- ⁴ В каноническом Евангелии от Марка рассказывается, что после ареста Иисуса за ним следовал юноша, закутанный в пелену (покрывало) (14:50—51); возможно, эти два эпизода — в каноническом и неканоническом евангелиях сюжетно связаны друг с другом.
- ⁵ Саломея упоминается в новозаветном Евангелии от Марка среди женщин, которые следовали за Иисусом и присутствовали при его казни, а позже Саломея вместе с Марией Магдалиной и Марией Иаковлевой пошла к гробнице Иисуса, чтобы умастить его тело благовониями (Мк. 15:40; 16:1). Эти три женщины в христианской традиции называются «жены-мироносицы».
- ⁶ Дословно «не принял» (ср. Лк. 8:40: «Когда же возвратился Иисус, народ принял Его» — в значении — стал слушать).

Иудео-христианские евангелия

В произведениях христианских писателей II—IV вв. встречаются упоминания евангелий, которыми пользовались различные группы верующих, не порывавших с иудаизмом и исполнявших его обряды. В научной литературе такие группы принято называть иудео-христианами. Среди упоминаемых иудео-христианских евангелий – евангелия эбионитов, назореев, евреев, двенадцати апостолов. Некоторые авторы пересказывают отдельные эпизоды из них и приводят цитаты; особенно характерно это для произведений Иеронима и Епифания, живших на рубеже IV и V вв. и специально интересовавшихся палестино-сирийскими христианскими учениями¹. Ссылки на иудео-христианские евангелия есть и у Оригена, и у Климента Александрийского. По всей вероятности, упоминаемые евангелия, как и новозаветные, в оригинале имели названия по апостолам, от имени которых они были написаны, но восстановить эти подлинные названия не представляется возможным, так же как и то, какой именно иудео-христианской группе принадлежало цитируемое евангелие (писатели ортодоксального направления часто называли все группы христиан, соблюдавших иудейскую обрядность, общим именем – евреи).

Достаточно определенно можно судить – главным образом по свидетельствам их противников – об учении эбионитов. Название это восходит к слову «эвийоним» (нищие), одному из самоназваний кумранитов². В настоящее время связь эбионитов Кумрана с эбионитами-христианами вряд ли может вызывать сомнения. Последние жили в Палестине; согласно церковной традиции, они во время I иудейского восстания против римлян переселились в Транс-

иорданию. Французский исследователь истории раннего христианства Ж.Даньелу считает эбионитов «естественным развитием группы Кумрана»³, хотя между обеими группами существовали и важные отличия, главное из которых – вера эбионитов-христиан в уже совершившийся приход мессии Иисуса, в то время как кумраниты ждали прихода своего мессии, по-видимому, основателя их общины – Учителя праведности.

Эбионитами, вероятно, называли себя все первые ученики Иисуса (название «христиане», согласно каноническому преданию, возникло в Антиохии в Сирии – в арамеоязычной среде оно возникнуть не могло). В Послании Павла к Галатам говорится: «...и узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам *идти* к язычникам, а им к обрезанным, только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности» (2:9–10). В этом контексте слово «нищие» скорее всего обозначает название палестинских христиан, основной христианской группы, к которым принадлежали Иаков, Кифа и Иоанн и не забывать которых должны были проповедующие у язычников. В чем именно заключалось требование «не забывать нищих», видно из Первого Послания к Коринфянам, где говорится о том, что подавание, собранное коринфскими христианами, будет передано в Иерусалим (16:3).

Об учении эбионитов в своем сочинении «Против ересей» писал Иринея, хорошо знавший религиозные учения христиан восточных провинций. Сравнивая учение эбионитов с другими, которые он также считал еретическими, Иринея выделил основные отличительные черты этого учения: «Эбиониты, напротив⁴, соглашаются, что мир сотворен Богом, но в отношении Господа они того же мнения, что Керинф⁵ и Карпократ» (т.е. что Иисус был сыном Иосифа и Марии. – I.26). Дальше Иринея указывает, что эбиониты пользуются только Евангелием от Матфея, отвергают

апостола Павла, считая его отступником, соблюдают обряды Закона и образ жизни иудеев, «так что поклоняются Иерусалиму, как будто бы он был домом Божиим»⁶. В другой книге Ириней отмечает, что учение эбионитов – старое, древнее учения о непорочном зачатии: «Безрассудны также эбиониты, которые не принимают в свою душу веру в соединение Бога и человека, но пребывают в старой закваске рождения (плотского)» (V.1). Тертуллиан, ошибочно полагая, что название «эбиониты» происходит от имени некоего Эвиона (которого он считал основателем этого учения), также указывал, что Эвион не признает Иисуса Сыном Божиим (*De proscriptioibus adversus omnes haereses*. 33. Далее: *Praes. haeres*).

В конце II в. были созданы так называемые псевдо-Климентины (они дошли в редакции IV в.) – произведение, авторство которого христиане приписывали Клименту Римскому, бывшему, по преданию, руководителем римской христианской общины в конце I в. В псевдо-Климентинах описывается путешествие апостола Петра и Климента; действует там и Иаков. Весьма отрицательно показан там Павел; его образ объединен с образом Симона-мага, противника Петра в христианских преданиях и легендах (Симон, чародей из Самарии, упомянут в Деяниях Апостолов. – 8:9–24). В речах Петра, приведенных в псевдо-Климентинах, отражено учение эбионитов. Согласно этому учению, как и учению кумранитов, в мире идет постоянная борьба между силами добра и зла; для обеих сект было характерно дуалистическое восприятие мира. Они верили, что один и тот же пророк истинного (доброго) Бога появлялся в разных образах – Адам, Моисей и, наконец, последний – Иисус⁷.

В IV–V вв. церковные писатели продолжали говорить об эбионитах. Согласно Евсевию Кесарийскому, эбиониты считали Иисуса «бедным и обыкновенным человеком, который только за совершенство нрава признан праведным и который родился от соединения мужа с Марией» (III.27).

Правда, Евсевий отмечает, что есть и другие, того же названия, которые признают, что Иисус родился «от соединения Святого Духа с Марией, но не допускают предвечности его бытия и не соглашаются исповедовать его Словом (логосом) и Премудростью Божией» (ср. в каноническом Евангелии от Иоанна: «И Слово стало плотью, и обитало с нами». – 1:14; такого восприятия изначально существовавшего логоса, воплотившегося в Иисусе, ни одна группа эбионитов, согласно Евсевию, не разделяла).

По словам Евсевия, эбиониты называли апостола Павла отступником; пользовались они Евангелием евреев. Характеристика Евсевия восходит к тому, что писал об эбионитах Иринея, однако не совпадает полностью: кроме произведений Иринея в распоряжении Евсевия были и другие источники, в частности Гегесипп (III в.). Евсевий пишет, что он (Гегесипп) цитирует Евангелие евреев (HE. IV.22, 8).

Совокупность данных – Иринея, Тертуллиана, Евсевия показывает, что основная масса эбионитов отрицала божественную природу Иисуса. Поэтому трудно предположить, что они пользовались Евангелием от Матфея в том виде, в котором оно вошло в Новый Завет: в евангелии, почитаемом эбионитами, должно было отсутствовать описание чудесного рождения Иисуса. Епифаний, цитируя отрывок из евангелия, которым пользовались эбиониты, говорит, что оно начинается с описания появления Иоанна Крестителя. Возможно, у Иринея речь идет об арамейской версии Евангелия от Матфея, о которой писал Иероним и которую, по его словам, он видел в библиотеке в Кесарии. Однако слишком мало данных, чтобы с уверенностью отождествить арамейское Евангелие от Матфея с евангелием эбионитов.

Иероним указывает, что евангелием, почитаемым эбионитами, пользовались также и назореи. В Комментариях к книге пророка Исайи он говорит, что евангелием, написанным по-еврейски, пользуются назореи. Епифаний в своем

произведении «Панарион» пишет, что назореи отличаются от христиан тем, что соблюдают субботу, но из-за веры в Христа они отличаются и от иудеев. Они пользуются Евангелием от Матфея, написанным по-еврейски (имея в виду арамейский язык. – *Haeres. I.29.7, 9*). Из этих свидетельств не вытекает существование каких-либо вероучительных отличий между назореями и эбионитами. Назореи, по словам Епифания, жили в Палестине до Христа и пользовались священными книгами «оссеев» (искаженное – «ессеев»). Ортодоксальные иудеи называли назореями всех христиан, а их учение – назорейской ересью (Деян. 24:5); апостола Павла обвиняли в том, что он является представителем назорейской ереси. Дохристианские, иудейские назореи, проповедовавшие аскетизм, отказывались стричь волосы, не употребляли вина и мясной пищи; движение это на рубеже нашей эры слилось с ессеями (отсюда – слова Епифания о существовании назореев до Христа). В I в.н.э. назореями, по-видимому, называли аскетические сектантские иудейские группы, к которым причисляли и последователей Иоанна Крестителя. Что касается учеников Иисуса, то, вероятно, «эбиониты» и «назореи» — это самоназвания одних и тех же групп верующих (ср. множественность самоназваний у кумранитов: «нищие», «сыны света», «простецы» и т.п.). С развитием христианства вероучения этих групп разошлись: одни из них признали божественное происхождение Иисуса, но продолжали считать себя иудеями, другие — сохранили свои представления об Иисусе-человеке. Естественно, что у этих групп, во всяком случае со II в., когда сложилось учение о непорочном зачатии, признанное не всеми христианами, и содержание евангелий должно было различаться. В этой связи встает вопрос о Евангелии евреев, которое упоминает Евсевий. В «Церковной истории» он замечает, что некоторые относят к числу подлинных писаний Евангелие евреев (III.25). На это евангелие ссылаются без осуждения его Ори-

ген и Климент Александрийский. Вряд ли такое отношение было бы возможным, если бы в нем отрицалась божественная природа Иисуса.

Итак, мы должны признать, что существовало по крайней мере два иудео-христианских евангелия; одно, почитавшееся эбионитами, другое, известное христианским писателям под названием «Евангелие евреев» (какое-то из них было написано по-арамейски и называлось Евангелием от Матфея). Некоторые ученые считают, что существовало еще и третье иудео-христианское евангелие — евангелие назореев, что именно оно было написано по-арамейски, а остальные два — по-гречески. Но специально исследовавший учение иудео-христиан Ж. Даныелу отождествляет евангелие назореев и Евангелие евреев, отличая его от евангелия эбионитов (группа, почитавшая первое евангелие, была, по его мнению, ортодоксальна, в то время как эбиониты были «гетеродоксы»). Такое же деление проводят и издатели новозаветных апокрифов в польском переводе⁸. Была высказана точка зрения и о том, что евангелия эбионитов, назореев, евреев — различные местные варианты одного раннехристианского евангелия, написанного по-арамейски⁹. Эта точка зрения кажется вполне вероятной: она объясняет и сходство приводимых цитат из разных евангелий, и нечеткость атрибуции иудео-христианских евангелий, которая встречается у церковных авторов. Однако к тому времени, к которому относятся цитируемые этими писателями отрывки, подобные «местные варианты» уже сложились, и при группировке фрагментов мы следовали двучленному делению, объединяя отрывки из евангелия евреев и назореев¹⁰.

Дошедшие до нас фрагменты иудео-христианских писаний позволяют отнести их к тому же жанру, что и евангелия синоптические. Там содержались элементы жизнеописания Иисуса, рассказывалось о сотворенных им исцелениях, приводились его речения и проповеди. Евангелие эбионитов, как уже было сказано, начиналось с появления

Иоанна Крестителя. Важное место здесь занимало описание крещения самого Иисуса. В сохранившемся отрывке говорится, что во время крещения на Иисуса сошел Дух Святой, и голос возвестил Иисусу: «Ты Сын возлюбленный...»; затем голос с неба возвестил уже Иоанну: «Это Сын мой возлюбленный...» В евангелиях от Марка и от Луки сохранено обращение к Иисусу – «Ты Сын Мой...» (Мк. 1:11; Лк. 3:22), но обращения к Иоанну нет. В Евангелии от Матфея голос с неба произносит только вторую фразу – «Сей есть Сын Мой возлюбленный...» (3:17). Казалось бы, различие между каноническим текстом Евангелия от Матфея и апокрифической версией невелико, но за ним стоят разные трактовки образа Иисуса. Согласно Евангелию от Матфея, знамение было не для Иисуса, а для Иоанна и окружающих его людей: Иисус, Сын Божий, уже по рождению обладал и человеческой и божественной сущностью, он не нуждался ни в каких знамениях, каким и явилось нисхождение Святого Духа в виде голубя¹¹. В евангелии эбионитов голос с неба возвещает прежде всего Иисусу о его предназначении; Дух нисходит на него. Именно в этом акте, с точки зрения эбионитов, произошло как бы второе, духовное рождение Иисуса, он стал истинным мессией. Это представление могло восходить к ветхозаветным идеям отношения «отец – сын» между Богом и царем, который становился «сыном Божиим» при помазании его на царство¹². В Новом Завете нет слов «в сей день я породил тебя», которые играют столь существенную вероучительную роль в апокрифе. Отсутствие это вполне объяснимо: они противоречили учению о непорочном зачатии.

Похожее описание крещения Иисуса содержится в отрывке Евангелия евреев. Там не голос с неба, а сам Святой Дух говорит Иисусу, что он ждал его из всех пророков, «ибо Ты Мой покой, Мой сын первородный и Ты будешь править вечно»; согласно теологической концепции этого евангелия, произошло полное соединение Духа с Иисусом,

который стал пророком из пророков, «сыном» Духа Святого¹³. В арамейском тексте «Святой Дух» мыслился как мать Иисуса: по-арамейски «дух» (*ruah*) – женского рода (ср. фразу, цитируемую Оригеном: «Мать моя, Святой Дух»). Это выражало представление о новом – от Духа – рождении (у него была мать во плоти и мать в духе, и именно Мать-Дух родила его как Господа). Эта концепция противоречила складывавшемуся ортодоксальному учению о богочеловеке; «мать-дух», вероятно, уже была опущена из грекоязычной устной проповеди христиан, так как по-гречески «дух» – среднего рода.

В Евангелии евреев Святой Дух не просто объявляет Иисуса своим сыном, но возвещает ему вечное царствование. Здесь ярко выражены эсхатологические чаяния первых христиан, их вера в установление Царства Божия на земле (слова о вечном царстве в канонических евангелиях отсутствуют). С этими же эсхатологическими настроениями связан и вариант молитвы «Отче наш», приведенный в том же евангелии: «Хлеб наш завтрашний (т.е. будущий) дай нам днесь»; молящиеся надеялись при своей жизни (днесь) увидеть грядущее царство добра, справедливости и изобилия.

Краткое изложение учения эбионитов и близких им проповедников у Иринея соответствует сохранившимся отрывкам из иудео-христианских евангелий. По-видимому, в этом учении воплотилась самая ранняя традиция об Иисусе как о праведном человеке, воспринявшем при крещении божественную силу (дух). Эта традиция косвенно отражена и в Евангелии от Марка, которое также начинается с описания крещения Иоанном народа и прихода к нему Иисуса; сразу же после крещения Иисус в пустыне преодолевает искушение и затем уже начинает проповедь. В дальнейшем, в других канонических евангелиях (кроме Евангелия от Марка) происходит переосмысление этой древней традиции, божественное предназначение Иисуса определялось его рождением, а не крещением. В Евангелии от Иоанна, где Иисус с

самого начала провозглашается Словом (Логосом), нет описания его крещения, хотя Иоанн Креститель действует.

Особенностью учения эбионитов было резко отрицательное отношение к жертвоприношениям и проповедь аскетизма (в частности, отказ от мясной пищи). Не все ранние христианские группы стояли на этих позициях (ср.: в Евангелии от Марка Иисус говорит, чтобы исцеленный им человек принес за очищение свое «что повелел Моисей». – 1:44). Осуждение жертвоприношений встречается уже в Ветхом Завете, в частности в Книге пророка Исаии (тех частях, которые были созданы после взятия Вавилона Киром и освобождения иудеев – 1:11, 66:3), а также Псалмах¹⁴. Характерно, что в новозаветном Послании к Евреям в уста Иисуса вкладываются слова из Псалма (39:7): «Жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал мне...»¹⁵. Возможно, Христос произносил эти слова в одном из иудео-христианских евангелий, откуда они и перешли в Послание к Евреям (в канонических евангелиях Иисус таких слов не произносит).

Аскетизм эбионитов восходил к кумранскому учению и к проповеди Иоанна Крестителя, ученики которого в отличие от учеников Иисуса постились (в Евангелии от Матфея последователи Иоанна упрекают Иисуса: «...почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся?» – 9:14); сам Иоанн, согласно иудео-христианской традиции, питался только диким медом.

Насколько строгий аскетизм был свойственен всем иудео-христианским группам, судить трудно, но отрицательное отношение к богатству ясно выражено в отрывке из Евангелия евреев, где приводится разговор Иисуса с богатым человеком. Аналогичное место есть и в Евангелии от Матфея; там Иисус говорит: «...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение Твое, и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною» (19:21). Отрывок из апокрифа проникнут сочувствием к обездолен-

ным, тем, кто нищенствует и голодает и которым ничего не достается из добра спрашивающего богача. В Евангелии от Матфея нет слов о голодающих братьях; отказ от богатства выступает лишь как средство стать совершенным и получить награду на небесах. При внимательном сопоставлении этих двух вариантов создается впечатление, что слова «и получишь награду на небесах» у Матфея вставлены в уже сложившийся текст предложения (как он был представлен в апокрифическом евангелии). Эти слова выпадают из контекста и непосредственно не связаны с последующими словами «и приходи, и следуй за мной» (после получения награды на небесах?). Для апокрифа характерно также, что братьями названы «сыны Авраама» соответственно той иудейской среде, в которой создавалось Евангелие евреев.

В отдельных эпизодах апокрифических евангелий, сохранившихся в цитатах или пересказе, больше бытовых деталей, чем в каноне. В этом отношении показателен рассказ об исцелении человека с сухой рукой. В Евангелии от Матфея (12:10—13) рассказывается, что Иисус излечил сухорукого; человек не произнес ни одного слова. Эпизод с сухоруким в новозаветном тексте служит иллюстрацией к словам Иисуса о том, что и в субботу можно творить добрые дела. В апокрифе больной наделен индивидуальностью, он — каменщик, болезнь руки лишила его возможности заниматься своим делом, поэтому он просит Иисуса о помощи. Согласно средневековой традиции, в евангелии назореев объяснялось, почему ученик Иисуса, пришедший вместе с Петром, был известен жрецам (Ин. 18:15): он продавал им рыбу. В каноне этой детали также нет. Образы ученика, продающего рыбу, и каменщика, исцеленного Иисусом, отражали те социальные слои, среди которых распространялось первоначальное христианство. Но новозаветный канон был адресован уже всем верующим — и рабам, и свободным, и варварам, и эллинам, и иудеям. Раб и его господин одинаково нуждались в спасении, и сухорукий каменщик в ново-

заветном евангелии становится просто исцеленным человеком; указания на его профессию, как и на продажу рыбы учеником, могли показаться составителям (или переписчикам) канонических евангелий несущественной деталью...

Иначе, чем в каноне, в Евангелии евреев была изложена притча о талантах. В Евангелии от Матфея рассказывается, как некий господин, отправляясь в чужую страну, дал трем своим рабам таланты серебра (пять, два и один). Двое из рабов пустили серебро в дело и вернули его господину с прибылью. Третий же, боясь господина, закопал серебро в землю. Когда господин вернулся, он обещал награду двум первым рабам, а у третьего велел отнять талант, отдать первому рабу, а самого раба выбросить «во тьму внешнюю» (25:14–30). В Евангелии евреев, согласно данным Евсевия Кесарийского, также действовали господин и трое его слуг. Один из них умножил богатство, другой спрятал серебро, а третий растратил все данное ему с блудницами и флейтистками. Самому суровому наказанию подвергается в этом варианте не тот, кто спрятал деньги, а тот, кто их растратил в мирских удовольствиях. Такой вариант притчи кажется внутренне более стройным, чем канонический, где образ второго раба, также преумножившего серебро, не несет никакой особой смысловой нагрузки, по существу противопоставляются только первый и третий раб. В Евангелии евреев каждый раб поступал по-своему и получал соответствующее воздаяние. Согласно этому варианту, самое страшное – погубить свою душу в мирских утехах. Здесь отражено характерное для первых христиан требование отречения от мира. Речь в апокрифе идет о поведении людей, о степени их «греховности»: человек, не преумноживший достояния (данного ему Богом), достоин все же меньшего наказания, чем растративший его. Любопытно упоминание о флейтистках – оно связывает это евангелие с папирусным фрагментом неизвестного евангелия.

В Евангелии от Матфея притча о талантах – это призыв к активной проповеди христианского учения, активного слу-

жения Богу: все отказывающиеся от такого служения понесут наказание. Вариант этой притчи у Луки, хотя и с другими подробностями, имеет тот же смысл.

Среди апостолов, почитавшихся иудео-христианскими группами, насколько можно судить по псевдо-Климентинам и сохранившимся отрывкам евангелий, особое место занимали Иаков Праведный и Петр. Новозаветная традиция связывает деятельность этих апостолов с иерусалимской христианской общиной, руководителями которой, согласно Деяниям Апостолов и посланиям Павла, они были. Об образе Петра в христианских писаниях будет сказано ниже, в связи с разбором апокрифического евангелия, написанного от его имени. Об Иакове известно из канонических и апокрифических писаний, о нем подробно пишет Евсевий Кесарийский, называя его (как и в Евангелии евреев) Иаковом Праведным. За образом Иакова стоит реальная историческая личность. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» упоминает о казни в 62 г. Иакова, «брата Иисуса, называемого ¹⁶ Христом» (ХХ.9.1). Братом Иисуса называет его и Павел: «Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром, и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел *никого*, кроме Иакова, брата Господня» (Гал. 1:18—19). Иаков назван среди братьев Иисуса, перечисленных поименно в евангелиях от Марка (6:3: «Не плотник ли Он, сын Марин, брат Иакова, Иосии, Иуды¹⁷ и Симона?») и от Матфея (13:55)¹⁸. В Евангелии евреев Иакову первому явился воскресший Иисус¹⁹, обратившийся к нему «брат мой».

Евсевий рассказывает об Иакове, используя сведения Гегесиппа. Иаков у этих авторов – сын Иосифа от первого брака. По словам Евсевия (НЕ. II.23), Иаков не ел ничего мясного, не стриг волос, не умащался елеем. Он носил льняные одежды, почти все время проводил в храме, стоя на коленях и молясь об отпущении грехов народу. Образ, созданный Евсевием – Гегесиппом, соответствует учению эбионитов-назореев: строгий аскетизм, отказ от мясной

пищи, мольбы за иудейский народ – все это описание, не имеющее аналогий в Новом Завете, восходит к иудео-христианской традиции или, точнее сказать, к тем иудейским сектам, которые оказали наибольшее влияние на палестинское христианство. Рассказывает Евсевий и о мученической кончине Иакова: его сначала сбросили с крыши, а потом забрасали камнями. Интересно отметить, что казнь Иакова произошла после того, как арестованного в Палестине Павла не предали наказанию на месте, а отослали для суда в Рим²⁰: по словам Евсевия, иудеи рассердились и сорвали свой гнев на Иакове. Вероятно, в первоначальной версии предания о гибели Иакова она была спровоцирована поведением ненавистного эбионитам Павла – отступника от иудейского закона.

Среди имен апостолов, названных во фрагментах апокрифов, обращает на себя внимание имя Иоанна, названного первым среди призванных Иисусом учеников (согласно канону, первыми были призваны Петр и Андрей – или Андрей и Петр)²¹. С именем Иоанна в Новом Завете связано евангелие, три послания и Апокалипсис – одно из самых ранних новозаветных сочинений, резко отличающееся от четвертого евангелия. Для автора Апокалипсиса христиане – «сыны Израилевы» (2:14). Иоанн наряду с Петром и Иаковом считался одним из руководителей иерусалимской христианской общины. Таким образом, почитание Иоанна, во всяком случае указание его имени на первом месте среди призванных апостолов, не противоречит тому, что мы знаем об эбионитах и других иудео-христианских группах («евреях»).

Язык и стилистические особенности апокрифических евангелий похожи на язык и стиль евангелий Нового Завета, в частности начало фраз с союза «и» (kai) и употребление в начале фраз частицы «же» (de) – типа «Он же сказал». Повторение это создавало своеобразную ритмичность, выделяя новые предложения, что особенно было заметно при чтении вслух.

Наиболее близким к новозаветным евангелиям было Евангелие евреев, которое еще во времена Евсевия и Иеронима почиталось «некоторыми» подлинным. Между этим евангелием и Евангелием от Матфея встречаются дословные совпадения, например в разговоре Иисуса с богачом, в описании крещения. В иудео-христианских писаниях были те же самые эпизоды, что и в каноне (например, эпизод с грешницей, подробности которого, к сожалению, неизвестны). Следует отметить, что одни и те же речения в разных евангелиях трактовались различно, как об этом можно судить по словам Епифания о восприятии эбионитами слов Иисуса о матери и братьях. Это позволяет думать, что создатели и канонических и апокрифических евангелий пользовались изустно передаваемыми (или уже записанными) речениями Иисуса, составлявшими отдельный «блок» в христианской традиции.

Как и в Новом Завете, в иудео-христианских апокрифах большую роль, по-видимому, играли притчи – форма, восходящая к иудейской назидательной литературе. Как правило, притча сочетала в себе аллегорию и поучение. В большинстве христианских притч за реальной жизненной ситуацией скрывался религиозно-духовный смысл, проникновение в который было сакральным актом, приобщением к истинной духовной реальности, в то время как обыденная реальность становилась иллюзорной. В притчах рабы людей символизировали рабов божиих, сокровища мирские – сокровища веры. Сюжеты притч в разных евангелиях совпадали, но детали варьировались, придавая притче разную смысловую направленность, как было в случае с притчей о талантах. То же самое можно увидеть и при сопоставлении притчи о человеке, позвавшем гостей на пир, из Евангелия от Луки (14:16–24) с аналогичной притчей из гностического Евангелия Фомы, которая содержит больше конкретных живых деталей и кончается грозным предостережением: «Покупатели и торговцы не войдут в дом моего Отца!», отсутствующую

щим в каноническом тексте. Притчи, как и речи, передавались из уст в уста и включались в разный религиозно-этический контекст в зависимости от вероучительной позиции проповедника, затем – создателя письменного текста евангелий.

Точно определить время и место создания разбираемых апокрифов достаточно сложно. Сложность эта связана и с незначительным числом дошедших отрывков, и с тем, что цитируют их писатели, жившие значительно позже того периода, когда были созданы эти евангелия; они пользовались рукописями, уже, возможно, переработанными, или пересказывали содержание апокрифов по памяти, или брали цитаты из вторых рук. Климент Александрийский, например, цитирует логий, который вошел в гностическое Евангелие Фомы; в одном месте Климент указывает, что этот логий содержится в Евангелии евреев; в другом, где он дает развернутый его вариант, он вообще не указывает источника. Ошибся ли Климент, или в Евангелие Фомы было включено то же самое речение, какое содержалось в Евангелии евреев, с уверенностью сказать трудно (как и то, было ли заимствовано речение в Евангелии от Фомы из Евангелия евреев или взято из независимого источника).

Источниковедческие трудности приводят к тому, что можно говорить лишь о примерном времени возникновения иудео-христианских писаний: они складывались одновременно или даже несколько раньше канонических евангелий (в частности, арамейский текст Евангелия евреев был, по-видимому, оригиналом Евангелия от Матфея) и оказали влияние на произведения Нового Завета. Так, возможно, отражением дуалистической концепции эбионитов явилось словоупотребление во Втором Послании к Коринфянам, где говорится о неверующих, у которых «бог века сего» ослепил умы, «чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа», который есть «образ Бога невидимого» (4:4). В данном отрывке «бог века сего» и есть злая сила, борющаяся-

ся с «Богом невидимым», открывающим свет. В обоих случаях употреблено одно и то же греческое слово «теос» – бог; в других местах канона олицетворение злой силы названо «духом» (1 Кор. 2:12), «архонтом мира сего» (Ин. 12:31).

Евангелие эбионитов было создано в Палестине и продолжало почитаться на протяжении последующих веков остававшимися там христианами²², а также христианами, бежавшими после подавления I иудейского восстания против римлян в Сирию и Египет. Возможно, там же (в Палестине или Сирии) в конце I в. было написано и Евангелие евреев, во всяком случае первоначальный его текст²³. Оно было распространено у сирийских христиан из иудеев: его использовал Татиан при составлении Диатессарона (вероятно, он воспринимал это евангелие как арамейскую версию Евангелия от Матфея).

Христианские апологеты начали активно выступать против иудео-христиан, прежде всего против эбионитов, с конца II в., после того как сложилось учение о непорочном зачатии и произошел разрыв с иудаизмом. Однако эти группы продолжали существовать и оказывать влияние на различные течения внутри христианства. Малоазийские христиане, например, следуя иудео-христианской традиции, еще в конце II в. продолжали праздновать пасху по иудейскому лунному календарю 14 нисана (в то время как в Риме пасха праздновалась в первое воскресенье после первого полнолуния после весеннего равноденствия). Попытки осудить их за этот обычай, предпринятые римским епископом Виктором, не увенчались успехом. Вплоть до начала V в. писания эбионитов почитались христианами Сирии. Эбиониты не могли принять ортодоксального догмата о Троице; их учение оказало влияние на проповедь сирийского епископа Павла из Самосаты, чьи взгляды на человеческую природу Иисуса существенно отличались от принятых Церковью. Последователем Павла был Арий (конец III – начало IV в.), выступивший против догмата о триединстве Бога. Он

утверждал, что Христос не извечен, а сотворен (ср. слова Евсевия об эбионитах, отрицавших предвечное существование Христа).

Известия об иудео-христианах на Востоке сохранились и в средневековых текстах. Интересные свидетельства о длительном существовании иудео-христиан в Сирии обнаружены в средневековом мусульманском трактате, направленном против христиан²⁴. Анализ этой рукописи показал, что автор трактата пользовался иудео-христианскими источниками, стремясь доказать, что Иисус не был Сыном Божиим и даже что был распят не он, а человек, выданный Иудой вместо него. В трактате содержится много цитат и пересказов отдельных эпизодов из канона и апокрифов, включая переведенные с сирийского; из него явствует, что первое евангелие было написано на еврейском языке; затем «истинное» христианство было заменено греческим. В трактате содержится осуждение отказа христиан от еврейского (арамейского?) языка, что явно отражает позицию эбионитов и назореев (вряд ли арабский автор стал защищать еврейский язык). Возможно, к одному из иудео-христианских евангелий восходит арабский текст евангелия, переведенный затем на итальянский. Этому евангелию посвятил специальное исследование английский философ конца XVII – начала XVIII в. Д.Толанд²⁵. Толанд считал, что это Евангелие Варнавы. С.Пинес не исключает того, что в основе этого текста лежало какое-то евангелие, так или иначе связанное с эбионитами²⁶.

Несколько особняком среди свидетельств об учении эбионитов стоят слова Епифания о том, что они (эбиониты) отрицают, что он (Христос) – человек. В том же сочинении Епифаний пишет, что они считают Христа архангелом, правившим всеми ангелами, а не порождением Отца. Возможно, здесь отражено какое-то еретическое учение, близкое иудео-христианству, в котором Христос отделялся от Иисуса, как это делал проповедник Керинф, считавший (со-

гласно Иринею), что на Иисуса при крещении сошел Христос, а при распятии покинул его (это учение характеризуется Иринеем сразу перед рассказом об эбионитах). При оценке этого свидетельства следует также иметь в виду, что ко времени Епифания существовало множество самых различных неортодоксальных христианских групп, которые, пользуясь одними и теми же понятиями (истина, свет, Христос, покой и т.д.), по-разному их переосмысливали, и их представления не всегда можно четко разграничить друг от друга (тем более что Епифаний ставил своей целью опровержение ересей, а не их исследование).

Запрещение победившей Церковью писаний иудео-христиан не может вызвать удивления. Не только евангелие эбионитов, неприемлемое для ортодоксов своей трактовкой образа Иисуса, но и Евангелие евреев с его резкими выпадами против богатых, ожиданием скорейшего конца света не могло быть принято епископами, составлявшими окончательные списки священных книг. Но взгляды, отраженные в запрещенных евангелиях, были когда-то свойственны всем первым почитателям мессии Иисуса. Именно эти взгляды находились у истоков христианской мировой религии.

ПРИМЕЧАНИЯ

Иудео-христианские евангелия

- ¹ Иероним последние годы жизни провел в Палестине, занимаясь толкованием священных книг христиан. Епифаний, епископ Саламинский, родился в Палестине.
- ² О кумранских сектантах см.: *Амусин И.Д.* Кумранская община. М., 1983; *Он же.* Рукописи Мертвого моря. М., 1960. С. 268, где автор разбирает свидетельство писателя IV в. Филострата о ессеях: Филострат пишет, что «Христа как Господа, Сына Бога, они не ожидают и не признают, что он возведен в Законе и пророках, но ждут его, считая только пророком и справедливым человеком». В данном случае Филострат объединяет секту ессеев с иудео-христианской сектой эбионитов, не различая их учений.
- ³ *Daniélou J., Marrou H.* Nouvelle Histoire d'Église. Vol. 1. P., 1963. P. 88—89.
- ⁴ Перед этим Ириней говорил об учениях, согласно которым земной мир создан злыми силами.
- ⁵ Согласно Иринею, Керинф считал, что Иисус отличался от остальных людей справедливостью, благоразумием и мудростью (1.26).
- ⁶ Почитание эбионитами Ветхого Завета сказалось и в том, что во II в. эбионит Симмах предпринял новый перевод его на греческий, стараясь быть ближе к оригиналу (о Симмахе упоминает Евсевий).
- ⁷ Учение эбионитов охарактеризовано в книгах: *Daniélou J.* Théologie du iudeo-christianisme. Tournai, 1958; *Strecker S.* Das luden-christentum in den Pseudoclementinae. B., 1958.
- ⁸ *Daniélou J.* Op. cit. P. 33 f. См. также: Apocryfy Novego Testamentu. P. 96.
- ⁹ *Erhardt A.A.* Iudeo-Christians in Egypt: The Epistulae Apostolorum and the Gospel of Hebrews // *Studia Evangelica*. Bd 3 B., 1963. S. 361.

- ¹⁰Отрывки из иудео-христианских евангелий собраны в книге: *Preusschen E.* Op. cit. S. 11—16. Е. Преушен придерживается трехчленного деления иудео-христианских евангелий
- ¹¹ Наиболее ясно такое восприятие знамения с голубем выражено в Евангелии от Иоанна: там Иоанн Креститель сразу признает Иисуса Сыном Божиим и говорит своим ученикам: «Я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем» (1:32).
- ¹² Подробнее об этом см.: *Вейнберг И. П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 125—126.
- ¹³ В Евангелии от Иоанна ко всем уверовавшим в Христа применено выражение «дети Божии» (1:12—13): «...верующим во имя Его дал власть (право — гр., *авт*) быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» — здесь выражена по существу та же идея истинного, духовного рождения.
- ¹⁴ Такое отношение к жертвоприношениям появилось в среде переселенных в Вавилонию иудеев после разрушения Первого храма Навуходоносором.
- ¹⁵ В тексте Септуагинты, который цитируется в послании, вместо слова «тело» стоит слово «уши» — «ты открыл мне уши». Смысл фразы в Послании к Евреям заключается в том, что Иисус принес в жертву свое тело и тем самым сделал ненужными все жертвоприношения.
- ¹⁶ В греческом тексте дословно — «о котором говорят, что он Христос». Иосиф Флавий знал об Иисусе, но, как правоверный иудей, мессией его не признавал. Место это, без сомнения, подлинное: верующий переписчик, если бы он делал вставку, не мог употребить оборот, ставивший под сомнение мессианство Иисуса. Ср. со свидетельством Флавия об Иисусе, дошедшим в арабском переводе (см.: История древнего мира / Под ред. *И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой.* Т. IV. М., 1983. С. 117).
- ¹⁷ Об Иуде, брате Иисуса, упоминает Евсевий Кесарийский. Он пишет о преследованиях, которым подверглись его внуки.
- ¹⁸ Упоминание братьев и сестер Иисуса вызвало споры среди христианских писателей. Ориген считал их детьми Иосифа от пер-

вого брака; ортодоксальная Церковь утверждает, что это – двоюродные братья Иисуса, хотя греческое слово «адельфос» применяется прежде всего к родным братьям.

- ¹⁹ Отзвук этой традиции можно увидеть в Первом Послании к Коринфянам (15:7). Там сказано, что Иисус явился Иакову, но в отличие от апокрифа после ряда других явлений.
- ²⁰ В Деяниях Апостолов (главы 22–26) подробно рассказывается о пребывании Павла в Палестине, о споре его с иудеями; он был арестован римскими провинциальными властями, чтобы спасти его от разъяренной толпы. В конце концов Павел, обладавший римским гражданством, был отправлен в столицу империи для решения своей участи. Провинциальный наместник не рискнул сам осудить римского гражданина (в восточных провинциях в I в. римских граждан было немного).
- ²¹ Русская православная Церковь на этом основании называет апостола Андрея Первозванным. Согласно поздней легенде, Андрей проповедовал в северном Причерноморье и даже дошел до Киева и Новгорода. Особое почитание Андрея противостояло особому почитанию Петра римско-католической Церковью.
- ²² О существовании христиан в Палестине во II в. свидетельствует Лукриан в своем произведении «О кончине Перегрини». Герой этого произведения – бродячий философ Перегрин примкнул к палестинским христианам. Когда он был посажен в темницу, к нему приезжали посланцы христиан Малой Азии, что указывает на тесные связи христиан Палестины и Малой Азии.
- ²³ О времени и месте возникновения иудео-христианских евангелий см.: *Daniélou J.* Op. cit. P. 68. Эрхардт считает, что первоначальный текст Евангелия евреев был создан между 65 и 100 гг. (*Erhardt A.A.* Op. cit. S. 363).
- ²⁴ *Pines Sh.* The Jewish Christians of Early Centuries of Christianity according to New Source. Ierusalim, 1966.
- ²⁵ Толанд Д. Назарянин, или иудейское язычество и магометанское христианство // Английские материалисты XVII в. Т. 1. М., 1967. С. 241–250.
- ²⁶ *Pines Sh.* Op. cit. P. 70–77.

Фрагменты Евангелия эбионитов

Явился человек по имени Иисус лет тридцати от роду, который избрал нас¹. И когда Он пришел в Капернаум², Он вошел в дом Симона³, чье прозвище было Петр, и открыл свои уста и сказал: когда Я проходил мимо озера Тибериадского, Я выбрал Иоанна и Иакова⁴, сыновей Зеведеевых, и Симона, и Андрея, и Фаддея, и Симона зелота⁵, и Иуду Искарота, и тебя, Матфей, Я призвал, когда ты сидел, собирая пошлину, и ты последовал за Мною. Посему Я хочу, чтобы вы были двенадцатью⁶ апостолами для свидетельства Израилю⁷ (*Epiph. Haeres. 30*).

И случилось так, что Иоанн крестил и пришли к нему фарисеи и крестились, и весь Иерусалим. И Иоанн имел на себе одежду из верблюжьего волоса и перепоясан был кожаным поясом на чреслах, и пища его была (как сказано) дикий мед, вкус которого был подобен вкусу манны и медовым лепешкам в масле⁸ (*Ibidem*).

И произошло во дни Ирода, царя Иудеи⁹, что пришел Иоанн и крестил крещением, дабы покаяться, в реке Иордан. О нем сказано, что он был из рода Ааронова, сын Захарии и Елизаветы¹⁰, и все пришли к нему (*Ibid. 30.3*).

Когда народ принял крещение, Иисус тоже пришел и был крещен Иоанном. И когда Он выходил из воды, небеса раскрылись, и увидел¹¹ Духа Святого, сходявшего как голубь, и он ниспустился на Него. И раздался голос с неба: Ты Сын Мой возлюбленный, в Тебе Мое благоволение. И снова: в сей день Я породил Тебя¹². И тотчас свет великий осветил все во-

круг. Когда Иоанн увидел это, он сказал Ему: Кто Ты, Господи? И снова голос с неба возвестил ему: Это Сын Мой возлюбленный, в Нем Мое благоволение¹³. И тогда Иоанн пал ниц перед Ним и сказал: Молю Тебя, Господи, крести Ты меня. Но Иисус удержал его, говоря: все, что надлежит, должно быть исполнено¹⁴ (Ibidem).

Более того, они отрицают, что Он человек, на основании того, что, в ответ на слова «Вот мать Твоя и братья Твои стоят рядом», Он сказал: «Кто мать Моя и кто братья Мои? И, протянув руку к ученикам, сказал: Вот братья Мои и мать и сестры, кто следует воле Моего Отца» (Ibid. 30.14)¹⁵.

(Они говорят... что он пришел и сказал, как сказано в их евангелии, которое называется согласно евреям:) Я пришел отменить жертвоприношения, если вы не оставите жертвоприношений, гнев Божий не оставит вас¹⁶ (Ibid. 30.10).

Что Ты хочешь, чтобы мы приготовили Тебе для пасхального ужина? – Думаете ли вы, что Я хочу есть тело вместе с вами как Пасху?¹⁷ (Ibid. 22.4).

Фрагменты Евангелия евреев

И произошло так, когда Господь выходил из воды, Дух Святой сошел и наполнил Его, и покоился в Нем, и сказал Ему: Мой Сын, из всех пророков я ждал Тебя, что Ты должен прийти и я могу покоиться в Тебе¹⁸, ибо Ты мой покой, Мой сын первородный, и Ты будешь править вечно (Иероним. Комментарии к Пророкам. Комментарии к Новому Завету (Commentarii in sexdecim prophetas. Commentarii in Novum Testamentum. 11.2. Далее: Com. in...).

Так сделала Моя мать, Дух Святой¹⁹, взяла Меня за волос и перенесла на гору Табор²⁰ (Ориген. Комментарии к Еванге-

лию от Иоанна (*Commentarii in Joannem*). 11.12. Далее: *Com. in In.*).

(Написано в Евангелии евреев): Тот, кто удивляется, будет царствовать, и тот, кто царствует, обретет покой²¹ (*Clim. Alex. Strom.* II.IX.25).

И никогда не будьте радостны, только если отнесетесь к брату своему с любовью (*Ieron. Com. in Ephes.* 3.4).

И когда Господь отдал пелены слуге жреца²², Он пошел к Иакову и явился ему. Ибо Иаков поклялся, что не будет есть хлеб с того часа, как он выпил чашу Господа, до тех пор, пока не увидит его восставшим. И после того Господь сказал: Принеси стол и хлеб (И сразу же добавлено): Он взял хлеб и благословил его, и преломил, и дал Иакову Праведному, и сказал: Брат Мой, ешь свой хлеб, ибо Сын человеческий восстал среди спящих (*Иероним. О знаменитых мужах (De viris illustribus)*. 2. Далее: *De vir. ill.*).

Из Египта призвал я Сына Моего, и посему Он должен называться назореем (*Ibid.* 3).

Мать и братья Господа сказали ему: Иоанн Креститель крестит в отпущении грехов, пойдем и крестимся. Но Он сказал им: Какой грех Я совершил, что Я должен креститься от него? Разве только Мои слова есть грех по неведению²³ (*Ieron. Adversus Pelagium*).

Хлеб наш завтрашний дай нам днесь²⁴ (*Ieron. Com. in Matth.* 6.11).

Если брат твой согрешил словом и раскаялся, прости его семь раз на дню. Симон, Его ученик, сказал Ему: Семь раз на дню? Господь ответил ему: Да, говорю тебе, семижды

семьдесят раз. Ибо пророков, после того как Дух Святой помазал их, было найдено слово греха (*Ieron. Adversus Pelagium. III.2*).

Другой из двух богачей сказал: Учитель, что доброго мне совершить, чтобы обрести жизнь вечную? Он сказал ему: Человек, исполняй Закон и пророков. Ответил Ему: исполняю. Тогда сказал ему: Пойди и продай все, что имеешь, и раздай нищим, и тогда приходи и следуй за Мной. Но богач стал скрести себе голову, и слова эти не понравились ему. И Господь сказал: Как можешь ты говорить, что исполнил Закон? Ибо написано в Законе: люби ближнего, как самого себя²⁵. И смотри, много братьев твоих, сыновей Авраамовых, запачканы грязью и умирают с голоду, твой же дом полон добра, и ничего из того не переходит к ним? И Он повернулся к Симону, ученику своему, который сидел рядом с Ним, и сказал: Симон, сын Ионы, легче верблюду войти в игольные уши, чем богатому в Царство Небесное²⁶ (*Orig. Com. in Matth. XV*).

...в евангелии, написанном евреями, которое попало к нам в руки, угроза направлена не против того, кто спрятал талант, а против того, кто жил распутно, ибо он (господин) имел трех слуг, того, кто растратил состояние с блудницами и флейтистками, того, кто умножил полученное, и того, кто спрятал талант; и одного господин принял с радостью, другого только укорил, а третьего отправил в темницу...²⁷ (*Euseb. In Mattheum, 25.14*).

И когда Он подошел к Петру и тем, кто был с Петром, Он сказал им: Смотри, коснитесь Меня и убедитесь, что Я не дух²⁸ бестелесный. И они коснулись Его и уверовали (*Ieron. De viris ill. 16*)²⁹. (В евангелии, которым пользуются эбиониты и назорей, и которое мы недавно перевели с еврейского на греческий, и которое многими почитается подлин-

ным (евангелием) Матфея, человек с высохшей рукой назван каменщиком, который обратился с мольбой о помощи такими словами): Я был каменщиком и зарабатывал на жизнь своими руками, я прошу Тебя, Иисусе, возврати мне здоровье, чтобы я не просил с позором милостыни (*Ieron. Com. in Matth. 12.13*).

Папий рассказывает также историю о женщине, которую за многие преступления обвинили перед Господом, о чем написано и в Евангелии евреев (*Euseb. HE. III.39*)³⁰.

В евангелии, написанном еврейскими письменами, сказано, что не завеса храма разорвалась³¹, но архитрав огромного размера обрушился (*Ieron. Com. in Matth. 27.51*).

В евангелии, которым пользуются назореи, вместо «сына Варрахии» написано «сына Иойады»³² (*filii Jojadae. – Ibid. 23.35*).

«Варрава» объясняется в евангелии, называемом «От евреев», как «сын их учителя»³³ (*Ibid. 27.16*).

Я избрал тех, кто наиболее достоин, наиболее достойны те, кого Отец мой на небесах дал мне³⁴ (*Epiph. Com. in Matth. 10.3–8*).

Фрагменты Евангелия эбионитов

- ¹ По-видимому, евангелие было написано от имени кого-либо из учеников Иисуса (или, может быть, от имени Двенадцати: известны упоминания Евангелия двенадцати апостолов).
- ² Капернаум – небольшой город у озера Галилейского, в новозаветном Евангелии от Марка также говорится, что первая проповедь Иисуса произошла в Капернауме (Мк: 1.21).
- ³ О посещении Иисусом дома Симона (Петра) говорится в евангелиях от Марка (1:29) и Луки (4:38), но в этих евангелиях в доме Симона происходит исцеление его тещи, а не избрание учеников. Возможно, эпизод с излечением тещи у эбионитов совсем отсутствовал, так как они проповедовали аскетизм и не признавали, что почитаемый ими апостол Петр был женат.
- ⁴ В данном случае имеется в виду Иаков, брат Иоанна, а не брат Иисуса, Иаков Зеведеев упоминается в новозаветных евангелиях (Мк. 1:19; Мф. 4:21). Оба они были рыбаками.
- ⁵ Зелоты – радикальная религиозно-политическая группировка в Иудее, выступавшая против римского владычества, их основателем был Иуда Галилеянин (I в.н.э.); зелоты были активными участниками I иудейского восстания против Рима.
- ⁶ Двенадцать – священное число у иудеев, соответствующее двенадцати коленам (племенам) израилевым, которые расселились, согласно Библии, по Палестине.
- ⁷ Характерно, что в этом евангелии проповедь должна быть обращена только к Израилю, т.е. только к иудеям, а не к язычникам.
- ⁸ В новозаветных евангелиях одежда Иоанна описана точно так же (Мф. 3:4; Мк. 1:6), но о пище сказано, что он питался акридами (саранчой) и диким медом. Дикий мед, имевший вкус манны, был, по-видимому, не медом пчелиным, а каким-то древесным соком. Характерно, что эбиониты сравнивают этот сок с манной – пищей, которую, согласно библейской легенде, Бог пос-

лал с неба «сынам израилевым», когда они скитались по пустыне (Исх. 16:15), и с медовыми лепешками. В греческом языке слова «саранча» и «лепешки» имеют похожее звучание – «акриды» и «еккриды» – лепешки. Возможно, мы имеем здесь дело с передачей устных рассказов, когда похожие на слух слова были записаны по-разному. Есть точка зрения, что эбиониты заменили слово «акриды» на «лепешки», потому что они выступали против мясной пищи (*Daniélou J.* Op. cit. P. 70). Однако такое толкование не кажется убедительным. вряд ли саранча могла восприниматься как мясная пища. Сопоставление пищи Иоанна Крестителя с лепешками, изготовленными на меду и масле (таково точное значение слова «еккрида»), у эбионитов – парафраз соответствующего места из Септуагинты, где в 16-й главе «Исхода» (31) сказано, что манна (небесная) напоминала вкусом «еккриды». Этот вариант представляется более ранним, чем новозаветный: грекоязычные проповедники уже не ссылались на библейскую манну, а грекоязычные слушатели восприняли саранчу как более соответствующую аскетическому образу жизни Иоанна Крестителя пищу.

⁹ Речь идет об Ироде Антипе, правителе (тетрархе – «четверовластнике») Галилеи.

¹⁰ Происхождение Иоанна Крестителя описывается только в Евангелии от Луки (1:5), где сказано, что Захария был родом из «Авиевой череды» (т.е. принадлежал к одной из 24 священнических групп, которая в очередь с другими исполняла обязанности в храме); Елизавета происходила из первосвященнического рода Аарона; эбиониты упоминают только род матери, который для них имел более важное значение

¹¹ Из греческого текста неясно, кто увидел голубя – Иисус или Иоанн. Такая же неясность в греческом тексте Нового Завета. У Матфея (3:16) сказано. «...и вот раскрылись небеса (в некоторых рукописях – «перед Ним» — *авт.*), и увидел Духа Святого...» В синодальном переводе вставлено «и увидел Иоанн». Однако, поскольку в этом стихе все местоимения третьего лица и все остальные действия относятся к Иисусу, кажется более вероятным, что и в Евангелии эбионитов, и в Евангелии от Матфея

нисходящего Духа Святого увидел Иисус, а не Иоанн. Вставка «Иоанн» при переводе сделана из теологических соображений, чтобы показать, что знамение предназначено Иоанну.

¹² Ср.: Псалом 2.7 «Возвещу определение: Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя». Эбиониты использовали не только прямые цитаты, но и отдельные образы и выражения Ветхого Завета, относящиеся к мессии, включая их в рассказ об Иисусе.

¹³ Ср.: Мф. 3:17; дословно: в котором я изъявил благоволение.

¹⁴ Ср.: Мф. 3:14; в каноническом тексте порядок изложения крещения иной: сначала Иоанн пытается удержать Иисуса (т.е. сразу признает его мессией), а затем уже получает знамение, в то время как в апокрифическом евангелии Иоанн признает Иисуса мессией после знамения и голоса с неба, обращенного прямо к нему (по учению эбионитов, как говорилось выше, Иисус стал мессией лишь после сошествия на него Духа Святого).

¹⁵ Ср.: Мф. 12:47; там этот эпизод излагается так же; Иисус говорит, показывая на учеников. «...вот мать Моя и братья Мои». По-видимому, эта фраза, вошедшая в раннюю традицию, толковалась разными христианскими группами по-разному, однако нет оснований думать, что в первоначальных писаниях эбионитов она имела смысл отличный от того, который вложен в нее в Евангелии от Матфея (главное родство – не телесное, а родство по вере).

¹⁶ Ср. выступления кумранитов против жертвоприношений (*Амусин И.Д.* Указ соч. С. 135—138), в Новом Завете осуждение жертвоприношений встречается в наиболее категорической форме в Послании к Евреям, где сказано. «Всесожжения и жертвы за грех неугодны Тебе» (10:6 и в целом ряде других мест этого Послания)

¹⁷ По поводу этого места Епифаний пишет, что эбиониты «переворачивают» речения: ср. в Евангелии от Матфея, где ученики задают Иисусу тот же вопрос, а Иисус в ответ дает им указания, где «совершить» пасху (26:17—18), у Луки Иисус говорит ученикам: «Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания» (22:15), по всей вероятности, слова о «перевертывании» речения относятся именно к Евангелию от Луки. В ответе Иисуса у эбионитов отразилось их неприятие мясной пищи.

Фрагменты Евангелия евреев

- ¹⁸ Понятие «покоя» часто встречается в произведениях гностиков, о нем будет сказано ниже при разборе гностических сочинений. Но глагол «покоить» встречается в Ветхом Завете (Псалт. 22:2: «Он (Господь) покоит меня на злых пожитях» и 22:4: «Твой жезл и твой посох, они успокаивают меня» – в последней фразе речь идет о покое посмертном), возможно, это понятие было взято иудео-христианами именно из Псалтыря.
- ¹⁹ В греческом тексте – Святой Дух среднего рода, приведенная фраза, по-видимому, явилась переводом с арамейского.
- ²⁰ О том, что Дух перенес Иисуса после крещения, рассказывается и в канонических евангелиях (ср. Мф. 4:1; только там его переносят в пустыню и «дух» не назван матерью). По-видимому, на горе, как в пустыне, Иисуса искушал дьявол: еще один знак восприятия его человеком, а не Богом (это была как бы своеобразная проверка его).
- ²¹ В другом месте Климент (Strom. V. XIV. 96) приводит более развернутый вариант речения, но уже без ссылки на Евангелие евреев: «Тот кто ищет не остановится, пока не найдет, и тот, кто найдет поразится, и тот кто будет поражен, будет править, и тот что будет править, обретет покой». Параллель к этому речению содержится в оксиринхских логиях (Рар. Ох. 654.1 5а) и соответственно в коптском тексте Евангелия от Фомы; в логии: «Пусть не остановится ищущий... нашел, и, когда он нашел, он удивился... удивился, он будет править. . найдет покой»; у Фомы «Иисус сказал: Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и, когда он найдет, он будет потрясен, и, если он потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над всем» (2). Совпадение этих отрывков позволяет сделать предположение, что отрывок, цитированный Климентом, взят им не из Евангелия евреев, а из греческого варианта Евангелия Фомы, отраженного в оксиринхских логиях. Однако не исключено совпадение отдельных речений в гностических евангелиях и в Евангелии евреев, несмотря на разницу в жанре. Тема «покоя»

встречается в отрывке из того же евангелия, хотя и в другом контексте.

- ²² По-видимому, он отдает пелены (льняные одежды), чтобы слуга засвидетельствовал жрецу его воскресение; интересно отметить, что во фрагменте неизвестного евангелия (см. с. 59), в рассказе об исцелении прокаженного, Иисус говорит, чтобы исцеленный показался жрецам: т. е., согласно ранней традиции, Иисус пытался убедить иудейское жречество в своем мессионизме.
- ²³ Ср. Лев. 5:1—4, где речь идет о том, что, если человек совершил грех (прикоснулся к нечистому животному, поклялся всуе) по незнанию, но потом узнал об этом, он виновен и должен очиститься.
- ²⁴ Иероним приводит речение в переводе на латинский язык – *ra-nem nostrum crastinum da nobis hodie*.
- ²⁵ См.: Лев. 19:18: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего как на самого себя». Из контекста видно, что под ближними подразумеваются только единоплеменники; такое же значение это слово имеет и в данном отрывке.
- ²⁶ Петр здесь назван сыном Ионы, как и в Евангелии от Матфея (16:17), в то время как в Евангелии от Иоанна он – сын Иоанна (в греч. подлиннике, Ин. 1:42); последнее речение совпадает с каноническим – оно, по-видимому, восходит к древнейшей устной христианской традиции. «игольные уши» называлась маленькая дверь в Иерусалимском храме, но грекоязычные христиане могли на слух воспринимать это речение иначе, так как по-гречески одинаково звучали слова «верблюд» и «канат», а в написании они отличались только одной буквой.
- ²⁷ Приводя эту притчу из Евангелия евреев, Евсевий далее замечает, что, может быть, и в Евангелии от Матфея последние слова притчи «а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю» (25:30) направлены против расточителя. Евсевий ощущал большую внутреннюю логичность построения притчи в Евангелии евреев.
- ²⁸ В греческом тексте – «демон».
- ²⁹ Иероним ссылается на письмо Игнатия, епископа антиохийского, к Поликарпу (II в.), где приведена эта фраза, и указывает, что она содержалась в Евангелии евреев. В действительности этот

отрывок приводится в Послании Игнатия к Смирнйцам, но без ссылки на источник, откуда он взят. Возможно, это близкий к тексту пересказ описания явления Иисуса Петру, о котором упоминается в ряде христианских текстов (см. ниже, в главе, посвященной апокрифическому Евангелию Петра).

- ³⁰ Аналогичная история о грешнице есть в Новом Завете, но, по-видимому, у Папия и в Евангелии евреев она была изложена иначе.
- ³¹ В Евангелии от Матфея сказано, что в момент смерти Иисуса завеса в храме разодралась надвое (27:51).
- ³² В Евангелии от Матфея Иисус говорит своим противникам (книжникам и фарисеям): «Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником» (23:35). О ком идет речь в этом отрывке – неясно; во Второй книге Паралипоменон говорится о гибели жреца Захарии, сына Иодая, которого побили камнями во дворе храма (24.20), возможно, в Евангелии евреев речь шла именно об этом Захарии, а Иероним неточно транскрибировал латинскими буквами имя, написанное по-арамейски.
- ³³ Варрава – узник, которого освободил Пилат по требованию иудеев (Мф. 27:16). Объяснение кажется странным, вряд ли оно могло содержаться в евангелии, написанном иудеями: в имени «Варрава» нет местоимения «их» (возможно, оно толковалось как «сын учителя», а «их» было прибавлено Иеронимом, чтобы не путать «учителя» Иисуса с другим – иудейским – учителем)
- ³⁴ Это речение не имеет прямых параллелей в канонических евангелиях; об избранничестве учеников несколько раз говорится в Евангелии от Иоанна («Не вы Меня, а Я вас избрал.» – 15:16; 13:18). Интересно, что ученики оказываются данными Иисусу Богом. В каноне есть слова о том, что «все предано Мне Отцем Моим» (Мф. 11:27); «все, что дает мне Отец, ко Мне придет» (Ин. 6:37), тем самым уверовавшие в Иисуса становятся избранниками самого Бога (психология избранничества неизбежно сопутствовала существованию небольших, гонимых и презираемых большинством окружающего населения групп).

Евангелие от Петра

Среди апокрифов новозаветной традиции особое место занимает фрагмент Евангелия от Петра. Он был обнаружен в Египте в 1886г. в могиле средневекового монаха; там же находились Апокалипсис Петра и Книга Еноха. Сама рукопись на пергаменте относится, по всей вероятности, к VIII—IX вв., но текст был создан гораздо раньше; язык и стиль фрагмента Евангелия и Апокалипсиса Петра связаны с кругом раннехристианской литературы. По-видимому, эти тексты были положены в могилу монаха как своеобразные амулеты а, может быть, обладатель и почитатель драгоценных для него текстов, запрещенных ортодоксальной Церковью, не пожелал расстаться с ними и после смерти...

Отрывок из Евангелия от Петра начинается с полуслова и обрывается также на полуслове. Однако переписчик не знал больше того, что сохранилось, перед началом и после конца отрывка нарисован орнамент из сплетенных лент и крестов. Отождествление найденного фрагмента с Евангелием от Петра сделано на основании того, что текст написан от первого лица и автор называет себя «Симон Петр».

Чтобы правильно оценить место апокрифических писаний, связанных с именем Петра, в общей массе раннехристианской литературы, следует несколько слов сказать о том, как рисуется Петр в разных сочинениях христиан.

Петр (греч. – камень, арамейск. – Кифа) играет существенную роль в христианских писаниях и легендах. Согласно новозаветным евангелиям, он со своим братом Андреем были первыми призваны Иисусом в число его учеников¹. Перечень двенадцати апостолов в канонических евангелиях начинается с имени Петра (Мк. 3:16—19; Мф. 10:2—4; Лк. 6:14—

16). Петр был, согласно евангелиям, рыбаком, и именно ему с братом при призвании Иисус сказал: «...идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков» (Мк. 1:17).

В Евангелии от Матфея имеется фраза, которая возвеличивает Петра среди всех учеников: «...ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (16:18–19). Фразы этой нет в других евангелиях², да и в Евангелии от Матфея она выступает из контекста; следующий стих (20): «Тогда (Иисус) запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос» – должен примыкать скорее к стиху 16 или 17, чем к 19-му. Поэтому не исключено, что сентенция о Петре вошла в текст Евангелия от Матфея при очередной переписке его во II в. и явилась отзвуком борьбы вокруг приоритета традиции (устной и письменной), связанной с именем Петра и служившей основой для притязаний на главенство руководителей римской христианской общины, основателем которой по легенде считался Петр³. Однако и в Евангелии от Иоанна, в котором в качестве «любимого ученика» представлен сам Иоанн, сохранена традиция особого положения Петра. Так, Иисус, явившийся ученикам после воскресения, трижды говорит именно Петру: «...паси овец Моих» (21:15–17). В Деяниях Апостолов Петр наряду с Иаковом, братом Иисуса, выступает как глава иерусалимской христианской общины; в этом произведении рассказывается о проповедях Петра и о многих чудесах, совершенных Петром (в том числе и о воскрешении умершей девушки – мотив, заимствованный из рассказов о чудесах, совершенных Иисусом).

Отражение устной традиции можно увидеть в упоминаниях о том, что Иисус после воскресения первым явился Петру: «...Господь истинно воскрес и явился Симону» (Лк. 24:34); «...и что явился Кифе, потом Двенадцати» (1 Кор. 15:5).

Особое положение Петра в иерусалимской общине создало представление о том, что он был призван проповедовать христианство среди иудеев. На этом настаивает Павел в Послании к Галатам: «Ибо содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных, содействовал и мне у язычников». Итак, Петр вырисовывается одним из самых почитаемых среди ранних христиан апостолов.

Однако можно проследить и иное отношение к образу Петра. В новозаветных евангелиях содержится рассказ о том, как Петр трижды отрекся от своего учителя после ареста последнего. Согласно этому рассказу, Петр пошел за Иисусом и находился во дворе во время допроса. Одна из служанок узнала в нем спутника Иисуса, но Петр заявил, что не знает, о ком та говорит. Другие, находившиеся там же, по акценту признали в нем жителя Галилеи, но и тогда Петр отрекся от Иисуса (Мк. 14:70; Мф. 26:69—74). Описание этого эпизода изобилует реалистическими деталями: Петр, греющийся у костра во дворе, люди, узнавшие галилейское произношение, страх и раскаяние Петра. Правда, в Евангелии от Иоанна, в котором гораздо больше, чем в остальных евангелиях Нового Завета, придается значения сакральному смыслу событий, это тройное отречение как бы снимается тройным вопросом воскресшего Иисуса к Петру: «Любишь ли ты Меня?» – и тройным «да» Петра (21:15—17). И все-таки Петр оказывается единственным учеником Иисуса, отрекшимся от учителя (в Евангелии от Иоанна вместе с Петром во двор к первосвященнику идет и другой ученик, но о его поведении ничего не рассказывается).

Сложно отношение к Петру апостола Павла. Павел признавал особую роль Петра, но находился в оппозиции к нему и явно старался уменьшить его почитание. В Послании к Галатам Павел прямо пишет, что противостоял Петру, который «подвергся нареканию»; Павел обвиняет Петра в лицемерии, ибо тот ел и пил вместе с язычниками, а когда прибыли некоторые христиане от Иакова (из Иерусалима),

«стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных».

Косвенно конфликт между сторонниками Петра и Павла отразился в каноническом Втором Послании Петра. Оно написано относительно поздно – не раньше начала II в., так как в нем видно знакомство с евангелиями и содержится прямая ссылка на послания Павла. Упоминание Павла появляется в контексте несколько неожиданно: «...и долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей гибели, превращают, как и прочие Писания» (2 Петр. 3:15–16). Итак, с одной стороны, Павел – «возлюбленный брат», а с другой – в его посланиях есть нечто «неудобовразумительное», что дает основания превратно толковать христианское учение. Сущность этих расхождений из Второго Послания Петра неясна, но вполне возможно, что она касалась отношения к иудаизму (иудео-христиане, как указывалось, не признавали Павла).

Снижен образ Петра и в Евангелии от Фомы из Наг-Хаммади, в котором, естественно, самым близким учеником является Фома. Так, согласно этому евангелию, Иисус спросил учеников, кому он подобен. В ответ Петр сравнивает его с ангелом, Матфей – с философом⁴, и только Фома говорит: «Мои уста никак не примут сказать, на кого Ты похож» (14). Интересно, что в Евангелии от Матфея на аналогичный вопрос именно Петр отвечает: «Ты Христос, Сын Бога живаго» (16:16); в Евангелии же Фомы Петр не понимает истинной природы Иисуса. Там же Петр требует, чтобы Мария Магдалина покинула их: «...ибо женщины недостойны жизни» (118); в ответ на это Иисус произносит слова о том, что Мария станет духом живым, подобно мужчинам: «Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в Царствие Небесное». Эта сентенция отражает чисто гности-

ческое представление о преодолении и соединении противоположностей в «Царствии Отца», однако вряд ли случайно, что требование изгнать Марию, обличающее непонимание сущности гносиса, вложено в уста Петра. Против Марии Магдалины Петр выступает и в Евангелии Марии из Наг-Хаммади: гностики, по-видимому, не признавали традиции, возвеличивающей его роль в распространении христианства.

Однако в результате деятельности проповедников римской общины в более поздней апокрифической литературе – в Деяниях Петра, в легендах, связанных с пребыванием Петра в Риме, – развивалась в основном апологетическая традиция⁵, смягчались противоречия между Павлом и Петром.

Почитание, которым пользовался Петр в среде первых последователей христианства, естественно, должно было привести к появлению книг, передающих традицию, связанную с его именем. Между тем в Новый Завет включены только два послания, авторство которых приписано Петру и в которых не содержится рассказов о его участии в проповеди учения Иисуса. По христианским преданиям, евангелист Марк являлся учеником Петра. Тем самым предполагается, что Марк передал рассказы Петра. Но для такой фигуры, как Петр, этого явно недостаточно. И действительно, еще до находок в Египте было известно о существовании не признанных Церковью книг, написанных непосредственно от имени апостола Петра.

Упоминания Евангелия от Петра имеются у Оригена⁶ и в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Ориген, обсуждая проблему упомянутых в евангелиях братьев Иисуса (Мк. 6:3; Мф. 13:55), говорит, что представление об этих братьях как о сыновьях Иосифа от первой жены восходит к евангелию, написанному от Петра, и Книге Иакова⁷. Ориген поддерживает эту версию, не отвергая тем самым и Евангелие от Петра. Более подробно об этом евангелии рассказывает Евсевий. Он говорит о Серапионе (ок. 200 г.), епископе в Рососе (Ки-

ликия), который руководил также христианскими общинами Сирии. Согласно Евсевию, Серапион обнаружил, что его паства пользуется Евангелием от Петра. Сначала он это решил, но затем, ознакомившись с содержанием, направил верующим по поводу этого евангелия специальное послание. Серапион указал, что этим евангелием пользовались докеты, «преемники тех, от кого оно ведет начало». Далее епископ пишет, что многое в нем «согласно с истинным учением Спасителя, некоторые же заповеди прибавлены, что мы и отмечаем для вас» (НЕ. VI.12). Еще в двух местах «Церковной истории» Евсевий упоминает Евангелие от Петра в числе подложных писаний (III.3, 25).

Итак, согласно этой версии, Евангелие от Петра было создано какими-то предшественниками секты докетов, чье учение было распространено в Сирии во II в. Название этой секты происходит от греческого слова «докео» – казаться; согласно докетам, пребывание Христа на земле было лишь кажущимся, нереальным, они отрицали человеческую природу Иисуса.

Однако христианские писатели связывали Евангелие от Петра не только с докетами, но и с иудео-христианами. Так, Феодорит (IV—V вв.) писал: «Назореи являются иудеями, чтящими Христа как справедливого человека и пользующимися так называемым Евангелием от Петра»⁸. Версия Феодорита противоречит учению докетов и отражает одно из самых ранних иудео-христианских представлений о Христе, о котором говорилось выше. Может ли анализ содержания дошедшего до нас фрагмента объяснить эти противоречивые сведения христианских писателей? В известной мере может, но, к сожалению, отрывок невелик и не дает полного представления о содержании всего евангелия.

Судя по замечанию Оригена, в Евангелии от Петра описывалось рождение Иисуса, поскольку в нем речь шла о сыновьях Иосифа от первого брака. Проповедь Иисуса не дошла совсем, но, если верить словам Серапиона, в ней мно-

гое совпадало с писаниями, принятыми ортодоксальными епископами. В сохранившемся отрывке описывается суд над Иисусом, его казнь, воскресение и поведение учеников, иудейских старейшин, Пилата, народа. Омовение рук Пилатом, глумление над Иисусом перед казнью, обращение к нему как царю, распятие между двумя разбойниками, деление одежд по жребию – все эти детали можно найти и в канонических евангелиях. Иначе, чем там, у Петра описан суд над Иисусом: он происходит не перед народом, а, вероятно, в претории (или во дворце Ирода). Главную роль в осуждении Иисуса играет Ирод Антипа⁹. О том, что версия об участии Ирода в суде над Иисусом была распространена в христианской традиции, свидетельствуют слова из Деяний Апостолов (4:27). В Евангелии от Луки есть рассказ о том, как Пилат, узнав, что Иисус – галилеянин, отправил его к находившемуся в то время в Иерусалиме правителю (тетрарху) Галилеи Ироду Антипе. Ирод подверг Иисуса допросу, но тот хранил молчание. Тогда «...Ирод со своими воинами, уничивив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату» (Лк. 23:11). Затем следует соответствующий другим каноническим евангелиям рассказ о том, как Пилат хотел отпустить Иисуса (у Луки в уста Пилата вложена фраза о том, что и Ирод не нашел его «достойным» смерти), но народ потребовал его казни. Создается впечатление, что у Луки произошло дублирование эпизодов суда и объединение разных традиций – той, которая отражена в других новозаветных евангелиях, и той, которая нашла отражение в Евангелии от Петра, а также в упоминании Ирода среди судей в Деяниях Апостолов.

Насколько появление Ирода в числе судей связано с реальной исторической ситуацией казни проповедника Иисуса, сказать сейчас трудно; привлечение Ирода к суду Пилатом, который, возможно, не хотел ввязываться в очередной религиозный конфликт, кажется вероятным, поскольку Иисус происходил из области, находившейся под управлением Ирода.

Еще более вероятным представляется, что об участии Ирода в осуждении Иисуса говорилось уже в ранней иудео-христианской традиции. Его отец – царь Ирод вызвал острую ненависть многих слоев иудейского общества своей проримской политикой, жестокими преследованиями всех недовольных. Ненависть к Ироду разделяли и первые христиане; ее отражением явилось новозаветное предание о том, что Ирод приказал перебить всех младенцев мужского пола, узнав, что в Вифлееме родился будущий царь иудейский. Его сын также обрисован в Новом Завете черными красками: Ирод Антипа приказал бросить в темницу Иоанна Крестителя¹⁰, но из страха перед народом не решился казнить его. Тогда на пиру дочь его жены (и сестры) Иродиады попросила у Ирода голову Иоанна – и тетрарх приказал казнить его (Мф. 14:3–11). Таким образом, виновность Ирода, казнившего Иоанна Предтечу, в гибели Иисуса должна была казаться первым христианам очевидной, рассказ об Ироде в Евангелии от Петра, с нашей точки зрения, отражает достаточно рано возникшую традицию.

В описании мучений, которым подвергли Иисуса после осуждения, имеются отдельные детали, которые расходятся с новозаветными рассказами, хотя в целом автор апокрифа следует общей с ними линии повествования. Расхождение заключается в том, например, что в Евангелии от Петра Иисуса сажают на судейское место и обращаются к нему со словами: «Суди праведно, царь Израильский»; в новозаветных евангелиях Иисуса приветствуют как царя иудейского, но о том, что Иисуса посадили на судейское место, не указано (у Иоанна также употребляется слово «бема» – судейское место, но на него садится Пилат, а не Иисус. – 19:13). Деталь эта важна для нас, потому что ее упоминает Юстин в своей «Апологии» (1.35). Фразеология Юстина близка к фразеологии апокрифа: по-видимому, он знал и почитал Евангелие от Петра.

В новозаветных евангелиях над Иисусом глумятся воины, в то время как у Петра это делают неопределенные «они», под которыми, судя по контексту, подразумеваются и иудеи-вра-

ги Иисуса, и римские воины. Стилистика евангелия такова, что автор не разделяет иудеев и римлян: только из их действий можно определить, о ком, собственно, идет речь – приказали не перебивать голеней разбойнику, естественно, начальники римской стражи, напоили Иисуса уксусом с желчью также стражники; «они», которые беспокоились, не наступил ли день субботний, «они», побежавшие к Пилату, – иудеи.

В то же время при этом обобщенном образе «они – враги» в Евангелии от Петра ясно видно противопоставление народа и верхушки иудеев – старейшины, жрецы, книжники, фарисеи выведены как главные противники Иисуса. Иногда они названы общим термином «иудеи», однако из контекста явствует, что «иудеи» – это не весь народ, а собирательное название для иудейских врагов Иисуса (см., например: 12.50). После смерти Иисуса народ начинает роптать и бить себя в грудь, уверовав в праведность казненного. Старейшины, книжники и фарисеи просят Пилата дать охрану для могилы, чтобы ученики не украли тела и народ не поверил бы, что он воскрес (8.28–30). Наконец, убедившись, что Иисус действительно воскрес, они умоляют Пилата приказывать воинам молчать об увиденном (11.48). Такое противопоставление народа иудейским старейшинам вписывается в контекст отрывка – ведь народ не принимал участия в осуждении Иисуса; его известность среди народа подчеркнута и тем, что после его погребения из Иерусалима и окрестностей к запечатанной гробнице стекается толпа. Нельзя сказать, что такая трактовка целиком принадлежит автору Евангелия от Петра: и в Евангелии от Матфея иудейские старейшины просят Пилата: «Итак, прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: «воскрес из мертвых»; и будет последний обман хуже первого» (27:64). Здесь, как и в Евангелии Петра, приводится версия, которая распространялась ортодоксальными иудеями, о том, что ученики украли тело Иисуса¹¹. В скрытой форме присутствует и страх перед народом, который может

поверить в воскресение Иисуса: «последний обман» (т.е. обман народа) хуже первого (т.е. кражи тела); хотя в данном случае опасение старейшин не вполне вяжется с активным требованием казни Иисуса именно со стороны иудейского народа («И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших». – Мф. 27:25). Но в Евангелии от Матфея нет столь ярко выраженного вторичного заявления старейшин, которые, уже будучи свидетелями воскресения, все-таки предпочитают обмануть народ и совершить «величайший грех», но не быть побитыми камнями народом, который (подразумевается) сочтет их главными виновниками содеянного.

В Евангелии от Луки также говорится о горе и раскаянии народа. Там рассказывается, что за Иисусом, когда его вели на казнь, шло «великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем» (23:27). После же казни, согласно этому евангелию, весь народ «возвращался, бия себя в грудь» (23:48). В одном из ранних латинских переводов Евангелия от Луки в рассказе о раскаянии народа есть слова о грядущем возмездии Иерусалиму¹², что соответствует описанию Евангелия от Петра. Описание раскаяния народа со словами: «О, горе Иерусалиму» – знал (возможно, именно по Евангелию от Петра или по более развернутой версии Евангелия от Луки) Татиан, поскольку аналогичный рассказ приведен в его Диатессароне.

Такое противопоставление народа и жречества могло восходить к иудео-христианам и даже к более ранним иудейским сектантским группам, например кумранитам, которые резко отрицательно относились к иудейским первосвященникам и к самому Иерусалимскому храму¹³. В этой связи следует сказать, что точка зрения, высказывавшаяся в научной литературе¹⁴ об антииудейской тенденции Евангелия от Петра, представляется необоснованной: обвинение ненавистного Ирода и иудейской верхушки, а не всего народа скорее отражает острые споры внутри иудаизма, чем противопоставление иудеев и христиан.

Специфической особенностью Евангелия от Петра представляется описание жизни и воскресения Иисуса. Иисус на кресте не испытывает страданий; единственная произнесенная им фраза – «Сила моя, сила, ты оставила меня!». После этого восклицания он «вознесся» (умер). В новозаветных евангелиях последние слова Иисуса передаются по-разному: в Евангелии от Луки он говорит: «Отче! в руки Твои передаю дух Мой» (23:46), в Евангелии от Иоанна Иисус после разговора с учеником, которому поручал мать свою, говорит: «Жажду» (евангелист прибавляет: «да сбудется Писание») – и затем произносит последнее слово: «Совершилось» (19:28–30). Евангелии от Марка и от Матфея приводят по-арамейски цитату из ветхозаветного псалма, которую и произнес Иисус перед смертью: «Боже мой! Боже мой! для чего Ты меня оставил?» (Мф. 27:46; Мк. 15:34), – драматический эпизод, который восходит, по всей вероятности, к древнейшей арамейской традиции о казни Иисуса. Фрагмент Евангелия от Петра дает своеобразную перефразировку, восходящую к ранней традиции, отраженной у Марка и Матфея; автор Евангелия от Петра заменил Бога «силой», что явилось, как и совсем иные редакции последних слов Иисуса у Луки и Иоанна, следствием сакрализации его образа.

Итак, согласно Евангелию от Петра, пока некая сила находилась у Иисуса, он не испытывал страданий, но, как только она его оставила, он умер. Это восклицание не имеет того горького смысла, какой могло иметь обращение к оставившему его (т.е. как бы забывшему о нем) Богу: божественная сила покидает тело, и он перестает жить земной жизнью. Понятие о божественной силе существовало в гностических учениях (см., например, Апокриф Иоанна, где говорится о силе незримого духа, которую он дает эонам). Однако вряд ли на этом основании «силу» Евангелия от Петра следует отождествлять с гностическим понятием. Климент Александрийский писал о силе, вошедшей в Христа при крещении (Excerpta ex Theodot. Orega. 61), что соответствовало учению иудео-христиан о том,

что Дух вошел в проповедника Иисуса при крещении. В Деяниях Апостолов Петр говорит, что Бог помазал Иисуса «Духом Святым и силою» (10:38). Не исключено, что слова о силе вложены в уста Петра автором Деяний Апостолов неслучайно, такая проповедь связывалась в христианской традиции (может быть, уже записанной) именно с его именем.

Текст фрагмента также не дает оснований говорить о прямом влиянии докетов, которые, по словам Серапиона, почитали это евангелие, хотя и не они писали его. Докеты, как и ряд гностических авторов, считали пребывание Иисуса на земле кажущимся (в гностическом Евангелии Истины о Христе сказано, что он пришел в «подобии тела»); но отсутствие страданий означало не кажущееся телесное существование, а лишь присутствие в теле божественной силы, которая от этих страданий избавляла. Реальность тела подчеркнута в Евангелии от Петра хотя бы тем, что когда его сняли с креста и положили на землю, земля содрогнулась. Характерно также, что и к умершему Иисусу автор продолжает применять слово «Господь» («И тогда вытащили гвозди из рук Господа и положили его на землю». – 6.21).

Совсем фантастично в Евангелии от Петра выглядит описание воскресения Иисуса. В новозаветных евангелиях сам момент воскресения совершается втайне: ученики видят пустую могилу, ангелов (ангела), возвещающих о воскресении, а затем им является уже воскресший Иисус. У Петра описаны все детали воскресения, и происходит оно на глазах многих свидетелей: сначала небеса раскрылись, и оттуда спустились два ангела (мужа), которые вошли в гробницу и вывели оттуда третьего, но не в прежнем, человеческом, а в фантастическом облике (голова его была «выше неба»). За ними шествует крест, причем с креста раздается ответ на вопрос, прозвучавший с неба: «Проповедовал ли Ты усопшим?» Описание воскресения не имеет параллелей в других известных нам евангелиях (не исключено, что какой-либо подобный рассказ входил и в другие не дошедшие до

нас апокрифы). Но сама идея воскресения тела в преображенном виде не была чужда христианским группам. В Апокалипсисе Иоанна, наиболее близком к иудео-христианству произведении Нового Завета, Христос также имеет фантастический облик. Он предстает в виде агнца как бы закланного, имеющего семь рогов и семь очей (5:6), которые символизировали семь духов Божиих, т.е. воскресший Христос мог являться уже в любом виде, который не столько раскрывал, сколько намекал на истинную, непостижимую сущность его. В гностическом Евангелии от Филиппа телесное воскресение трактуется особым образом: «Ни плоть, ни кровь не могут наследовать Царства Божия». Согласно этому речению, плоть Иисуса – Логос, а его кровь – Дух Святой (23).

Все описание воскресения Иисуса близко к апокалиптической литературе. Живой крест в этом рассказе – не просто фантастическая деталь. Крест сопровождает Иисуса на небо и в Апокалипсисе Петра, приобретая тем самым смысл сакрального символа¹⁵. Позорное орудие казни, столь часто употреблявшееся в реальной действительности, тоже преобразуется, становится «древом» жизни вечной¹⁶.

В самом конце фрагмента начинается рассказ о явлении воскресшего Иисуса его ученикам (или только одному Петру). Явление на Тибериадском море (озере) описано в Евангелии от Иоанна (21:1), но там оно не первое. У Луки подробно описывается явление Иисуса ученикам по дороге в селение Эммаус (24:13–15; ср.: Мк.16:12), но, когда эти ученики вернулись и рассказали остальным, те в свою очередь сказали, что «Господь истинно воскрес и явился Симону» (24:34). Создается впечатление, что в этом случае в Евангелии от Луки, как и в описании суда над Иисусом, произошло объединение традиции, восходящей к самому раннему из синоптических евангелий (от Марка), и традиции, которая использовалась в Евангелии от Петра.

Итак, анализ содержания дошедшего фрагмента Евангелия от Петра указывает на то, что в основе его лежала

древняя христианская традиция, использованная и в Новом Завете; однако можно говорить и о существовании особой традиции, которая была связана именно с апостолом Петром и которая в канонических писаниях отражена только в отдельных упоминаниях. Автор Евангелия от Петра мог быть знаком с новозаветными писаниями, но мог пользоваться и какими-то другими источниками, какими пользовался и автор неизвестного евангелия, дошедшего во фрагментах на папирусе (см. выше). Однако эта древняя традиция была переработана в Евангелии от Петра в определенных вероучительных целях.

Если не пытаться разбивать дошедший до нас отрывок на составные части и не выяснять, какая фраза отражает какую традицию, то он производит впечатление цельного рассказа, развивающего две основные темы – тему манифестации чуда, манифестации божественности Христа, и тему вины тех, кто отдал его на мучения и не признал его, невзирая на эту манифестацию. В сохранившемся тексте нет темы спасения и искупления, столь важных в других христианских книгах; нет здесь и ссылок на пророчества, которые исполняются в судьбе Иисуса; единственная ветхозаветная ссылка, и то не вполне точная, относится к предписанию иудейского закона, который должны соблюдать иудеи. Божественность Иисуса раскрывается через чудеса и знамения, а не через осуществление пророчеств, что принципиально отличает Евангелие от Петра – при всем сходстве использованных фактических деталей – от произведений Нового Завета. Так, в Евангелии от Марка после слов о том, что Иисуса распяли между разбойниками, дано пояснение: «и сбылось слово Писания: «и к злодеям причтен» (15:28); в Евангелии от Иоанна и деление одежд Иисуса по жребию, и слова его «жажду» связаны с исполнением Писания (19:24, 28). А в Деяниях Апостолов Петр, говоря об Иисусе, подчеркивает, что «о нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в него получит прощение грехов именем Его» (10:43). «Под-

линность» чудес в Евангелии от Петра подчеркивается и тем, что повествование ведется от первого лица, что не свойственно авторам канонических евангелий¹⁷. Характерно, что на всем протяжении сохранившегося текста автор нигде не употребляет имя Иисуса, но только «Господь», и даже мертвое тело – это тело «Господа»; тем самым текст сакрализуется, читающие и слушающие этот текст должны были осознавать, что, каким бы мукам и унижениям ни подвергли Иисуса, он все время – Господь; и противопоставление описания издевательств толпы и стражников настойчиво повторяемому слову «Господь» создает ощущение напряженности и грядущего возмездия. Этой же цели служит и то, что первый день недели – день воскресения – назван «днем Господним», как его стали впоследствии называть христиане – еще до рассказа о воскресении. Поверивший в Иисуса злодей называет его спасителем людей, хотя акт спасения – искупительная смерть Христа – еще не произошел¹⁸. Но истинно верующие познали это своей верой, в то время как виновники его смерти не желают верить, даже когда само воскресение происходит на их глазах.

Это противопоставление подводит нас ко второй теме, тесно переплетенной с первой, – теме вины. Может быть, отказ от ссылок на Писание определен не только нежеланием связывать христианское учение с иудейским, как полагают те, кто видят в отрывке антииудейскую направленность, но прежде всего стремлением выдвинуть на первый план идею вины и наказания. «Довершили грехи свои» – вот главный лейтмотив описания действий, направленных против Иисуса. Проблема вины фактически не стояла перед первыми сторонниками христианского учения. Для них его смерть и воскресение были знаком искупления и спасения: они ждали второго пришествия, установления Царства Божиего на земле и уничтожения не столько его личных врагов, сколько вообще всех носителей зла; как сказано в Апокалипсисе Иоанна, возмездие получают все те, кто не раскаялся в поклонении идолам, «в

убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем» (9:20—21). Но затем, после разрушения Иерусалимского храма в результате разгрома I иудейского восстания и в еще большей степени после подавления II иудейского восстания (131—134 гг.) под предводительством Бар-Кохбы, которые возбуждали надежды на скорый конец света, встал вопрос о причинах этих бедствий, о вине и возмездии. Отзвуки гибели Иерусалима имеются в Евангелии от Луки, в котором, как уже указывалось, использована традиция, общая с Евангелием от Петра: во время крестного пути Иисус говорит плачущим женщинам: «Дщери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: «блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!»» (23:28—29). Но у Луки нет столь ярко подчеркнутой вины и возмездия за эту вину, как в рассматриваемом апокрифе. Вина иудейских старейшин особенно страшна, потому что они были свидетелями воскресения, поняли, что они отправили на смерть мессию, но из трусости пошли на обман, уговорив Пилата ничего не рассказывать о воскресении.

Остроту постановки вопроса о вине можно связать не только со стремлением дать религиозное объяснение бедствиям, обрушившимся на Иудею, но и с позицией палестинских христиан в период обоих антиримских восстаний. Согласно христианской традиции, эбиониты, по-видимому, сначала примкнули к первому восстанию, но затем отошли от него и переселились за Иордан. Не исключено и участие христиан в восстании Бар-Кохбы, но они не могли признать Бар-Кохбу мессией; сотрудничество их с повстанцами вряд ли могло продолжаться долго¹⁹.

После трагического исхода II иудейского восстания, когда на месте Иерусалима была основана римская колония Элия Капиталина, а император Адриан (117—138 гг.) запретил иудеям исполнять свои обряды по всей империи, отмежевание от иудейства стало для христиан проблемой их вы-

живания. Возможно, именно после разгрома восстания Бар-Кохбы в Первом Послании к Фессалоникийцам появилась фраза, содержащая резкое осуждение иудеев, «которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся» (2:15). Эта фраза не вяжется с общим контекстом тех посланий Павла, которые считаются подлинными; хотя Павел выступал против соблюдения требования Закона, он призывал верующих быть истинными иудеями, т.е. иудеями по духу, как об этом прямо сказано в Послании к Римлянам: «...но *тот* иудей, кто внутренне *таков*, и *то* обрезание, *которое* в сердце, по духу, а не по букве...» (2:28—29). Проклятия в адрес иудеев из Первого Послания к Фессалоникийцам, по-видимому, не были известны Маркиону, обрабатывавшему послания Павла и занимавшему резко антииудейскую позицию. В дальнейшем это резко отрицательное отношение к иудеям вообще стало свойственно большинству произведений раннехристианской литературы. Так, Иероним, комментируя библейские пророчества, связывал многие из них с разгромом восстания Бар-Кохбы (в одном из комментариев Иерусалим был назван «кровавым городом» и «городом неправедности») ²⁰. Однако Евангелие от Петра от этих высказываний отличается осуждением лишь верхушки иудеев – Ирода Антипы, жрецов, книжников, старейшин. Они объединены вместе с римскими воинами в одну группу виновников распятия.

В этой связи встает вопрос: в какой среде и когда могло быть создано Евангелие от Петра? Автор дошедшего до нас рассказа не был иудеем: на это указывают слова о том, что «закон предписывает *им*» (т.е. иудеям), а также его стремление доказать сверхъестественность Иисуса не ссылками на пророчества, а рассказами о чудесах, явленных перед свидетелями. В то же время, как мы старались показать всем предшествующим разбором текста, в нем прослеживается древняя традиция, во многом общая с традицией, лежащей в основе канонических евангелий, а также иудео-

христианских писаний. Поэтому представляется наиболее вероятным, что дошедший до нас отрывок был частью переработанного иудео-христианского евангелия²¹, возможно так же называвшегося Евангелием от Петра, – естественно, что имя апостола, призванного проповедовать среди иудеев, должно было освятить именно иудео-христианскую версию проповеди, смерти и воскресения Иисуса. Этот первый вариант евангелия, по всей вероятности, имел в виду Феодорит.

Евангелие от Петра было достаточно хорошо известно христианским писателям II в. Его знал Юстин: описывая издевательства над Иисусом, он говорит о том, что Иисуса посадили на судейское место (бему), причем фразеологически этот отрывок перекликается с соответствующим отрывком из Евангелия от Петра (Apologia. I.35). Юстин не ссылается на евангелие, но говорит о «воспоминаниях апостолов», такое название больше всего подходит к Евангелию от Петра, поскольку оно написано от первого лица.

Можно думать, что традицию, восходящую к Евангелию от Петра, знал яростный критик христианства Цельс. Согласно Оригену, полемизировавшему с ним, у Цельса было сказано, что, по словам христиан, «иудеи, казнив Иисуса и напоив его желчью (курсив наш – авт.), навлекли на себя гнев Божий»²². Такая трактовка отсутствует в канонических евангелиях, только у Матфея говорится, что Иисусу дали выпить уксус, смешанный с желчью (27:34), в остальных трех евангелиях Иисусу дают уксус (Ин. 19:29; Лк. 23:36; Мк. 15:36. Ср.: Мф. 27:48, где речь также идет только об уксусе). У Петра желчь поставлена на первое место: именно дав Иисусу желчь с уксусом, «они» довершили свои грехи (слово «желчь» по-гречески обозначает и отраву). Таким образом, версия Петра была столь популярна среди христиан, что попала и в сочинение их противника. Все эти косвенные данные позволяют думать, что первоначальный вариант евангелия был создан примерно в одно время с каноническими евангели-

ями (возможно, Лука пользовался этим текстом), после гибели Иерусалима в 70 г. среди иудео-христиан Малой Азии, где пользовались этим евангелием вплоть до рубежа II—III вв., или в соседней Сирии. Особенности этого евангелия, столь остро ставившего проблему вины и возмездия, позволили переработать его уже после 134 г., (конец восстания Бар-Кохбы), когда для христиан империи вопрос о разрыве с иудаизмом стал вопросом не только вероучения, но и самосохранения. Сакрализация и спиритуализация образа Иисуса, характерная для апокрифа, отсутствие страданий на кресте, воскресение в фантастическом облике могли привлечь к нему внимание докетов, которые толковали его в духе своего учения (а может быть, не только толковали, но и перерабатывали при переписке). На мысль о возможной переработке наводит и реакция Серапиона. Характерно, что Серапион, осуждая это евангелие, писал о прибавлении некоторых заповедей. Впоследствии Евангелие от Петра было признано подложным. В числе подложных его называет Евсевий (НЕ. III.25).

Евангелие от Петра представляет интерес для историков христианства, потому что оно было создано в тот период, когда, по словам А. Гарнака, евангельский материал находился еще в неоформленном виде, канона не существовало и материал этот свободно переделывался²³. Сами споры вокруг направленности этого евангелия, которые вели ученые нового времени, говорят о том, что перед нами не теологический трактат, а произведение, отражавшее христианское учение в его противоречивом развитии и становлении, с одной стороны, сохранявшее наиболее почитаемую древнюю традицию об Иисусе, а с другой – отвечавшее потребности верующих того времени, когда оно создавалось, – потребности в чуде, в справедливом возмездии виновникам гибели Иисуса, потребности убедить неверующих язычников манифестацией божественной природы их Спасителя с помощью рассказов не менее фантастических, чем те,

которые содержались в многочисленных произведениях литературы I—II вв., посвященных чудесным знамениям, предсказателям, колдунам, таинственным превращениям и т.п. Интересно это евангелие и тем, что в нем отразились такие детали ранней традиции, на которые в Новом Завете содержатся только беглые указания (как, например, участие Ирода в суде над Иисусом).

Евангелие от Петра как бы находится между иудео-христианской и новозаветной традицией, с одной стороны, и гностическими учениями (о которых речь пойдет дальше) – с другой. Может быть, именно поэтому оно не было признано Церковью: образ не испытывавшего страданий Христа ассоциировался с осужденным гностическим учением, прямое противопоставление иудейского народа жречеству и старейшинам связывало его с также осужденными иудео-христианскими писаниями, а фантастические детали расходились с описанными в признанных священными книгах. Но, как показывает находка в Ахмиме, евангелие это (во всяком случае отрывки из него) продолжало переписываться и почитаться среди отдельных групп восточных христиан²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

Евангелие от Петра

- ¹ См.: Мк. 1:16. Согласно Евангелию от Иоанна, первым за Иисусом пошел Андрей, который затем привел брата своего Симона, названного Иисусом Кифой (1:40—42).
- ² В других новозаветных евангелиях право прощать грехи дано Иисусом всем апостолам (Ин. 20:23); в Первом Послании к Коринфянам (3:11) символом камня, положенного в основание веры, предстает сам Иисус, тот же образ (камень в основании – Иисус) употреблен в Первом Послании, автором которого Церковь считает Петра (2:4).
- ³ В различных преданиях Петр выступает как проповедник в разных регионах Римской империи – в Антиохии Сирийской, в Малой Азии, оттуда отправился в Рим, где был распят на кресте во время преследований христиан императором Нероном (об этих преследованиях см.: *Tac. Annales. XV.44*). В Новом Завете о пребывании Петра в Риме ничего не сказано; Первое Послание Петра адресовано христианам малоазийских провинций (1:1).
- ⁴ Возможно, в этом сравнении отражено иудео-христианское представление об Иисусе как о праведном человеке.
- ⁵ В частности, разрабатывался сюжет о борьбе Петра с Симоном Магом, который считался основателем секты симониан, по учению близких к гностикам. Симон упомянут в Деяниях Апостолов (8:9—24); о нем рассказывали и христианские писатели II—III вв. (Юстин, Ипполит).
- ⁶ *Orig. Com. in Matth. 10.17.*
- ⁷ «Книгой Иакова» Ориген называет рассказ Иакова о детстве Марии, обычно называемый в научной литературе Протоевангелие Иакова. В нем Иосиф говорит перед женитьбой на Марии, что у него уже есть сыновья (9:2) – см. ниже.
- ⁸ *Haeraetic. Fabularum Compend. II.*

- ⁹ После смерти царя Ирода, вассала Рима, основные районы Палестины были превращены в 6 г. до н.э. в римскую провинцию, а окраинные – переданы в управление его сыновьям; так, Галилея и Перее находились под властью Ирода Антипы вплоть до 40 г. н.э. Ирод Антипа носил титул тетрарха (четверовластника).
- ¹⁰ О казни проповедника Иоанна Иродом Антипой рассказывает и иудейский историк Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (XVIII.5.2).
- ¹¹ О том, что эта версия достаточно рано появилась среди иудеев, свидетельствует фраза из Евангелия от Матфея: «...и пронеслось слово сие (т.е. о краже тела – *авт.*) между Иудеями до сего дня» (28:15).
- ¹² Этот перевод разбирает *Zann Th. Forschungen zur Gesichte des Neuen Testament Kanons und altkirchliche Literatur. L., 1881. S. 216.*
- ¹³ Так, И.Д. Амосин пишет, что члены кумранской общины считали иерусалимское священство «нечестивым, а сам храм – оскверненным этим священством (см.: *Амосин И.Д. Кумранская община. М., 1983. С. 134.*)
- ¹⁴ См., например: *Жебелев С.А. Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919. С. 23—28; Riddel D.V. The Gospels: Their Origin and Growth. Chicago, 1939. P. 246.*
- ¹⁵ Ж. Даниэлу подробно рассматривает «мистерию креста» в учении иудео-христиан и гностиков (*Daniélou J. Théologie du iudeo-christianisme. P. 291—292.*)
- ¹⁶ Ср. Евангелие от Филиппа: крест отождествляется с деревом; воскресение произошло благодаря «древу жизни» (91—92). В гностическом Евангелии Истины говорится, что Иисус был пригвожден ко древу и стал плодом Знания Отца (крест становится плодоносящим деревом).
- ¹⁷ Правда, Евангелие от Луки начинается от первого лица, обращающегося к некоему Феофилу, но потом автор исчезает из повествования; в Евангелии от Иоанна в конце указано, что писал евангелие ученик, о котором Иисус сказал, что тот пребудет, «пока приду» (21:23), но в самом рассказе его авторство нигде

не подчеркнуто, рассказ объективизирован, содержание его не зависит от того, чему был этот автор свидетелем.

- ¹⁸ Аналогичное восприятие засвидетельствовано в Евангелии от Иоанна, самом литургичном из новозаветных евангелий. Уверовавшие в Иисуса самаритяне называют его «Спаситель мира» (4:42). В этом евангелии образ Иисуса сакрализуется с самого начала.
- ¹⁹ См.: *Донини А.* У истоков христианства. М., 1979; в письмах Бар-Кохбы упоминаются галилеяне, но, насколько их можно отождествить с христианами, неясно (о письмах см.: *Yadin Y. More on the Letters of Bar Kohkba // Biblical Archeologist.* 1961. XXIV.3).
- ²⁰ Об этих свидетельствах см.: *Амусин И. Д.* Тексты Кумрана. М., 1971. С. 91.
- ²¹ Точки зрения о том, что Евангелие от Петра явилось переработкой Евангелия евреев, придерживался Гольцман (*Holtzmann H.I.* Lehrbuch der historisch-kritische Einleitung in den Neuen Testament. Freiburg, 1886. S. 538); голландский ученый Ван-ден-Берг Ван-Эйсинга считал это евангелие греческой переработкой первоначального арамейского евангелия (см.: *Ван-ден-Берг Ван-Эйсинга.* Первоначальная христианская литература. М., 1929. С. 12). Даниелу считает Евангелие от Петра одним из ранних нудео-христианских евангелий (Op. cit. P. 31—32).
- ²² *Orig. Contr. Cels.* IV. 22.
- ²³ *Harnack A. von.* Bruchsstücke des Evangeliums und der Apocalypse des Petrus. Leipzig, 1893. S. 36.
- ²⁴ Интересно, что сохранилось раннесредневековое изображение Христа, вручающего книгу (евангелие?) апостолу Петру (*Leipoldt J., Moren S.* Heilige Schriften. Leipzig, 1953. Taf. 12).

Евангелие от Петра'

1. 1. ...Из иудеев же никто не умыл рук, ни Ирод, ни кто-либо из судей Его². И когда никто не захотел омыться, поднялся Пилат. 2. Тогда Ирод-царь приказывает взять Господа, говоря им: «Что я приказал вам сделать с Ним, сделайте»³.
2. 3. Был там Иосиф, друг Пилата и Господа⁴, и, видя, что они намереваются распять Его, пошел к Пилату и попросил тело Господа для погребения. 4. И Пилат послал к Ироду просить о теле. 5. Ирод же сказал: «Брат Пилат⁵, даже если никто и не попросил бы, мы бы погребли Его, так как суббота настает⁶, ибо написано в Законе: солнце не должно заходить над умерщвленным⁷» – и передал Его толпе перед первым днем праздника опресноков.
3. 6. И они, взяв Его, гнали и бежали, толкая Его, и говорили: «Гоним Сына Божия, получив власть над Ним». 7. И облачили Его в порфиру и посадили Его на судейское место, говоря: «Суди праведно, царь Израиля»⁸. 8. И кто-то из них, принеся терновый венец, возложил его на голову Господа. 9. А одни, стоящие (рядом) плевали Ему в глаза, другие били Его по щекам, иные тыкали в Него тростниковой палкой, а некоторые бичевали Его, приговаривая: «Вот какой почестью почтим мы Сына Божия».
4. 10. И привели двух злодеев и распяли Господа между ними в середине: Он же молчал, как будто не испытывал никакой боли. 11. И когда они подняли крест, они написали (на нем): «Это царь Израильский». 12. И, положив одежды Его перед Ним, делили их и бросали жребий между собой⁹. 13. Но один из злодеев упрекал их, говоря: «Мы из-за зла, которое совершили, так страдаем, Он же, явившийся Спасителем людей, что дурного Он сде-

- лал вам?» 14. И, вознегодовавши на Него, приказали не перебивать Ему голеней, чтобы Он умер в мучениях.
5. 15. Был уже полдень, и мрак окутал всю Иудею. И они стали беспокоиться и бояться, не село ли солнце, а Он еще был жив. Ибо предписано им¹⁰, чтобы солнце не заходило над умерщвленным. 16. Тогда кто-то из них сказал: «Напоите Его желчью с уксусом», и, смешав, напоили. 17. И исполнили все и довершили грехи над головами своими. 18. Многие же ходили со светильниками и, полагая, что ночь наступила, отправились на покой. 19. И Господь возопил: «Сила Моя, сила, ты оставила Меня!» И, сказав это, Он вознесся¹¹. 20. И в тот же самый час разорвалась завеса в храме Иерусалима надвое.
6. 21. И тогда вытащили гвозди из рук Господа¹² и положили Его на землю. И земля вся сотряслась, и начался великий страх. 22. Тогда солнце засветило, и стало ясно, что час еще девятый¹³. 23. Обрадовались иудеи и отдали Иосифу тело Его, чтобы он похоронил тело, ибо видел, сколько благого содеял (Он). 24. Взял же он Господа, обмыл и обернул пеленой¹⁴ и отнес в свою собственную гробницу¹⁵, называемую садом Иосифа¹⁶.
7. 25. Тогда иудеи, и старейшины, и жрецы, поняв, какое зло они сами себе причинили, начали бить себя в грудь и говорить: «Увы, грехи наши! грядет суд и конец Иерусалима». 26. Я же с товарищами моими печалился, и, сокрушенные духом, мы спрятались, ибо нас разыскивали как злодеев и тех, кто хотел сжечь храм¹⁷. 27. Из-за этого всего мы постились и сидели, горюя и плача ночь и день до субботы.
8. 28. Собравшиеся книжники, и фарисеи, и старейшины улышались, что народ весь ропщет и бьет себя в грудь, говоря: «Если при смерти Его такие великие знамения явились, то видите, сколь Он праведен». 29. Испугались они и пошли к Пилату, прося его и говоря: 30. «Дай нам воинов, чтобы мы могли сторожить Его могилу три дня, чтобы Его ученики не пришли и не украли бы Его и народ не решил,

- что Он восстал из мертвых и не сделал бы нам зла». 31. Пилат же дал им Петронию-центуриона, чтобы охранять гробницу. И с ними пошли старейшины и книжники к гробнице. 32. И, прикатив большой камень, вместе с центурионом и воинами привалили к входу в гробницу. 33. И, запечатав семью печатями, расположили палатку и стали стеречь.
- 9.34. Рано же утром, когда начался субботний рассвет, пришла толпа из Иерусалима и его округи, чтобы посмотреть гробницу опечатанную. 35. И в ту же ночь, когда рассветал день Господнен¹⁸, – сторожили же воины по двое каждую стражу – громкий голос раздался в небе. 36. И увидели, как небеса раскрылись и двух мужей, сошедших оттуда, излучавших сияние и приблизившихся к гробнице. 37. Камень же тот, что был привален к двери, отвалившись сам собой, отодвинулся, и гробница открылась, и оба юноши вошли.
- 10.38. И когда воины увидели это, они разбудили центуриона и старейшин, ибо и они находились там, охраняя (гробницу). 39. И когда они рассказывали, что видели, снова увидели выходящих из гробницы трех человек, двоих, поддерживающих одного, и крест, следующий за ними. 40. И головы двоих достигали неба, а у Того, кого вели за руку, голова была выше неба. 41. И они слышали голос с небес: «Возвестил ли Ты усопшим?» 42. И был ответ с креста: «Да»¹⁹.
- 11.43. А те обсуждали друг с другом, чтобы пойти и сообщить Пилату. 44. И пока они раздумывали, снова разверзлись небеса, и некий человек сошел и вошел в гробницу. 45. Увидавшие это вместе с центурионом поспешили к Пилату²⁰, оставив гробницу, которую охраняли, и возвестили обо всем, что видели, в сильном замешательстве и волнении, говоря: «Истинно, Сын был Божий». 46. Отвечая же, Пилат сказал: «Я чист от крови Сына Божия, вы же так решили». 47. Тогда все просили его приказать

- центуриону и воинам никому не рассказывать о виденном. 48. Ибо лучше, говорили они, нам быть виноватыми в величайшем грехе перед Богом, но не попасть в руки народу иудейскому и не быть побитыми камнями. 49. И приказал тогда Пилат центуриону и воинам ничего не рассказывать.
- 12.50. Рано утром дня Господня Мария Магдалина, ученица Господа, опасаясь иудеев²¹, охваченных гневом, не свершила у гробницы Господа (того), что обычно совершают женщины над близкими умершими. 51. Взяв с собой подруг, пошла к гробнице, куда был положен. 52. И боялись они, как бы не увидели их иудеи, и говорили: «Если и не могли мы в тот день, когда был распят, рыдать и стенать, то теперь у гробницы Его сделаем это. 53. Кто же откатит для нас камень, закрывающий вход в гробницу, чтобы, войдя, мы сели около Него и совершили положенное?»²² 54. Ибо камень был велик, и мы боимся, как бы кто-нибудь не увидел нас. И если мы не сможем, положим у входа, что принесли в память Его, будем плакать и бить себя в грудь вплоть до нашего дома».
- 13.55. И они пошли, и увидели гробницу открытой, и, подойдя, склонились туда, и увидели там некоего юношу, сидящего посреди гробницы, прекрасного и одетого в сияющие одежды, который сказал им: 56. Кого ищете? Не Того ли, Кто был распят? Восстал Он и ушел. Если же не верите, наклонитесь и посмотрите на место, где Он лежал, Его нет там. Ибо восстал и ушел, откуда был послан. 57. Тогда женщины, объятые ужасом, убежали.
- 14.58. Был же последний день праздника опресноков, и многие расходились, возвращаясь по домам своим, так как праздник кончался. 59. Мы же, двенадцать²³ учеников Господа, плакали и горевали, и каждый, удрученный совершившимся, пошел в дом свой. 60. Я же, Симон Петр, и Андрей, брат мой, взяв сети, отправились к морю. И был с нами Левий, сын Алфеев²⁴, которого Господь...²⁵

КОММЕНТАРИИ

Евангелие от Петра

- ¹ Название дано издателями на основании последней фразы сохранившегося отрывка – «Я же Симон Петр...». Деление на главы и стихи условно, оно сделано учеными нового времени (*Robinson J. A., James M. K. The Gospel according to Peter and Revelation of Peter L.*, 1892; *Harnack A. von. Bruchsstücke des Evangeliums und Apocalyps des Petrus. Leipzig*, 1893).
- ² В предшествующей фразе речь шла, по всей вероятности, о том, что Пилат умыл руки (ср.: «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки пред народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы». – Мф. 27:24). В отличие от новозаветных евангелий суд происходит не перед народом, а в претории – доме римского провинциального наместника, в данном случае Пилата, или во дворце Ирода.
- ³ Ирод Антипа, правитель Галилеи, упоминается в числе судей в Деяниях Апостолов: «Ибо поистине собрались в городе сем (т. е. Иерусалиме) на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским...» (4:27, ср.: Лк. 23:6–11).
- ⁴ Иосиф из Ариматеи, который просил выдать ему тело Иисуса, упоминается в новозаветных евангелиях (Мф. 27:57, Мк. 15:43; Лк. 23:50; Ин. 19:38) Там он назван членом синедриона (судебного органа иудеев), не участвовавшим, однако, в суде над Иисусом; но о дружбе его с Пилатом в новозаветных евангелиях ничего не говорится (у Марка сказано, что Иосиф «осмелился» прийти к Пилату). По-видимому используя общую с каноническими евангелиями традицию, автор Евангелия от Петра, следуя своему отрицательному отношению к иудейской верхушке, опустил упоминание о том, что Иосиф был членом синедриона.

⁵ Обращение «брат Пилат» должно свидетельствовать о дружеских отношениях Ирода и Пилата; в Евангелии от Луки сказано, что Пилат и Ирод «стали друзьями» во время суда над Иисусом, хотя раньше были во вражде (23:12). В обоих случаях отражена традиция, объединявшая Ирода и Пилата как главных действующих лиц суда над Иисусом. «Брат» было обычным обращением эллинистических царей друг к другу; однако мало вероятно, чтобы так мог обратиться правитель Галилеи к римскому прокуратору: автор, по-видимому, был далек от официального языка, употреблявшегося в системе управления. Вводя прямую речь для оживления своего повествования, он использовал известную в восточных провинциях эллинистическую традицию. Такое обращение, употребленное в евангелии, возможно, указывает на то, что автор отрывка использовал устные рассказы христианских проповедников.

⁶ На самом деле, если исходить из логики повествования, речь должна была идти о наступлении пятницы. Вообще создается впечатление, что эта глава должна была находиться в другом месте евангелия (до фразы: «и передал Его толпе перед первым днем праздника опресноков», которая скорее связана с концом предшествующей главы). Возможно, этот кусок был вставлен средневековым переписчиком, тем более что, как указывалось, переписчик не знал полного текста евангелия, если в его распоряжении были фрагменты, он мог их скомпоновать по своему разумению.

⁷ Имеется в виду предписание ветхозаветной книги «Второзаконие»: «Если в ком найдется преступление, достойное смерти, и он будет умерщвлен, и ты повесишь его на дереве: то тело его не должно ночевать на дереве, но погребти его в тот же день» (21:22—23): это единственная, весьма приблизительная ссылка на Ветхий Завет в дошедшем отрывке.

⁸ В новозаветных евангелиях в рассказе об издевательствах над Иисусом его «приветствуют» как «царя Иудейского» (см., например: Мк. 15:18), совершают издевательства воины, а не толпа.

- ⁹ Это место также имеет аналогии в новозаветных евангелиях; из контекста рассказа Петра неясно, кто делил одежду и кто приказал не перебивать голеней. Однако сделать это могли только римские воины и стражники (что казни совершались только под контролем римских провинциальных властей, не мог не знать житель любой провинции). Но для автора в данном случае это несущественно, он употребляет и в отношении иудеев, издававшихся над Иисусом, и в отношении воинов одно и то же местоимение «они» – т.е. все те, кто противостоял Иисусу, кто был повинен в его смерти.
- ¹⁰ Здесь под «ними» подразумеваются иудеи: эта фраза показывает, что сам автор вряд ли происходил из иудеев, во всяком случае он отделяет себя от них; повторное упоминание предписания позволяет думать, что и аудитория, которой предназначалось евангелие, нуждалась в разъяснениях по поводу норм иудейского Закона.
- ¹¹ Употребление этого слова может означать, что Иисус сразу же вознесся на небо, но может быть воспринято как торжественный синоним для «умер» (ср. русское «отошел»).
- ¹² Это одно из немногих упоминаний пригвождения как способа распятия. Из новозаветных евангелий гвозди упоминаются только в Евангелии от Иоанна (Фома говорит там о ранах от гвоздей. – 20:25). В Деяниях Апостолов сказано, что Иисуса «убили, повесив на древе» (10:39; другой возможный перевод – «на столбе»). Таким образом, в ранней христианской традиции существовали расхождения по поводу способа казни Иисуса.
- ¹³ «...Час еще девятый...» – третий час после полудня.
- ¹⁴ В подлиннике употреблено слово, означающее тонкую ткань типа кисеи; в русском переводе употребляется слово «плащаница» (Мк. 15:46).
- ¹⁵ В древности было распространено приготовление при жизни места для захоронения, гробницы, склепа. Как правило, такие гробницы были семейными; в отдельных случаях в них по желанию собственника могилы могли быть захоронены и друзья. В Евангелии от Петра для обозначения гробницы употребле-

ны разные греческие слова («тафос», «мнемейон»), как и в новозаветных евангелиях (например: Мф. 27:60; Мк. 15:46 и др.). Наиболее близко к значению этих слов русское слово «гробница», а не «гроб», как дано в синодальном переводе новозаветных евангелий.

¹⁶ «Сад Иосифа» – название не гробницы, а места, где она находилась, перенесенное затем и на саму гробницу (ср.: «...в саду гроб новый». – Ин. 19:41). В дальнейшем в христианстве происходит сакрализация образа сада. Особенно это видно в гностическом Евангелии от Филиппа; здесь Иосиф из Аримати, образ которого не нес никакого сакрального смысла, был заменен Иосифом, отцом Иисуса. В этом евангелии сказано, что Иосиф-плотник посадил сад, ибо он нуждался в деревьях для своего ремесла. Это он создал крест из деревьев, которые посадил, и семя его было подвешено к тому, что он посадил... (91).

¹⁷ В обвинениях, выдвинутых против Иисуса, было, согласно каноническим евангелиям, и обвинение в намерении разрушить Иерусалимский храм (Мф. 27:40; Мк. 15:29), вероятно, такое же обвинение было упомянуто и в Евангелии от Петра, только в нем оно конкретизировано и перенесено также на учеников (единственно возможный реальный способ уничтожить храм – поджечь его).

¹⁸ «День Господнен» – воскресенье.

¹⁹ Этот вопрос и ответ предполагают, что в промежуток между распятием и воскресением Иисус находился в загробном мире. Апокриф, таким образом, отражает начавшую складываться легенду о нисхождении Христа в ад, о котором затем будет рассказано в более позднем Евангелии от Никодима, созданном не ранее III в. и дошедшем в латинском переводе. В последней части Евангелия от Никодима рисуется совершенно фантастическая картина путешествия Иисуса в ад, где он хватает Сатану и приказывает заковать его в цепи. В Евангелии от Петра есть лишь намек на то, что Христос проповедовал не только живым, но и умершим (вероятно, по мысли автора, чтобы спасти и их).

- ²⁰ Похожий рассказ содержится в Евангелии от Матфея, только в нем иудейские старейшины обращаются к Пилату один раз – чтобы он дал стражу к гробнице; второй раз, узнав о воскресении, они просят не Пилата, а воинов, чтобы они не рассказывали о чудесах, но распустили бы слух, что ученики украли тело (Мф. 28:12–14).
- ²¹ Здесь, как и в некоторых других местах, иудеи означают не весь народ, а верхушку (старейшины, жрецы, фарисеи).
- ²² Автор, по-видимому, не вполне ясно представляет, что именно должны были сделать иудейские женщины у могилы умершего. Для него самое главное то, что они должны были его оплакать.
- ²³ На самом деле, если следовать логике евангельской легенды, учеников Иисуса в это время должно было быть одиннадцать. Однако и в отдельных местах Нового Завета говорится о «двенадцати» после смерти Иисуса (Ин. 20:24: «Фома же, один из Двенадцати...»; в Первом Послании к Коринфянам сказано, что Иисус «явился Кифе, потом Двенадцати». – 15:5). Число «двенадцать» воспринималось в иудейской среде как священное, оно было связано с двенадцатью коленами Израиля: в Евангелии от Матфея сказано, что во время Страшного суда ученики Иисуса сядут «на двенадцати престолах, судить двенадцать колен израилевых» (19:28). В Апокалипсисе Иоанна город Иерусалим, сходящий с неба, имеет двенадцать ворот, а на воротах написаны имена двенадцати колен сынов израилевых (21:12); в кумранской общине также были двенадцать старейшин. В Деяниях Апостолов (1:26) говорится, что для сохранения «двенадцати» в их число по жребию был избран некий Матфий (Маттис – по-гречески), который, однако, в дальнейших рассказах не действует. Избрание это прошло, согласно рассказу Деяний, уже после явления Иисуса апостолам.
- ²⁴ Левий Алфеев упомянут у Марка (2:14), но затем сыном Алфея (3:12) назван Иаков, как и в евангелиях от Луки и Матфея. Списки апостолов в каноне не идентичны (ср.: Лк. 6:14–16; Мф. 10:2–4; для устранения противоречий в списках апостолов

церковная традиция отождествляет Фаддея с Иудой Иаковлевым).

- ²⁵ По-видимому, дальше следовали слова о том, как был призван Левий (по Евангелию от Марка, он был сборщиком пошлин), а затем должно было рассказываться о явлении Иисуса ученикам во время рыбной ловли (ср.: Ин. 21:1, где говорится о явлении Иисуса при море Тибериадском, правда, это было не первое его явление); евангельская традиция расходится в описании, каким ученикам, где и когда явился Иисус (ср.: Мк. 16:14; Лк. 24:34). Вероятно, среди первых христиан бытовало много рассказов о явлении Иисуса, и каждый евангелист выбирал тот, который соответствовал наиболее почитаемой им традиции.

Протоевангелие Иакова

Во II в., когда уже были созданы основные почитаемые евангелия, появляются своеобразные произведения, примыкавшие к евангелиям и заполнявшие пробелы в рассказах о жизни основателя христианства и связанных с ним людей. Расширение состава верующих, приток в христианские общины греков, сирийцев, италиков, египтян привели к тому, что все эти люди привнесли в христианство свои традиции. Искренне отказываясь от почитания своих старых богов, они тем не менее сохраняли свои вкусы, прежнее восприятие мира, переноса привычные литературные и сказочно-философские образы на то божество, которому они стали поклоняться.

Влияние восточной сказки переплеталось в восприятии христиан II в. с влиянием массовой литературы. Это было время распространения произведений, описывающих самые невероятные чудеса, творимые богами или чародеями, превращения, колдовство. История реальных исторических лиц неузнаваемо преображалась в таких произведениях. Наиболее характерным примером может служить роман об Александре Македонском, в котором Александр выступает как сын чародея Нектанеба; одновременно Александр является воплощением своего отца. Поход Александра превращается в сказочное путешествие, во время которого происходят встречи с карликами, великанами, странными уродами и т.п. Популярность этого романа была такова, что он в дальнейшем был переведен на латинский, сирийский, армянский языки; в XIII в. попал он и на Русь. Во II в. Флегонт составил сборник «Удивительных историй», где действуют разные фантастические существа и призраки. Для подобной лите-

ратуры о чудесах и сверхдоблестях (ареталогии) свойственно соединение откровенной фантастики, традиционных сказочных мотивов с элементами мистики и вульгаризованной философии. Лукиан, пародируя все эти фантастические рассказы в «Правдивой истории», описывает «Острова блаженных», куда он якобы попал со своими спутниками во время путешествия. Характерно, что пародируемые Лукианом общие места таких рассказов можно встретить и у христиан: на островах земля пестрит цветами и покрыта тенистыми садовыми деревьями, виноград приносит плоды двенадцать раз в год... Живут там бесплотные тени, являющие собой «идею человека» (11.12—13). Христиане, читавшие подобные истории, и в учение, созданное первыми последователями мессии Иисуса, вносили привычные для них представления.

Чудеса, совершаемые Иисусом в ранних евангелиях, — это исцеления больных, накормление голодных, т.е. помощь страждущим людям (в соответствии с этическими требованиями первых христиан). В Деяниях Апостолов Петр говорит об Иисусе: «...Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом; потому что Бог был с Ним» (10:38). В коптском Евангелии от Фомы, наставляя учеников в их миссионерской деятельности, Иисус говорит ученикам: «Тех, которые среди них больны, лечите» (15). Но это казалось уже недостаточным: Иисус-бог в представлении массы верующих должен был совершать чудеса не менее впечатляющие, чем боги и герои языческих сказаний, беспощадно карать своих врагов.

Потребность веры в чудо (не только в чудо воскресения Иисуса, но и в возможность повседневных чудес) сочеталась со стремлением узнать малейшие подробности, бытовые детали жизни Иисуса, его матери и почитаемых проповедников. Ранние евангелия — и новозаветные, и апокрифические — больше внимания уделяли проповедям Иисуса, чем его биографии. В частности, в новозаветных произведениях нет сколько-нибудь подробных рассказов о детстве Иисуса, о его матери. Конкретные события приводятся в этих писаниях

как повод для высказываний и поучений. Только «страсти» Иисуса, его гибель, явление ученикам (а в иудео-христианских апокрифах – и крещение) описаны подробно, ибо это имело первостепенное вероучительное значение.

Все эти социально-психологические предпосылки привели к появлению повествований, в которых образы канонических евангелий подвергались, по словам С.С.Аверинцева, «безудержному расцвечиванию и грубой вульгаризации»¹. Однако не только связь с «низовой словесностью» определяла популярность апокрифических жизнеописаний, в них находили отражение и верования христиан, и их этические представления, для которых ранние священные книги давали недостаточную опору. Христианство начиная со второй половины II в. создает самые разнообразные произведения, дополнявшие собственно евангельские рассказы. У истоков всей этой литературы находятся два апокрифа II в. В одном из них рассказывалось о рождении и жизни Марии (вплоть до рождения Иисуса), в другом – о детстве Иисуса. Оба этих евангелия в научной литературе иногда объединяют общим названием «евангелия детства».

Мать Иисуса не занимала сколько-нибудь важного места в учении первых христиан. Эбиониты в соответствии со своим представлением о пророке Иисусе считали его мать обыкновенной женщиной, женой плотника Иосифа². Гностики использовали образ Марии для своих религиозно-философских построений. Так, эпизод с благовещением толковался в одной из гностических версий как явление Марии в образе архангела Гавриила самого Христа-Логоса, который вошел в нее. Автор Евангелия от Филиппа упоминает Марию, но тоже в специфическом контексте, подчеркивая символику ее имени: «Ибо Мария – его мать, его сестра и его спутница». Здесь Филипп выражает гностическую идею о преодолении земной множественности (разделенности). Биография Марии – матери Иисуса, ее реальная жизнь гностиков не интересовала.

В новозаветном Откровении Иоанна в видениях предстает женщина, рождающая в муках дитя, но образ этот может быть и совсем не связан с матерью Иисуса: ничего земного, человеческого в нем нет. Эту женщину, «облаченную в солнце», преследует дракон, который хочет вступить в борьбу «с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (12:1–17), дети этой жены – все верующие-христиане. Возможно, образ ее – отголосок Матери – Святого Духа арамейских христианских текстов (или символ истинной веры); описание ее, как и описание блудницы, сидящей на семиголовом звере (символ Рима), представляет собой аллегорию, которая нуждается в толковании, в постижении ее скрытого смысла; к реальной женщине этот образ отношения не имеет.

В Евангелии от Марка ничего не сказано о рождении Иисуса, оно начинается с описания крещения, как и иудео-христианские евангелия. Поскольку для Марка деятельность Иисуса как мессии начинается с его крещения и сошествия на него Святого Духа, земная мать его упоминается им вскользь.

В евангелиях от Матфея и Луки приводятся несколько различные друг от друга родословные Иосифа: его род возводится к Давиду, поскольку, согласно иудейским верованиям, мессия должен происходить из рода Давидидов (потомков царя Давида). Когда складывались легенды о происхождении Иосифа из этого рода и конструировались генеалогии, Иосиф, по всей вероятности, еще считался отцом Иисуса (хотя в арамейском варианте Евангелия от Матфея, согласно Епифанию, эта сконструированная генеалогия отсутствовала). Однако в тех же евангелиях излагается и начавшийся складываться в период их создания миф о непорочном зачатии Марией Иисуса от Духа Святого³. В связи с этим мифом, призванным подчеркнуть единую сущность Бога и Христа, в христианской традиции начинает выделяться образ Марии.

Наиболее подробен рассказ о непорочном зачатии в Евангелии от Луки. Автор его ввел описание благовещения –

явления Марии ангела, возвестившего ей о чуде зачатия от Святого Духа. Благовещение представляет собой как бы дублирование эпизода, изложенного у Луки ранее, – возвещения ангелом престарелому Захарии о рождении у него Иоанна (будущего Иоанна Крестителя). Оба действующих лица удивлены вестью, и оба спрашивают, как это может быть. Правда, затем рассказы расходятся: Захарию наказывают за сомнение, а Мария, поверив, начинает славить Бога. Возможно, эпизод с благовещением введен автором Евангелия от Луки под влиянием рассказов об Иоанне Крестителе, с которыми он был хорошо знаком. Он вводит в повествование встречу Марии с Елизаветой, женой Захарии, у которой Мария прожила три месяца перед родами. В дальнейшем изложении у Луки мать Иисуса упоминается в эпизоде в Иерусалимском храме (об этом эпизоде будет сказано подробнее при разборе Евангелия детства), но дальше практически она из евангельских рассказов исчезает (в трех канонических евангелиях Иисус отрекается от матери, своих учеников называя матерью и братьями. – Мк. 3:33–34; Мф. 12:48–50; Лк. 8:19–21). Мать Иисуса у «синоптиков» даже не названа среди присутствовавших при распятии, хотя Марк поименно перечисляет женщин, которые издали смотрели на казнь: Мария, мать Иакова-меньшого и Иосии, Мария Магдалина и Саломея (15:40); то же пишет и Матфей, только вместо Саломеи он упоминает мать сыновей Зеведеевых (27:56); у Луки просто сказано: «женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи» (23:55). Только согласно Евангелию от Иоанна, Мария, мать Иисуса, стоит около креста, и Иисус поручает ее своему любимому ученику (имеется в виду Иоанн), от имени которого написано евангелие. В Деяниях Апостолов упоминается о том, что она пребывала в молитве после казни Иисуса вместе с апостолами и братьями его (1:14). Вот практически и все сведения о ней, содержащиеся в каноне.

Отсутствие в новозаветной традиции сколько-нибудь достоверных сведений о матери Иисуса дало возможность про-

тивникам христиан, прежде всего ортодоксальным иудеям, выдвинуть свою версию ее жизни. Эту версию изложил Цельс в «Правдивом слове». С ним полемизировал Ориген, приводивший из сочинения Цельса обширные цитаты. Цельс, ссылаясь на рассказы иудеев, писал, что Мария была пряхой (одна из наименее уважаемых женских профессий в античное время) и родила незаконного сына от римского солдата Пантеры. Аналогичная версия содержится и в Талмуде, где солдат назван Пандирой. В противовес этой легенде – у нас нет оснований видеть в ней какое-то историческое ядро – христиане II в. распространяли свои рассказы о богородице, в которых происходило нарастание сверхъестественных элементов в соответствии с общим тяготением к чудесному и традицией почитания женских божеств, уходившей своими корнями в глубокую древность, особенно на Востоке.

Подробный рассказ о детстве и замужестве Марии содержится в так называемой «Истории Иакова о рождении Марии», или «Книге Иакова», как называл это сочинение Ориген (Com. in Matth. X.17). В научной литературе это произведение принято называть Протоевангелием Иакова. Популярность этого произведения была такова, что, невзирая на апокрифичность его, в раннем средневековье оно было переведено на многие языки (сирийский, коптский, армянский); дошли несколько средневековых рукописей (с пространной и краткой редакцией); наиболее ранний текст Протоевангелия Иакова был обнаружен на папирусе в Египте, изданном в 1958г. (папирус Бодмера). Там дано название: «Рождение Марии. Откровение Иакова». Папирус относится к III в., но рукопись, по-видимому, также подверглась переработке, некоторым сокращениям по сравнению с предполагаемым оригиналом. Протоевангелие Иакова, поскольку его знал Ориген, было написано примерно около 200г, может быть – 150г. Неопределенность датировки связана с тем, что автор хорошо знал канонические евангелия, следовательно, он писал уже после того, как сложилась письменная новозаветная тради-

ция, в то же время там использованы какие-то иные источники или устные рассказы, в частности, согласно Протоевангелию, Иисус родился в пещере. Этот вариант легенды знал Юстин, как и версию о происхождении самой Марии из рода Давида, однако неясно, взял ли эти сведения Юстин из «Книги Иакова» или из устных рассказов, предшествовавших ее написанию. Вероятнее последнее, так как никаких других данных об использовании этой книги Юстином у нас нет. В любом случае Протоевангелие было создано во второй половине – конце II в., вероятно, в Египте.

В дошедших до нас рукописях Протоевангелия имеются вставки. Так, в момент рождения Иисуса Иосиф вдруг начинает говорить от первого лица; стилистика этого отрывка расходится с остальным текстом евангелия, он введен, по-видимому, из другого произведения, написанного от имени Иосифа. Относительно поздней вставкой является и молитва Саломеи. Оба этих отрывка отсутствуют в папирусе Бодмера.

Протоевангелие написано от имени Иакова, брата Иисуса и сына Иосифа от первого брака. Создание евангелия, повествующего о чудесном рождении Марии и еще более чудесном рождении Иисуса от имени очевидца Иакова, освящало легенду о непорочном зачатии и было своего рода скрытой полемикой с теми, кто не признавал рождения Иисуса от Святого Духа; их учение как бы опровергал один из самых почитаемых ими христианских деятелей, руководитель иерусалимской общины.

В целом, если не считать некоторых вставок, это произведение, написанное рукой одного автора. Скудость традиции привела к тому, что, за исключением мотива рождения в пещере, выражавшего идею света, засиявшего во тьме, и происхождения Марии от Давида, рассказы о котором должны были появиться в связи с учением о непорочном зачатии, автор Протоевангелия конструировал свой рассказ на основе различных источников, не имеющих прямого отно-

шения к Марии, а также тех немногих сведений, которые содержатся в евангелиях от Луки и Матфея (главным образом от Луки), причем автор включал дословно в свой текст отрывки из этих евангелий.

Протоевангелие начинается с описания того, как будущие родители Марии Иоаким и Анна скорбят о своей бездетности. Начало это перекликается с историей Самуила в Ветхом Завете (1 Царств., в еврейском тексте – 1 Самуила), согласно которой у жены Елкана Анны (даже имена обеих женщин совпадают) не было детей, и она скорбела об этом и молилась (молитва Анны появляется и в Протоевангелии). Анна, жена Елкана, дает обет – как и мать Марии – посвятить своего ребенка Богу. Итак, общее развитие сюжета заимствовано автором истории о рождении Марии из Ветхого Завета. Однако автор не был, по-видимому, иудеем и не знал как следует религиозной жизни Иудеи или, может быть, сознательно игнорировал ее: он писал в то время, когда Иерусалимского храма уже не существовало, основная масса иудеев находилась в рассеянии, писал он для христиан неиудеев, говоривших по-гречески. Несоответствия с бывшей когда-то исторической действительностью его не смущали, он писал историю по законам распространенного литературного жанра, в котором верность действительности была не нужна. А несоответствия и неточности начинаются уже с первых строк: из-за бездетности терпит поношение не только Анна, но и Иоаким. В истории Самуила попреки направлены только против женщины (у Елкана были дети от другой жены). Характерно, что эти попреки дословно совпадают в обоих произведениях. «Господь затворил твое чрево» – эту фразу автор Протоевангелия прямо включил в свою книгу. В рассказе о родителях Марии Иоакима фактически отлучают от храма, не разрешают ему приносить жертвы, что было невероятно. Но это усиливает драматичность рассказа и противопоставляет Иоакима жестоким иудеям. Иоаким и Анна порознь получают знамение о том, что у них родится ребенок. В истории

Самуила его будущей матери возвещает первосвященник. В Протоевангелии знамение непосредственно дает Бог через ангела, здесь использован упомянутый выше мотив из Евангелия от Луки, связанный с рождением Иоанна Крестителя; с точки зрения верующего христианина II в., иудейский первосвященник не мог передавать знамение, исходившее от Бога. После рождения Марии Анна произносит благодарственную молитву, которая также имеет параллели с «Книгой Самуила». Наконец, когда Марии исполнилось три года, ее отводят в храм в соответствии с данным обетом. Этот обет заимствован из истории Самуила, но посвящение в храм девочки, которая при этом живет в святой святого храма, – история совершенно невозможная. Значит ли это, что автор настолько не представлял себе иудейских обычаев? Ведь он достаточно хорошо знал Ветхий Завет. Скорее всего мы имеем здесь сознательное пренебрежение этими обычаями, стремление подчеркнуть, что в истории Марии все было исключительно – и ее пребывание в храме тоже.

В храме Мария оставалась до двенадцати лет. Интересно отметить, что Мария питалась особой пищей, которую ей приносил ангел. Это упоминание – не просто еще одна фантастически-чудесная деталь, за ней стоит представление об «особом» теле и «особой» телесной жизни матери Христа. Автор Протоевангелия перенес на Марию те идеи, которые разрабатывались в христианстве II в. применительно к образу Христа. Уже в Евангелии от Иоанна Иисус говорит своим ученикам, отказываясь от еды: «...у Меня есть пища, которой вы не знаете... Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (4:32–34). Правда, здесь отказ от земной пищи носит иносказательный характер, но у гностиков существовало учение об особом способе питания Иисуса, связанном с иной, нечеловеческой, телесностью. Так, один из наиболее крупных теологов-гностиков, Валентин, по данным Климента Александрийского, утверждал, что Иисус ел и пил особым образом, не отдавая пищи (т.е. не перерабатывая

ее); сила воздержания была в нем такова, что пища в нем не разлагалась, так как он сам не подлежал разложению. Отголоски этого учения переплелись в истории о рождении Марии с древними языческими верованиями: боги греков пили особый напиток – нектар и питались амброзией. Такое переплетение традиционных мифологических мотивов, мистики, вульгаризованных философских доктрин было характерно для «низовой словесности» и отражало определенные тенденции в развитии христианства.

Когда Марии исполняется двенадцать лет, рассказывается в Протоевангелии, жрецы по повелению ангела созывают старцев, чтобы вручить одному из них Марию для своего рода опеки. Так в истории Марии появляется плотник Иосиф – старец, вдовец. Образ Иосифа-старца – создание апокрифической литературы, стремившейся заполнить лакуны первоначальных евангельских повествований, в которых Иосиф после рождения Иисуса и возвращения из Египта (по Евангелию от Матфея) не фигурирует вовсе («родители» Иисуса упомянуты только еще один раз у Луки в рассказе о посещении ими вместе с мальчиком Иисусом Иерусалимского храма. – 2:42–43). Старость Иосифа позволяла объяснить отсутствие упоминаний о нем в период деятельности Иисуса; в Евангелии от Марка жители Назарета называют Иисуса только «сыном Марии», не упоминая имя отца (6:3). По-видимому, предполагалось, что Иосиф умер к началу проповеди Иисуса. Старость Иосифа также давала возможность ввести взрослых сыновей от первого брака⁴ и тем самым утвердить девственность Марии.

Иосиф был избран супругом-хранителем Марии, так как из его посоха вылетела голубка – образ, который должен был ассоциироваться в умах верующих со Святым Духом, сошедшим на Иисуса в виде голубя.

Даже в деталях дальнейшей жизни Марии, по концепции автора Протоевангелия, обнаруживается ее исключительность. Так, по жребию ей достается ткать самую дорогую

ткань, настоящую багряницу, пурпур. Как отличен этот символ от символики первых христиан, для которых в пурпур и багряницу одевались блудницы – и главная блудница – Рим, как он изображен в Апокалипсисе Иоанна⁵. Но пурпур имел и скрытый, мистический смысл (во всяком случае так он толковался византийскими богословами): прядение пурпура как бы возвещает «прядение» тела младенца из крови матери.

Эпизод благовещения и прихода Марии к Елизавете представляет собой детализированный и драматизированный (в соответствии с жанром) пересказ Евангелия от Луки с дословным повторением отдельных фраз. Благовещение происходит в отсутствие Иосифа, который уходит на плотницкие работы. Это должно было объяснить, почему Мария отправилась к Елизавете. У Луки в соответствующем рассказе отразилось стремление объединить легенды об Иоанне Крестителе и Иисусе, существовавшие отдельно, подчеркнуть связь между обоими проповедниками с самого их рождения; бытовая достоверность не интересовала автора третьего евангелия. В Протоевангелии подробно описана реакция вернувшегося мужа и обнаружившего беременность своей подопечной (намек на реакцию Иосифа есть в Евангелии от Матфея, но там Мария выходит за него замуж, уже будучи беременной, и Иосиф хочет тайно отпустить ее. – 1:18–19).

По доносу книжника Анны (автор опять вводит мотив иудея-недруга, как и в начале повествования) Иосифа и Марию вызывают в храм и заставляют пройти испытание «водою ревности». Это был древний обычай, согласно которому женщине, подозревавшейся в прелюбодеянии, давали выпить воду, смешанную с грязью⁶. Если она без последствий выпивала эту смесь, то объявлялась непорочной. В рассказе «горькую воду» пьют оба; естественно, что Иосиф и Мария безболезненно проходят через испытание «божиим судом».

Во всех эпизодах после замужества Марии неясно место действия. Подразумевается, что все происходит в Иерусалиме: вряд ли доноситель Анна бегал из Назарета к первосвя-

щеннику и обратно. Назарет здесь не фигурирует, не потому, конечно, что автор не знал о Назарете, о котором было написано в новозаветных евангелиях, а потому, что для него эта деталь шла вразрез с сюжетом, в который был введен эпизод с доносом, испытанием водою, создающий драматическое напряжение, показывающий книжника, стремившегося навредить еще матери Иисуса... Кроме того, автор не знал реального Назарета, плохо представлял себе, где именно он находится. Неопределенность места действия позволяла ему ввести псевдореалистические детали, которыми он расцвечивал повествование по собственному усмотрению.

Как и в Евангелии от Луки, Иосиф с Марией отправляются на перепись в Вифлеем (добавлена деталь – вместе с сыновьями). В повествование вставлен эпизод, выпадающий из общего бытописательного тона этого отрывка: Мария во время пути то плачет, то смеется. Когда Иосиф спрашивает ее, в чем дело, она отвечает, что видит перед глазами два народа: один рыдает, другой радуется и веселится. Здесь открыто противопоставлены иудеи (народ, который рыдает: во время создания Протоевангелия свежа была память о страшном разгроме II иудейского восстания) и христиане из язычников (народ, который радуется). Видение Марии отражает общую тенденцию Протоевангелия, но описание его выпадает из контекста (характерно, что в тексте сначала сказано, что Иосиф пошел сзади Марии, а потом – что он обернулся и увидел ее плачущей и смеющейся). Создается впечатление, что эти фразы взяты из какого-то другого произведения, хотя, возможно, это было сделано уже самим автором оригинала истории о рождении Марии.

Дальше следует описание рождения Иисуса. Иисус, согласно этому евангелию, рождается в пещере, в пустынном месте; рождение Иисуса – это рождение света, который наполняет всю пещеру. Автор использовал здесь неканоническую традицию, поскольку она имела гораздо более сильную теологическую направленность, чем рождение в доме (Еван-

гелие от Матфея) или в яслях (Евангелие от Луки, в котором подчеркнута обстановка простоты и бедности, противопоставленная высокому предназначению младенца), пещера – символ тьмы, незнания, которую озаряет Свет-Иисус. Но автор Протоевангелия не мог обойти популярную среди христиан легенду об Иисусе в яслях для скота, столь близкую первым христианам из низов общества: ясли появляются у него в связи с преследованиями Ирода; Мария прячет там младенца Иисуса.

В описание рождения Иисуса введены дополнительные персонажи по сравнению с каноническими текстами – поживальная бабка и Саломея (правда, в папирусе Бодмера эти эпизоды сокращены). Оба этих персонажа должны были засвидетельствовать божественность и чудотворные свойства Иисуса с самого рождения.

После чуда с Саломеей следует описание поклонения магов. Характерно, что из двух вариантов в канонических евангелиях: поклонения пастухов у Луки и поклонения магов у Матфея автор выбирает версию Матфея, хотя в целом он больше следует рассказу Луки (встреча Марии с Елизаветой, благовещение, перепись в Вифлееме): маги – восточные мудрецы и прорицатели, приносящие богатые дары, были ближе тенденции автора – представить Иисуса с момента рождения общемировым божеством, в которого уверовали пришедшие издалека восточные прорицатели, так же как тенденции Евангелия от Луки больше соответствовали бедные пастухи, первыми приветствовавшие рождение мессии. Весь эпизод с магами и Иродом – близкий к тексту пересказ соответствующего места у Матфея с небольшими отклонениями (Ирод представлен грозным правителем, заседающим в претории и допрашивающим первосвященников и книжников).

На преследованиях Ирода и попытке спасти от них Иисуса кончается собственно история Марии. Далее следует совсем другой сюжет, связанный с Иоанном Крестителем

и гибелью его отца Захарии. Эта история взята из сказаний об Иоанне Крестителе и не имеет отношения к истории Марии. По всей вероятности, она отсутствовала в оригинале, так как Ориген не знает версии, приведенной в Протоевангелии, об убийстве Захарии в храме, хотя ссылается на «Книгу Иакова», говоря о братьях Иисуса. Присоединена она была к первоначальному тексту еще в поздней античности (легенды о спасении Елизаветы в горé и смерти Захарии были широко распространены в средние века). В этой истории усилен чудесный, сказочный элемент: гора расступается перед Елизаветой и скрывает ее вместе с младенцем. Гибель Захарии не имеет основы в канонических текстах. Возможно, она сконструирована автором в связи со словами, сказанными Иисусом в Евангелии от Матфея (23:35), где он призывает на головы книжников и фарисеев всю кровь праведную «от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником»⁷. Кто такой Захария, сын Варахии, было неясно христианам II в. Автор истории о гибели Захарии связал эту гибель с преследованиями Ирода, требовавшего выдачи маленького Иоанна⁸. По приказанию Ирода Захария, выведенный в качестве первосвященника (хотя, согласно канонической традиции, он был жрецом, выполнявшим свои обязанности в черед с другими, – «из Авиевой череды»), был убит за отказ сказать, где его сын; его кровь чудесным образом окаменела, чтобы свидетельствовать о преступлении. История Захарии связывается в конце с историей Иисуса введением первосвященника Симеона, которого избирают на место убитого Захарии. В Протоевангелии сказано, что этому Симеону было предсказано, что он не умрет, пока не увидит Христа. Здесь повествование опять использует Евангелие от Луки, где говорится о человеке по имени Симеон, которому было дано такое предсказание (автор Протоевангелия искусственно делает его первосвященником, выбранным после гибели Захарии, чтобы

связать обе части повествования и иметь возможность вернуться к Иисусу).

Кончается апокриф словами Иакова, который объявляет себя автором повествования, он вернулся в Иерусалим после смерти Ирода, а до тех пор скрывался в пустыне. Неясно, почему он должен был скрываться: ведь Ирод разыскивал младенцев, чтобы уничтожить будущего царя иудейского, а не взрослых. Возможно, здесь речь идет об Ироде Антипе, а возможно, с именем Иакова связано предание о его пребывании в пустыне (может быть, реальный Иаков имел отношение к эбионитам-ессеям?), и автор Протоевангелия для достоверности ввел эту деталь.

В целом Протоевангелие Иакова представляет собой смешение различных христианских легенд, равно как и привнесенных в христианство представлений о древних античных божествах. В Протоевангелии Иакова нарративный элемент превалирует над теологическим, но и там под бытовыми деталями (или, точнее, якобы бытовыми) и сказочными чудесами прослеживается вероучительная тенденция, связанная с идеей Иисуса-божества, чьи чудесные свойства были присущи еще его матери. В этом произведении ощущается своеобразно переработанное влияние гностиков. Это было не просто интересное чтение, оно отвечало религиозным запросам основной массы христиан, для которых были непонятны догматические споры сторонников гностицизма и ортодоксального направления: они приспособливали учения, подчас враждебные друг другу, к своему восприятию христианства.

Протоевангелие Иакова было создано в среде, в которой знали и почитали новозаветные евангелия, однако они не воспринимались еще как «канонические»: с их текстом можно было достаточно вольно обращаться, дополнять, изменять порядок повествования. Эпизод рождения Христа в пещере показывает, что наряду с новозаветной почиталась и иная традиция.

История рождения Марии пользовалась необычайной популярностью среди христиан в поздней античности и средневековье. Церковь не могла признать Протоевангелие каноническим: оно было создано слишком поздно, сказочные детали, хотя и перетолкованные богословами, контрастировали с повествованием евангелий Нового Завета. Против этого сочинения резко выступил Иероним; в V в. оно было включено в список запрещенных книг. Особенно сильной была оппозиция против него в западной Церкви вплоть до XVI в. Пий V исключил из латинского требника службу Иоакима, однако затем она была восстановлена. Особенно популярно было Протоевангелие на Востоке: оно читалось, толковалось, дало основание для ряда Богородичных праздников, в частности – рождества Богородицы, введения во храм. Но и на Востоке оно иногда упоминается в списках «отрешенных книг». На Русь «Иаковлева повесть» пришла в XII в.; еще в XIV в. эта повесть встречается в списках запрещенных книг⁹. Формирование культа Богоматери способствовало популярности этого апокрифа. Почитание Марии впитало в себя элементы мистерияльного культа Великой матери – божества, которое объединяло образы различных языческих богинь (Исиды, Кибелы, Астарты, Артемиды и др.), воспринимавшихся как ее ипостаси. Это божество в глазах его почитателей было не только властителем всего живого, но и носителем высшей справедливости, защитником людей¹⁰. Эта последняя черта особенно ярко выступила затем в культе Богоматери-заступницы.

Протоевангелие Иакова положило начало для создания различных легенд о Марии: в конце IV в. появился анонимный апокриф «Об успении Марии», написанный в том же ключе, что и Протоевангелие. В нем рассказывалось об успении (не о смерти) и вознесении ее на небо. В апокрифе содержится описание множества чудес: сам Иисус с ангелами спустился на облаке, чтобы принять ее душу. Но душа лишь временно покинула тело Богоматери (отсюда понятие «успения»), затем

душа ее снова воссоединилась с телом, и Мария вознеслась на небо, обретя новую, преображенную сущность. Как и в Протоевангелии Иакова, в сказании об успении Марии отдельные реалистические детали (например, там рассказывалось, что апостол Фома опоздал на похороны Марии и захотел проститься с ней) сочетаются с религиозной символикой, использовавшей образы Нового Завета. Так, о предстоящем успении Марии возвещает архангел Гавриил – тот, кто возвестил ей рождение Иисуса. Тем самым весть о смерти становится вестью о чуде нового рождения, которое должно произойти с нею... О воскресении Марии апостолы узнают так же, как ученики Христа узнали в евангелиях о его воскресении, – они открывают по просьбе Фомы гробницу Марии и находят ее пустой. Такой повтор был связан с тем, что автор не имел в своем распоряжении традиции о последних годах жизни Марии и создавал свое сказочно-богословское произведение, используя историю Иисуса и наполняя ее символикой, подчеркивавшей божественность Марии в отличие от остальных, даже самых праведных, святых и мучеников. Несмотря на столь позднее появление апокрифа об успении Марии, с конца V в. Церковь празднует успение Богоматери.

Протоевангелие Иакова и восходящие к нему сказания отражают изменения, происшедшие в верованиях христиан в течение первых веков существования их учения. В основе этих изменений лежали как влияние древних языческих культов, многие элементы которых впитало христианство, так и особенности социальной психологии самих христиан. Эти особенности еще более ярко выступают в апокрифе о детстве Иисуса, разбор которого будет представлен в следующей главе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Протоевангелие Иакова

- ¹ История всемирной литературы. Т. 1 М., 1983. С. 511
- ² Отзвук того, что Мария не воспринималась первоначально как дева, содержится в словах Евангелия от Матфея (1:25) о том, что Мария родила первенца (Иисуса).
- ³ Полемика с этой легендой содержится в гностическом Евангелии от Филиппа: «Некоторые говорили, что Мария зачала от Духа Святого. Они заблуждаются. Того, что они говорят, они не знают. Когда (бывало, чтобы) женщина зачала от женщины?» Для автора этого евангелия «дух» (как в арамейском евангелии) – женское начало. Но при этом Филипп пишет: «Мария – дева, которую сила не осквернила» (17). По-видимому, автор вообще не признавал плотского рождения Иисуса.
- ⁴ С точки зрения хронологии (если принимать церковную дату рождения Иисуса) существование у Иосифа взрослых сыновей к моменту рождения сына Марии очень мало вероятно: Иаков погиб в 62 г., причем нигде не сказано, что он был очень стар.
- ⁵ «И жена облачена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодействия ее» (Откр. 17:4).
- ⁶ См. в Ветхом Завете: жене, подозреваемой в измене, жрец дает выпить «горькую воду, наводящую проклятье» (Числа. 5:24).
- ⁷ Ср. другой вариант имени отца Захарии в Евангелии евреев (и комментариев к этому месту).
- ⁸ Самостоятельность предания об Иоанне следует, в частности, из того, что Ирод видит в нем мессию, будущего царя Израиля.
- ⁹ См.: *Кобяк И. А.* Индексы «ложных» и «запрещенных» книг и славянские апокрифические евангелия. М., 1983.

¹⁰Так, в «Метаморфозах» Апулея герой их Луций обращается к Исиде как к «вечной заступнице рода человеческого», «охранительнице смертных», «матери несчастных» (Met. XI.25).

История Иакова о рождении Марии¹

- I. В двенадцати коленах Израиля был некто Иоаким, очень богатый человек, который приносил двойные дары Богу, говоря: Пусть будет от богатства моего всему народу, а мне в отпущение в умилоствление Господу. Наступил великий день Господнен², когда сыны Израиля приносили свои дары. И выступил против него (Иоакима) Рувим, сказав: Нельзя тебе приносить дары первому, ибо ты не создал потомства Израилю. И огорчился очень Иоаким, и стал смотреть родословную двенадцати племен народа, говоря: поищу в двенадцати коленах Израиля, не я ли один не дал потомства Израилю. И исследовав, выяснил, что все праведники оставили потомство Израилю. Вспомнил он и об Аврааме, как в его последние дни Бог даровал ему сына Исаака. И столь горько стало Иоакиму, и не пошел он к жене своей, а ушел в пустыню, поставил там свою палатку и постился сорок дней и сорок ночей, говоря: не войду ни для еды, ни для питья, пока не снизойдет ко мне Господь, и будет мне едою и питьем молитва.
- II. А жена его Анна плакала плачем и рыданием рыдала, говоря: оплачу мое вдовство, оплачу мою бездетность. Но вот настал великий день Господнен, и сказала ей Юдифь, служанка ее: До каких пор будешь ты терзать душу свою? Ведь настал великий день Господнен, и нельзя тебе плакать. Возьми головную повязку, которую мне дала госпожа за работу: не подобает мне носить ее, ибо я слуга, а повязка несет знак царственности³, Анна ответила: отойди от меня, не буду я этого делать: Господь унизил меня. Не соблазнитель

ли внушил тебе прийти, чтобы и я совершила грех вместе с тобою? И ответила Юдифь: Зачем я буду тебя уговаривать? Господь закрыл твоё лоно, чтобы у тебя не было потомства в Израиле. И огорчилась очень Анна, но сняла свои одежды, украсила свою голову, надела одежды брачные и пошла в сад, гуляя около девятого часа, и увидела лавр, и села под ним и начала молиться Господу, говоря: Бог моих отцов, благослови меня и внемли молитве моей, как благословил ты Сарру и дал ей сына Исаака.

- III. И, подняв глаза к небу, увидела на дереве гнездо воробья и стала плакать, говоря: Горе мне, кто породил меня? Какое лоно произвело меня на свет? Ибо я стала проклятием у сынов Израиля, и с осмеянием меня отторгли от храма. Горе мне, кому я подобна? Не подобна я птицам небесным, ибо и птицы небесные имеют потомство у тебя, Господи. Не подобна я и тварям бессловесным, ибо и твари бессловесные имеют потомство у тебя, Господи. Не подобна я и водам этим, ибо и воды приносят плоды у тебя, Господи. Горе мне, кому подобна я? Не подобна я и земле, ибо земля приносит по поре плоды и благословляет тебя, Господи.
- IV. И тогда предстал пред ней ангел Господен и сказал: Анна, Анна, Господь внял молитве твоей, ты зачнешь и родишь, и о потомстве твоём будут говорить во всем мире. И Анна сказала: Жив Господь Бог мой! Если я рождитя мужского или женского пола, отдам его в дар Господу моему, и оно будет служить Ему всю свою жизнь. И пришли вестника два и сказали ей: муж твой, Иоаким, идет со своими стадами: ибо ангел явился к нему и возвестил: Иоаким, Иоаким, Бог внял молитве твоей. Иди отсюда, ибо жена твоя Анна зачнет во чреве своем. И пошел Иоаким, и приказал пастухам своим, сказав: приведите десять чистых без пятен агниц, будут они для Господа Бога моего, и приведите мне двенадцать

молодых телят, и будут они для жрецов и старейшин, и сто козлят для всего народа. И вот Иоаким подошел со своими стадами, и Анна, стоявшая у ворот, увидела Иоакима идущего, и, подбежав, обняла его, и сказала: Знаю теперь, что Господь благословил меня: будучи вдовою, я теперь не вдова, будучи бесплодною, я теперь зачну! И Иоаким в тот день обрел покой в своем доме.

- V. Утром он понес свои дары, говоря: Если Господь смиростивился ко мне, то золотая пластина⁴ жреца покажет мне. И принес Иоаким свои дары, и смотрел пристально на пластину, подошедши к жертвеннику Господню, и не увидел греха в себе. И сказал Иоаким: теперь я знаю, что Господь смиростивился ко мне и отпустил мне все грехи, и вышел из храма, оправданный, и пошел в дом свой. Между тем прошли положенные ей месяцы, и Анна в девятый месяц родила и спросила повивальную бабку: кого я родила? Ответила та: дочь. И сказала Анна: возвысилась душа моя в этот день, и положила дочь. По прошествии дней Анна поправилась, и дала грудь ребенку, и назвала ее Мария.
- VI. Из дня в день крепло дитя, и, когда ей исполнилось шесть месяцев, поставила ее мать на землю, чтобы попробовать, сможет ли она стоять, и она, пройдя семь шагов, вернулась к матери. Мать взяла ее на руки и сказала: Жив Господь Бог мой, ты не будешь ходить по этой земле, пока я не введу тебя в храм Господнен. И устроили особое место в спальне дочери, и запрещено было туда вносить что-либо нечистое, и призвала (Анна) непорочных дочерей иудейских, чтобы они ухаживали за нею. Когда исполнился девочке год, Иоаким устроил большой пир и созвал жрецов, книжников и старейшин и весь народ Израильский. И принес свою дочь жрецам, и те благословили ее, сказав: Бог отцов наших, благослови это дитя и дай имя славное во всех родах⁵. И ска-

зал народ, Да будет так! И затем поднес ее к первосвященникам⁶, и они благословили ее, сказав: Бог всевышний, снизойди к ребенку сему и дай высшее и непреходящее благословение.

И взяла ее мать в чистое (святое) место в спальне и дала ей грудь. И воспела Анна песнь Господу, говоря: Воспою песнь Господу⁷, ибо он снизошел ко мне, и избавил меня от поношений моих врагов, и даровал мне плод справедливости своей, единственный и столь многим обладающий перед глазами его⁸. Кто сообщит сынам Рувима, что Анна кормит грудью? Слушайте, слушайте, двенадцать колен Израиля, Анна кормит грудью! Когда пир кончился, гости разошлись, радуясь и вознося хвалу Богу Израиля.

VII. Шли месяцы за месяцами, и исполнилось ребенку два года. И сказал Иоаким: Отведем ее во храм Господнен, чтобы исполнить обет обещанный, чтобы Господь вдруг не отверг нас и не сделался бы наш дар Ему неугоден. И сказала Анна: дождемся третьего года ее, чтобы ребенок не стал искать отца или мать. И сказал Иоаким: Дождемся. И вот исполнилось ребенку три года, и сказал Иоаким: позовите непорочных дочерей иудейских, и пусть они возьмут светильники и будут стоять с зажженными (светильниками), чтобы дитя не воротилось назад и чтобы полюбила она в сердце своем храм Господнен. И сделали так по дороге к храму Господню. И жрец принял ее и, поцеловав, дал благословение, сказав: Господь возвеличит имя твое во всех родах, ибо через тебя явит Господь в последние дни сынам Израиля искупление. И посадил ее на третьей ступени у жертвенника, и сошла на нее благодать Господня, и она прыгала от радости, и полюбил ее весь народ Израиля.

VIII. И ушли ее родители, удивляясь и вознося хвалу Господу, что дочь их не повернула назад. Находилась же Ма-

рия в храме Господнем как голубка и пищу принимала из руки ангела. Когда же ей исполнилось двенадцать лет, стали советоваться жрецы, говоря: вот исполнилось Марии двенадцать лет в храме Божиим, что будем делать с нею, чтобы она каким-либо образом не осквернила святынь? И сказали первосвященнику: ты стоишь у алтаря Господа, войди и вознеси молитву о ней, и что Господь объявит тебе, то и сделаем. И первосвященник, надев додекакодон⁹, вошел в Святая святых и возносил молитву о ней, и вот явился ангел Господен и сказал: Захария, Захария, пойд и созови вдовцов из народа, и пусть они принесут посохи, и, кому Господь явит знамение, тому она станет женою (сохраняя девичество). И пошли вестники по округе Иудейской, и труба Господня возгласила, и все стали сходиться.

- IX. Иосиф, оставив топор, тоже пришел на место, где собирались. И, собравшись, отправились к первосвященнику, неся посохи. Он же, собрав посохи, вошел в святилище и стал молиться. Помолившись, он взял посохи, вышел, раздал каждому его посох, но знамения не было на них. Последним посох взял Иосиф, и тут голубка вылетела из посоха и взлетела Иосифу во славу. И сказал жрец Иосифу: Ты избран, чтобы принять к себе и блюсти деву Господа. Но Иосиф возражал, говоря: у меня уже есть сыновья, и я стар, а она молода, не хочу быть посмешищем у сынов Израиля. И сказал жрец Иосифу: Побойся Бога, вспомни, как наказал Бог Датана, Абирона и Корея¹⁰, как земля разверзлась и они были поглощены за ослушание. И, испугавшись, Иосиф взял Марию, чтобы блюсти ее. И сказал Иосиф Марии: Я взял тебя из храма Господня, и теперь ты остаешься в моем доме, я же ухожу для плотничьих работ, а потом вернусь к тебе (когда Господу будет угодно): Бог да сохранит тебя!

- X. Тогда было совещание у жрецов, которые сказали: сделаем завесу для храма Господня. И сказал первосвященник: соберите чистых дев из рода Давидова. И пошли слуги, и искали, и нашли семь дев. И первосвященник вспомнил о молодой Марии, которая была из рода Давида и была чиста перед Богом. И слуги пошли и привели ее. И ввели девиц в храм Господнен. И сказал первосвященник: бросьте жребий, что кому прясть: золото, и амиант¹¹, и лен, и шелк и гиацинт, и багрянец и настоящий пурпур. И выпали Марии настоящий пурпур и багрянец, и, взяв их, она вернулась в свой дом. В это время Захария был немым, заменял его Самуил (пока не стал Захария снова говорить). А Мария, взяв багрянец, стала прясть.
- XI. И, взяв кувшин, пошла за водой; и услышала голос, возвещающий: Радуйся, благодатная! Господь с тобою; благословенна ты между женами¹². И стала оглядываться она, чтобы узнать, откуда этот голос. И, испугавшись, возвратилась домой, поставила кувшин и, взяв пурпур, стала прясть его. И тогда предстал перед нею ангел Господнен и сказал: «Не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога и зачнешь по слову Его». Она же, услышав, размышляла, говоря сама себе: «Неужели я зачну от Бога живого и рожу, как женщина любая рождает?» И сказал ангел: не так, Мария, но сила Всевышнего осенит тебя, потому и рожденное тобой Святое наречется Сыном Всевышнего. И наречешь ему имя Иисус, ибо Он спасет народ свой. И сказала Мария: Я – раба Господа, да будет мне по слову твоему.
- XII. И окончила она прясть багрянец и пурпур и отнесла первосвященнику. Первосвященник благословил ее и сказал: Бог возвеличил имя твое, и ты будешь благословенна во всех народах на земле. Обрадовавшись, Мария пошла к родственнице своей Елизавете. И постучала в дверь, Елизавета же, услышав, перестала (прясть)

багрянец, побежала к двери и, открыв, увидела Марию и благословила ее, сказав: за что мне это (дано), что пришла мать Господа моего ко мне¹³. Ибо находящийся во мне младенец взыграл и благословил тебя. А Мария не постигла тайны, которые открыл ей архангел Гавриил, и подняла глаза к небу и сказала: кто я, Господи, что все народы земли меня благословляют? И прожила у Елизаветы три месяца¹⁴. Между тем ее чрево день ото дня увеличивалось, и Мария в страхе вернулась к себе в дом и пряталась от сынов Израиля. Было же ей шестнадцать лет¹⁵, когда совершались таинства эти.

XIII. Шел уже шестой месяц (ее беременности), и тогда Иосиф вернулся после плотничьих работ и, войдя в дом, увидел ее беременною. И ударил себя по лицу, и упал ниц, и плакал горько, говоря: как теперь буду я обращаться к Господу Богу моему, как буду молиться о девице этой, ибо я привел ее из храма девою и не сумел соблюсти? Кто обманул меня? Кто причинил зло дому моему и опорочил деву? Не случилось ли со мною то же, что с Адамом? Как тогда, когда Адам славословил (Господа), явился змей, и увидел Еву одну, и обольстил ее, так произошло и со мною. И встал Иосиф, и позвал Марию, и сказал: Ты, бывшая на попечении Божием, что же ты сделала и забыла Господа Бога своего? Зачем осквернила свою душу, ты, которая выросла в Святая святых и пищу принимала от ангела? Она тогда заплакала горько и сказала: чиста я и не знаю мужа. И сказал ей Иосиф: Откуда же плод в чреве твоём? Она ответила: Жив Господь Бог мой, не знаю я, откуда.

XIV. И Иосиф испугался, и успокоен был ею, и стал думать, как поступить с ней. И говорил Иосиф: если я утаю грех ее, то стану нарушителем Закона, а если расскажу о нем сынам Израиля, то предам невинную кровь на смерть. Что же мне сделать с нею? Отпущу ее втайне (из дому). И наступила ночь. И ангел Господен явил-

ся ему во сне и сказал: не бойся за деву: ибо то, что в ней, от Духа Святого: родит она Сына, и ты назовешь его Иисусом. Ибо Он спасет народ свой от наказания за грехи. И проснулся Иосиф, и прославил Бога Израиля, пославшего ему благодать, и оставил ее (Марию).

XV. Тогда пришел к нему книжник Анна и спросил, почему ты не был на собрании? И ответил Иосиф: я устал с дороги и хотел отдохнуть первый день. И повернулся Анна и увидел беременную Марию. И побежал к первосвященнику и сказал ему: Иосиф, которого ты считаешь (праведным), поступил против Закона. И сказал первосвященник: Что же случилось? И Анна книжник сказал: деву, которую он взял из храма Господня, он опорочил, нарушил брак и не сказал об этом сынам Израиля. И спросил первосвященник: Так сделал Иосиф? И книжник Анна сказал: отправь слуг и узнаешь, что она беременна. И отправили слуг, и они увидели ее, как он говорил, и привели ее с Иосифом в суд. И сказал первосвященник, Мария, что же ты совершила? Зачем опорочила душу свою и забыла о Господе Боге своем? Жившая в Святая святых, пищу принимавшая от ангела, слушавшая пение из уст его, радовавшаяся перед ним, зачем ты это сделала? Она же, горько плача, сказала: Жив Господь Бог мой, я чиста перед ним и не знаю мужа. И сказал первосвященник Иосифу: Зачем ты это содеял? И ответил Иосиф: Жив Господь Бог мой, я чист перед ней. И сказал первосвященник: не свидетельствуй ложно, но говори правду. Ты нарушил брак, и не сообщил сынам Израиля, и не склонил головы своей перед рукой Господа, чтобы он благословил потомство твое. Иосиф же молчал.

XVI. И сказал первосвященник: Отдай деву, которую ты взял из храма Господня. Иосиф же заплакал. Тогда сказал первосвященник: дам вам напиться водой обличе-

ния перед Господом, и Бог явит грехи ваши перед вашими глазами. И, взяв (воду), он напоил Иосифа и отправил его на гору, и вернулся он невредим. Напоил так же Марию и отправил ее на гору, и она вернулась невредима. И тогда народ удивился, что не обнаружилось в них греха. И сказал первосвященник: если Господь Бог не явил ваш грех, то я не буду судить вас. И отпустил их. И Иосиф взял Марию и пошел домой, восхваляя Господа и радуясь.

XVII. Тогда вышло указание от цезаря Августа совершить перепись в Вифлееме Иудейском. И сказал Иосиф: сыновей своих запишу. Но что делать мне с этой девой? Кем записать ее? Женою? Мне стыдно. Дочерью? Но все сыны Израиля знают, что она мне не дочь. Да покажет день Господнен, что будет угодно Господу. И посадил ее на осла оседланного и повел его один сын, а Иосиф с другим сыном пошел за ними. И прошли три мили¹⁶. И посмотрел (в тексте – обернулся) Иосиф и увидел, что она печальна и подумал, что находящийся в ней плод печалит ее. Потом опять посмотрел Иосиф и увидел, что она радостна, и спросил ее: Мария, отчего я вижу твое лицо то грустным, то веселым? И Мария ответила Иосифу: Оттого, что я вижу перед глазами два народа, один плачет и рыдает, другой радуется и веселится. И прошли половину пути, и сказала ему Мария: сними меня с осла, ибо то, что во мне, заставляет меня идти. И он снял ее с осла и сказал ей: куда мне отвести тебя и скрыть позор твой? Ибо место здесь пустынно.

XVIII. И нашел там пещеру, и привел ее, и оставил с ней сыновей своих, и пошел искать повивальную бабку в округе Вифлеема.

И вот я, Иосиф¹⁷, шел и не двигался. И посмотрел на воздух и увидел, что воздух неподвижен, посмотрел на небесный свод и увидел, что он остановился и пти-

цы небесные в полете остановились, посмотрел на землю и увидел поставленный сосуд и работников, возлежавших подле, и руки их были около сосуда, и вкушающие (пищу) не вкушали, и берущие не брали, и подносящие ко рту не подносили, и лица всех были обращены к небу. И увидел овец, которых гнали, но которые стояли. И пастух поднял руку, чтобы гнать их, но рука осталась поднятой. И посмотрел на течение реки и увидел, что козлы прикасались к воде, но не пили, и все в этот миг остановилось.

XIX. И увидел я женщину, спускающуюся с горы, которая сказала мне: человек, куда ты идешь? Я отвечал: ищу повивальную бабку. В ответ она спросила меня: Ты из Израиля? И я сказал ей: Да. Она же сказала: А кто такая, кто рождает в пещере? Я отвечал: Она обручена со мной. И она сказала: Она не жена тебе? Тогда ответил я: Это Мария, которая выросла в храме Господнем, и я по жребию получил ее в жены, но она не жена мне, а зачала от Духа Святого. И сказала ему бабка: Правда ли это? И ответил Иосиф: пойди и посмотри. И бабка повивальная пошла вместе с ним¹⁸. И встали они у пещеры, и облако сияющее появилось в пещере. И сказала бабка: душа моя возвеличена, глаза мои увидели чудо, ибо родилось спасение Израилю. И облако тогда отодвинулось от пещеры, и в пещере засиял такой свет, что они не могли вынести его, а немного времени спустя свет исчез и явился младенец, вышел и взял грудь матери своей Марии. И воскликнула бабка, говоря: Велик для меня день этот, ибо я узрела явление небывалое. И вышла она из пещеры, и встретила Саломею¹⁹, и сказала ей: Саломея, Саломея, я хочу рассказать тебе о явлении чудном: родила дева и сохранила девство свое. И сказала Саломея: Жив Господь Бог мой, пока не протяну пальца своего и не проверю девства ее, не поверю, что дева родила.

XX. И только протянула Саломея палец, как вскрикнула и сказала: Горе моему неверию, ибо я осмелилась искушать Бога. И вот моя рука отнимается как в огне. И пала на колени перед Господом, говоря: Господь Бог отцов моих, вспомни, что я из семени Авраама, Исаака и Иакова, не осрами меня перед сынами Израиля, но окажи мне милость ради бедных: ибо Ты знаешь, что я служила Тебе во имя Твое и от Тебя хотела принять воздаяние²⁰. И тогда предстал перед нею ангел Господнен, и сказал ей: Саломея, Саломея, Господь внял тебе, поднеси руку свою к младенцу и поддержи его, и наступит для тебя спасение и радость. И подошла Саломея, и взяла младенца на руки, сказав: поклонюсь ему, ибо родился великий царь Израиля. И сразу же исцелилась Саломея и вышла из пещеры спасенною.

XXI. И Иосиф приготовился идти (далее) в Иудею. А в Вифлееме Иудейском была большая смута, ибо пришли маги²¹ и спрашивали: где родившийся царь иудеев? ибо мы увидели его звезду на востоке и пришли преклониться перед Ним²². И, услышав это, Ирод встревожился и послал слуг за магами²³. Потом созвал первосвященников и спрашивал их в претории²⁴, где должен родиться Христос согласно писанию? Ответили ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано, и отпустил их. И спрашивал потом магов, говоря им: Какое знамение видели вы о рождении царя? И отвечали маги: мы видели звезду большую, сиявшую среди звезд и помрачившую их, так что они почти не были заметны, и так мы узнали, что родился царь Израиля, и пришли преклониться перед Ним. И сказал Ирод: пойдите и поищите, и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне поклониться ему. И пошли маги. И звезда, которую они видели на востоке, шла перед ними, пока не пришли они к пещере, и остановилась

она перед входом в пещеру. И увидели маги Младенца с матерью Его Марией, и, открыв сокровища свои, поднесли Ему в дар золото, ладан и мирру. И, получив откровение от ангела не возвращаться и Иудею, пошли в страну свою иным путем.

XXII. Тогда Ирод понял, что маги обманули его, и, разгневавшись, послал убийц, говоря им: убейте младенцев от двух лет и младше. И Мария, услышав, что избивают младенцев, испугавшись, взяла ребенка своего и, запеленав, положила в воловь ясли²⁵. А Елизавета²⁶, услышав, что ищут Иоанна (сына ее), взяла его и пошла на гору. И искала места, где спрятать его, но не нашла. И воскликнула громким голосом, говоря: гора Бога, впусти мать с сыном, и гора раскрылась и впустила ее. И свет светил им, и ангел Господнен был вместе с ними, охраняя их.

XXIII. Ирод же тем временем разыскивал Иоанна и отправил слуг к Захарии, говоря: Где спрятал ты своего сына? Он же ответил, сказав: Я слуга Бога, нахожусь в храме и не ведаю, где сын мой. И слуги пришли и рассказали это Ироду. И Ирод в гнев сказал: сын его будет царем Израиля. И отправил к нему опять (слуг), говоря: скажи правду, где сын твой? Ибо знай, что твоя жизнь в моей власти. И Захария ответил: Я свидетель (мученик) Божий²⁷, если прольешь кровь мою, Господь примет душу мою, ибо неповинную кровь ты прольешь перед храмом. И перед рассветом Захария был убит, а сыны Израиля не знали, что его убили.

XXIV. И во время (обряда) целования собрались жрецы и не встретил их, согласно обычаю, Захария с благословением. И жрецы, стоя, ждали Захарию, чтобы совершить молитву и прославить Всевышнего. Но так как он не появлялся, все они прониклись страхом. И один из них дерзнул войти (в святилище) и увидел у алтаря кровь запекшуюся, и голос возвестил: убит Захария, и кровь

его не исчезнет до тех пор, пока не придет отмщение. Услышав такие слова, испугался жрец и, выйдя, рассказал другим жрецам. И они решились войти и увидели, что там было, и стены храма возопили, и жрецы сами разорвали одежды свои; но тела его не нашли, только кровь, сделавшуюся как камень, и объятые ужасом вышли и возвестили народу, что убит Захария. И услышали все колена народа, и плакали и рыдали о нем три дня и три ночи. После трех дней жрецы стали советовать, кого сделать вместо него, и жребий пал на Симеона. Это ему было возвещено Святым Духом, что он не умрет, пока не узрит Христа живого²⁸.

XXV. А я, Иаков, который написал этот рассказ в Иерусалиме, во время смуты скрывался в пустыне до тех пор, пока не умер Ирод и смута не стихла в Иерусалиме. Славлю Господа Бога, даровавшего мне премудрость, чтобы описать это. Да будет благодать его для всех, боящихся Господа нашего Иисуса Христа.

КОММЕНТАРИИ

История Иакова о рождении Марии

- ¹ Текст см.: *Amann E. Le Protoévangile de Jacques et ses remaniements latins*. P., 1910; папирусный вариант опубликован: *Tezutz M. Bodmer Papyros V.: Nativité de Marie*. Cologne; Geneve, 1958.
- ² Неясно, о каком празднике идет речь. Возможно, сам автор не знал системы иудейских празднеств или просто игнорировал их
- ³ По-видимому, подразумевается повязка в виде диадемы, которая по традиции воспринималась как головное украшение, связанное с царской властью.
- ⁴ Золотая пластинка на кидаре (митре) – головном уборе первосвященника («И сделай полированную дощечку из чистого золота, и вырежь на ней, как вырезают на печати: «Святыня Господня». И прикрепи ее шнуром голубого цвета к кидару (в тексте Септуагинты – к митре – *авт.*), так чтобы она была на передней стороне кидара». – Исх. 28:36–37). Каким образом пластина должна была явить милость или немилость Бога, из текста неясно.
- ⁵ Ср. слова из молитвы Марии в Евангелии от Луки: «Ибо отныне будут ублажать Меня все роды» (1:48).
- ⁶ В греческом тексте – архиереям; архиерей – обычное обозначение первосвященника; однако, как явствует из дальнейшего текста, в Иерусалимском храме был один первосвященник; но автор здесь, как и в других местах, пренебрегает точностью деталей, связанных с иудейской обрядностью и организацией, тем более что ко времени создания Протоевангелия храма уже не существовало.
- ⁷ Песнь Анны составлена на основе приведенного в Евангелии от Луки восхваления, которое произносит Мария: «...величит душа моя Господа... что призрел Он на смирение рабы Своей...» (1:46–48).

- ⁸ Ср книгу Амоса (6.12) из Ветхого Завета, где приведено выражение «плод справедливости» (в Септуагинте – правды), выражение это, вероятно, заимствовано из Амоса, но оно могло иметь гностический оттенок: в Евангелии от Филиппа есть образ Истины, которую сеют и убирают (т.е. истина дает плоды). Этот плод назван единственным (т.е. уникальным) и в то же время дословно «многобогатым» – намек на дальнейшую судьбу Марии.
- ⁹ Додекакодон – специальное одеяние первосвященника, украшенное по подолу «позвонками» (Исх. 28:33).
- ¹⁰ Датан, Абирон, Корей – согласно рассказу ветхозаветной Книги чисел, это люди, выступившие против Моисея. Они упрекали его в том, что он привел их не в ту землю, в которую обещал. В наказание земля разверзлась и поглотила Корей и его сторонников.
- ¹¹ Здесь перечислена пряжа разных цветов: амиант и гиацинт – по камням (амиант – асбест, вероятно, зеленоватого цвета, гиацинт – красный). Ср.: «И все женщины, мудрые сердцем, пряли своими руками и приносили пряжу голубого, пурпурного и червленого (т.е. багряного — *авт.*) цвета» (Исх. 35:25).
- ¹² В Евангелии от Луки приведены те же самые слова (1:28)
- ¹³ См.: Лк. 1:43.
- ¹⁴ Встреча Марии с Елизаветой и пребывание у нее Марии описано в Евангелии от Луки (1:56).
- ¹⁵ В канонических евангелиях возраст Марии не указан.
- ¹⁶ Миля – римская миля, равная 1,4 км.
- ¹⁷ По стилистике этот отрывок отличается от предшествующего и последующего текста. Смысл описания – подчеркнуть таинство рождения Иисуса, во время которого природа и люди замирают; в мире происходит только одно свершение – рождение Сына Божия.
- ¹⁸ В кратком варианте: «И он нашел женщину, спускавшуюся с холма, и взял ее с собой, и сказала повивальная бабка: А кто такая, кто рождает в пещере? Он ответил: Мария обручена мне, но она зачала от Святого Духа, после того, как выросла в храме. И по-

вивальная бабка пошла с ним». По-видимому, этот разговор казался первым читателям недостаточно выразительным, и в дальнейшем он был дополнен.

- ¹⁹ Саломея упомянута в числе женщин, присутствовавших при казни Иисуса и пришедших ко гробу (Мк. 15:40; 16:1). Саломея – ученица Иисуса – есть и в хенобоскионском Евангелии от Фомы.
- ²⁰ В кратком варианте вместо молитвы Саломеи просто сказано: «И она взмолилась Господу».
- ²¹ В синодальном переводе Нового Завета слово «маги» переведено как «волхвы». Магами греки называли восточных мудрецов и прорицателей.
- ²² Весь эпизод с магами восходит к Евангелию от Матфея (2:7–12), отдельные фразы повторяются дословно.
- ²³ В кратком варианте опущены подробности: там сказано только: «И он послал за магами, и они рассказали о звезде».
- ²⁴ Помещая Ирода в претории, автор подчеркивает, что он выступал как представитель высшей имперской власти. Характерно, что для определения разговора Ирода с магами и жрецами употреблен глагол – расспрашивать (допрашивать), в то время как в Евангелии от Матфея – выведывать.
- ²⁵ В Евангелии от Матфея Мария вместе с Иосифом и младенцем Иисусом бежит в Египет (по Евангелию от Луки, они жили в Назарете и время от времени приходили в Иерусалим). Здесь автор выдвигает еще одну версию: Мария спасла младенца, спрятав его в яслях.
- ²⁶ Дальнейшее описание к истории Марии отношения не имеет, она присоединена из рассказов об Иоанне Крестителе, поскольку Елизавета уже фигурировала в Протоевангелии.
- ²⁷ В греческом тексте — «свидетель Бога», в христианском понимании — мученик.
- ²⁸ В Евангелии от Луки рассказывается о Симеоне, которому было дано такое предсказание (2:26), но он не был первосвященником.

Евангелие детства (Евангелие от Фомы)

Наряду с Протоевангелием Иакова большой популярностью пользовалось описание ранних лет жизни Иисуса, созданное во II в. Апокрифов о детстве Иисуса было создано несколько, но все они восходят к так называемому Евангелию детства, полное название которого в рукописях – «Сказание Фомы¹, израильского философа, о детстве Христа» (по упомянутому в первых строках имени автора – «Я, Фома израильтянин»).

В связи с восприятием Иисуса как могущественного божества появилась потребность описать его ранние годы, показать его чудотворцем с самого детства. Такое восприятие божества соответствовало античной мифологии: так, Геракл (культ его был распространен в I—II вв. в римских провинциях), будучи в пеленках, задушил двух огромных змей. Аналогичные представления встречаются и на Востоке: в индийских сказаниях о детстве Кришны рассказывается о его шалостях и чудесах, им совершенных (победа над демонами, поглощение лесного пожара и т. п.)².

Иисус-ребенок также должен был, с точки зрения суеверных, воспитанных на подобных мифах людей, обладать чудодейственной силой. В Евангелии от Фомы повествуется о чудесах, совершенных Иисусом в возрасте от пяти до двенадцати лет. Однако это не просто развлекательный рассказ, в нем ясно ощутима теологическая направленность. Уже в детстве происходят события, которые как бы являются знаками (знамениями) его будущей проповеди и его деяний. В этом произведении ясно ощущается влияние гностических произведений; с гностиками-маркосианами (сторонниками некоего Марка) связывает это евангелие Ириней. Гностики интересовались детством Иисуса именно потому, что они по

существу не признавали его человеческой природы³ и полагали, что Иисус-ребенок обладал теми же неземными свойствами, что Иисус-взрослый. Характерен в этом отношении сохранившийся рассказ из гностического сочинения «Пистис София»⁴. Там говорится, как в дом Иисуса (когда тому было три года) пришел мальчик (дух), абсолютно похожий на Иисуса; сам маленький Иисус в это время работал в винограднике с отцом. Дух спросил: «Где находится Иисус, брат мой?» Испуганная Мария привязала пришельца к кровати и пошла к Иосифу. Когда Иисус услышал ее слова, он сказал: «Где же он, ибо я ждал его здесь». Когда мальчик вошел в комнату, дух освободился, они обнялись и стали одно. В этом рассказе слияние духа с Иисусом произошло, когда Иисус был совсем маленьким. Но это слияние не имело того религиозного смысла, какое имело сошествие Духа в виде голубя на пророка Иисуса во время крещения: до слияния с пришельцем Иисус не пугается, объявляет, что ждал его, обнимает духа, узнает его – мальчик, таким образом, согласно этой легенде, уже обладал сверхъестественными свойствами, обладал «гносисом» – знанием божественным. Для рассказа из «Пистис София» характерно использование бытовых деталей (как и в Протоевангелии Иакова): ребенок, работающий с отцом в винограднике, кровать, к которой привязывают духа. Эта бытовая детализация противостоит тайному, непостижимому для окружающих смыслу происходящего. Видимый мир, мир зримых, конкретных вещей, в котором даже Мария не узнает духа и действует в соответствии с примитивными человеческими реакциями, противопоставлен миру скрытому – истинному, с точки зрения гностиков.

Под влиянием подобных рассказов создано и Евангелие детства Фомы. Это произведение – многослойный рассказ, где бытовое повествование об играх детей, о школе, колке дров и т.п. как бы скрывает истинный смысл, который может раскрыться только тем, кто познает значение чудес, совершаемых мальчиком Иисусом. В Евангелии детства еще в

большей степени, чем в Протоевангелии Иакова, особую роль играет деталь. В новозаветных евангелиях детали, как мы показывали это на примере сопоставления иудео-христианских и канонических рассказов, часто опускались как несущественные. Более или менее подробно объяснялись те эпизоды, которые имели теологическое значение. Так, в Евангелии от Луки обосновывалось отправление Иосифа в Вифлеем, так как, согласно ветхозаветным пророчествам, мессия должен был родиться в Вифлееме. Однако, почему Мария жила у Елизаветы, Лука не объясняет, ибо ему было важно только показать связь Иисуса и Иоанна Крестителя. В Евангелии от Матфея не дается объяснения причин переселения Иисуса из Назарета в Капернаум (4:13). Это были детали подлинной биографии Иисуса, сохраненные традицией, но специально вероучительного смысла они не имели. Автор Евангелия детства вводит детали бытовые: дети играют у ручья, Иисус лепит птичек из глины, мать посылает его за водой с глиняным кувшином, сосед ранит ногу топором. Правда, эти детали взяты не из ранней христианской традиции, где могли быть отзвуки подлинных событий, и не из собственного знания автором быта маленького палестинского поселения – он его явно не знал, – они сконструированы в соответствии с идейной и художественной задачей произведения и запросами читателей. Автора не интересовало, лепили ли галилейские мальчики птичек из глины, начинали ли они свое обучение в школе с греческой азбуки, называли ли их греческими именами. Он писал для грекоязычных читателей, которые тоже этого не знали. Ему было важно включить чудо в повседневную жизнь, которая выглядела бы привычно для этих читателей. Они верили описанию и верили в чудо, которое произошло в жизни, так похожей на их собственную. Включенность чуда в квазибытовую реальность порождала надежду на то, что и в их обыденном существовании вера может привести к чуду. Но чудеса, совершаемые Иисусом в приземленном мире маленького поселка, несли и

иную смысловую нагрузку: они выступали в резком противопоставлении этому миру, как напоминание о том, что вне видимого мира существует иной, в который нельзя проникнуть всякому. Очень ясно видно такое противопоставление в эпизоде с оживлением умершего ребенка (гл. XVII). Там сказано, что после того, как он воскресил дитя и отдал его матери, Иисус пошел играть с другими детьми, т.е. чудотворец, только что произносивший сакральные слова, становится (по видимости!) обычным ребенком.

Композиция Евангелия детства достаточно проста: каждый эпизод содержит рассказ о чуде, совершенном маленьким Иисусом; иногда указывается, в каком возрасте он совершил его. В целом первые эпизоды посвящены описанию чудес, связанных с наказанием противников Иисуса: умер мальчик, который толкнул его, ослепли люди, которые жаловались на него Иосифу, учитель, который осмелился поднять на него руку, упал замертво... Автор сразу же внушает своему читателю, что Иисус – всемогущее и грозное, даже жестокое божество. Однако в дальнейших эпизодах вводятся чудеса исцеления и воскрешения: Иисус воскресил мальчика, упавшего с крыши, правда, не из жалости к мальчику, а потому, что родители погибшего обвинили Иисуса в том, что мальчика толкнул он. Иисус не просто воскресил его, но заставил свидетельствовать, что тот упал случайно. Иисус исцеляет соседа, поранившего себя топором, и брата Иакова, которого укусила змея. Когда новый учитель признал Иисуса исполненным благодати и мудрости, мальчик сказал, что ради него, свидетельствовавшего истинно, будет исцелен и тот, наказанный учитель. Таким образом, устранив сначала читателя, автор Евангелия детства показывает возможность милости, чуда не только наказания, но и спасения, причем ради одного, избранного, он может помиловать и других – проклятых. Само наказание содержит в себе аллегорию: не видящие истины теряют зрение на самом деле. Автор видит за каждым деянием Иисуса – возмездием или спасением – выс-

ший смысл: наказание также служит тому, чтобы «слепые в сердце своем» прозрели.

Почти все чудеса исцеления совершаются Иисусом-ребенком публично, дважды он говорит спасенным: «И помни обо мне» (добавление это отсутствует при описании исцелений в новозаветных евангелиях). Спасение, как и наказание, важно не само по себе, оно, по мысли автора апокрифа, должно служить обращению неверующих; призыв помнить о чуде содержит и скрытое предостережение «забывчивым» – призыв этот адресовался не только персонажам Евангелия детства, но и его читателям.

Кроме чудес наказания и исцеления в Евангелие детства включены эпизоды с чудесами, которые должны раскрыть в наглядных образах учение Иисуса или его будущее. Все описания подобных чудес имеют помимо стремления еще раз продемонстрировать сверхъестественную сущность Иисуса скрытый смысл: и двенадцать воробьев, которых он послал лететь, – символ двенадцати апостолов, которых он пошлет проповедовать, и Иисус-сеятель, собравший невиданный урожай с брошенного им зерна, – символ сеятеля истинной веры – распространенный образ в христианских писаниях (этот образ есть и в канонических, и в апокрифических евангелиях), и Иисус, принесший воду в своей одежде, – символ живой воды веры. Но то, что было в ранних евангелиях притчей, в Евангелии детства становится свершением в соответствии с постоянно повторяющимися словами: все, что он говорит, становится деянием, чудом, которое надо постигнуть.

В рассказах о чудесах, совершенных Иисусом, кроме проблемы истинного и видимого выступает еще одна проблема, волновавшая христиан II в., – проблема наказания и заступничества. Первоначальное христианство было прежде всего религией «спасения», уверовавшие в искупительную миссию Христа ощущали свою избранность. Сам акт крещения означал для них возможность спасения от смерти. В ранней традиции Иисус не карал своих недругов. В Евангелии от

Луки рассказывается, что Иисуса не приняли жители селения самаритян и разгневанные ученики предложили призвать на это селение «небесный огонь», Иисус же запретил им («Ибо Сын Человеческий пришел не погублять души человеческие, а спасать», — 9:53—56). Слушавшие подобные рассказы ждали награды за свои страдания в Царстве Божием на земле, а не сиюминутной мести своим обидчикам: возмездие должно было раз и навсегда совершиться во время Страшного суда. Все те, кто не последовал за Христом, должны быть брошены в «геену огненную», или, как сказано в Евангелии от Матфея в притче о пире, «во тьму внешнюю». Но со временем перед христианами, продолжавшими существовать все в той же земной, трудной, исполненной несчастьями жизни, встал вопрос об этих несчастьях как наказании Божиим, причины которого еще со времени древних восточных произведений о «невинных страдальцах» (наиболее яркий пример дан в ветхозаветной Книге Иова) были непонятны людям. Бог, насылающий несчастья, невольно приобретал черты грозной и непонятной силы, жестоко карающей за малейший проступок (гибелью за разбрызганную воду — в Евангелии детства). Естественно, что карающее божество должно было наказывать всех, кто не признавал его, — и христиане, невзирая на проповеди милосердия, надеялись, что их гонители и преследователи погибнут так же, как и те, кто осмелился обидеть мальчика Иисуса. Тема наказания стала явственно проявляться в христианской литературе II—IV вв.: в Апокалипсисе Петра, созданном, по-видимому, во II в., наряду с описанием рая дается подробное описание ада с перечнем всех проступков и грехов, за которые полагались наказания⁵, а в более позднем Евангелии Никодима к совершенно фантастическому описанию суда над Иисусом присоединено никак не связанное с первой частью сказание о сошествии Христа в ад.

Менее определенно, но все же ощутимо присутствует в Евангелии детства тема «заступничества», которая также от-

ражала умонастроения христиан того времени, когда шел процесс распространения новой религии вширь.

Среди христиан, принявших крещение к середине II в., были люди разного социального статуса, разных занятий, разных нравственных возможностей. Уже в посланиях Павла речь идет о конфликтах внутри христиан, о нарушениях норм христианской этики⁶; среди христиан появлялись люди, состоявшие на государственной службе, выполнявшие предписания, которые не всегда сочетались с их религиозными убеждениями⁷, но наряду с людьми, отрекавшимися от христианства во время преследований, были и люди, готовые претерпеть любые мучения за веру⁸. В такой ситуации среди рядовых христиан, которые, с одной стороны, видели недостатки и немочи друг друга, а с другой – принимали свои несчастья за божью кару, начинает возникать надежда на «заступников», посредников между ними и карающим божеством (этот психологический фактор способствовал, в частности, и выделению клириков как людей, выступавших такими «посредниками»). В Евангелии детства тема прощения «ради праведников» проявляется в нескольких эпизодах: Иисус обещает молчать, т.е. сдерживать свой гнев ради просьб Иосифа, хотя Иосиф и не понимает истинного смысла его деяний. Затем, после того, как учитель Закхей был потрясен его мудростью и признал его «Богом или ангелом», Иисус помиловал тех, кого он наказал. Правда, это помилование было сделано не только ради учителя, но и для того, чтобы наказанные и прощенные уверовали в него. И еще в одном эпизоде с учителем (возможно, эти эпизоды дублированы при переписке и редактировании; первоначально существовало только два учителя: один, ударивший Иисуса, и другой, признавший его) Иисус прямо говорит: «...раз ты говорил и свидетельствовал истинно, ради тебя тот, кто был поражен, исцелится». Здесь четко сформулирована мысль о том, что Иисус простил согрешивших против него ради уверовавшего в него и свидетельствовавшего о нем, т.е. не их раскаяние (впрочем, смертное наказание не

дало им возможности раскаяться), а поверивший в него и постигший его сущность выступает их спасителем. Надежда на заступников как бы компенсировала страх перед грозным божеством, в которое все больше и больше превращался Иисус в фантастических представлениях его последователей.

Образ Иисуса в Евангелии детства отличен от образа его в новозаветных и, насколько можно судить по фрагментам, в иудео-христианских евангелиях. Это отличие можно проследить в описании почти всех эпизодов евангелия. В канонических текстах – тех немногих, где упоминается о детстве и отрочестве Иисуса, говорится о том, что он «возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости»; «Иисус же преуспевал в премудрости...» (Лк. 2:40, 52). Для автора истории Фомы о детстве Иисуса он не «исполняется» премудрости и не преуспевает в ней, он обладает ею. Даже Иисус-учитель в апокрифе существенно отличается от Иисуса-учителя Нового Завета. В Евангелии от Луки есть эпизод, когда Иисус в синагоге в Назарете «встал читать»; ему подали Библию, он, открыв ее, нашел нужное ему место и, прочтя, сел и начал проповедовать (4:16–20). Такова была обычная ситуация в синагогах. Маленький же Иисус из апокрифа тоже берет книгу в школе, но не читает ее, а сразу начинает говорить по вдохновению свыше. Человеческие черты полностью исчезают в образе Иисуса, историческая реальность заменяется псевдореальностью, созданной автором. В этом эпизоде, возможно, скрыта полемика с новозаветными (и, вероятно, другими ранними) евангелиями, стремление ввести аналогичные эпизоды, но в иной трактовке. Та же полнота истинного знания, данного Иисусу от начала, проявляется и в эпизодах с учителями, когда Иисус требует от них объяснения скрытого смысла букв (по словам Иринея, маркосиане занимались толкованием мистического значения букв и цифр). Правда, приведенное в евангелии объяснение линий альфы (скорее описание их) не вполне ясно, если только за этим описанием не стояло известной читателям символики, свя-

занной с идеей разъединения и соединения, столь важной для гностиков. Иисус в данном эпизоде не только обладает школьной премудростью, он обладает скрытым от простых смертных знанием.

Для раскрытия этой идеи автор Евангелия детства использует эпизод из Евангелия от Луки о пребывании двенадцатилетнего Иисуса в храме. Согласно каноническому евангелию, Иисус отправился с родителями в Иерусалим на праздник, по окончании праздника родители отправились домой, Иисус же остался в Иерусалиме; родители нашли его в храме, где он сидел среди учителей, слушал их и спрашивал их; «все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его» (Лк. 2:42). В рассказе об этом событии в Евангелии детства использованы дословно отдельные фразы из текста Луки, однако автор апокрифа приукрасил сказание, переданное в Новом Завете, введя и видоизменив некоторые детали. В Евангелии детства Иисус заставляет замолкнуть старейшин и поучает собравшихся в храме «учителей народа и старейшин», разъясняя им смысл Закона и пророков. Слушающие его книжники и фарисеи не просто дивятся его разуму, а говорят пришедшей за Иисусом матери: «Такой славы, такой доблести и мудрости мы никогда не видели и никогда о ней не слышали». Таким образом, здесь подчеркивается исключительность Иисуса, поучающего (а не беседующего) и сразу же вызывающего преклонение слушателей, как и в эпизоде в школе, когда все слышавшие его проповедь дивились его благодати и мудрости. Автора не интересует вопрос о том, почему в дальнейшем фарисеи и книжники не признавали учения Иисуса, выступали против него (эти выступления описываются и в канонических, и в некоторых апокрифических евангелиях). Его Иисус – божество, и в качестве учителя он не может не убедить каждого, кто слышит его.

Эпизод в храме, завершающий Евангелие детства, как бы связывает его с новозаветными рассказами; включение фраз из Евангелия от Луки было, вероятно, специальным сти-

листическим приемом, показывающим, что повествование о детстве Иисуса непосредственно примыкает к почитаемым большинством христиан рассказам о жизни и проповеди взрослого Иисуса. Но связь эта была чисто внешняя, ибо Иисус из Евангелия детства не мог стать тем Иисусом, образ которого создали первые проповедники, собиравшие вокруг себя нищих, калек, сирот, вдов – всех тех, кто не мог найти себе места в имперском обществе начала нашей эры. Акты жестокости, своеволия, свершенные мальчиком Иисусом, не могли быть совершены тем пророком, который затем провозгласил: «...Иго Мое – благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:30), а также, согласно иудео-христианским евангелиям, сказал своим ученикам «И никогда не будьте радостны, только когда возлюбите своего брата».

Для первых христиан чудеса, о которых им рассказывали проповедники, были прежде всего чудесами исцеления, ибо их мессия выступал как спаситель, целитель души и тела. В канонических евангелиях тоже описываются символические чудеса, подобные насыщению тысяч человек несколькими хлебами, претворению воды в вино и т.п., но основные деяния Иисуса – «изгнание бесов» и исцеление больных. Именно так воспринимался он первыми христианами (как сказано в Деяниях Апостолов: «И Он ходил, благодворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом». – 10:38). И тем же даром, согласно христианским преданиям, он наделял своих учеников. Чудеса исцеления и воскрешения в Евангелии детства призваны показать могущество Иисуса; характерно, что ни одно из подобных чудес не совершается по просьбе страждущего (ср.: Мк. 5:22, 33–34; см. ил. на с. 195): он сам выбирает тех, кому оказывает милость.

При описании воскрешения употреблены выражения, встречающиеся в аналогичных эпизодах канонических текстов. Свидетели чудес говорят: «...он спас много душ от смерти и будет спасать их всю свою жизнь». Однако, включая словоупотребление новозаветных текстов в свой рассказ, автор

Евангелия детства меняет его там, где оно расходится с его теологической концепцией. Так, в Евангелии от Луки присутствовавшие при воскрешении юноши восклицают: «...великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой» (7:16); в апокрифе свидетели чудес называют Иисуса Богом или ангелом, но не пророком. В новозаветных текстах отразилась древнейшая христианская традиция об Иисусе-пророке, которая прослеживалась в иудео-христианских писаниях. Но ко времени создания Евангелия детства образ Иисуса для христиан из язычников все больше и больше терял человеческие черты, поэтому слово «пророк» уже не выражало их восприятия Христа, не говоря уже о том, что для грекоязычных читателей, далеких от иудаизма, понятие пророка было лишено того религиозного смысла, какой оно имело для первых христиан, вышедших из иудейской среды.

Автор Евангелия детства, таким образом, не вступая в открытую полемику с почитаемыми многими христианами II в. новозаветными текстами и даже подчеркивая связь с ними, в то же время проводит иную теологическую концепцию, восходящую к гностическим идеям. Образ Иисуса, нарисованный в апокрифе, не мог не повлиять на восприятие читателями всей последующей жизни Иисуса вплоть до мученической смерти, создавая представления, близкие к представлениям докетов (чародей, который карал смертью за причиненную ему обиду, не мог испытывать настоящие муки).

Гностическое влияние сказалось и в отдельных словоупотреблениях: наряду с оборотами, прямо заимствованными из евангелий Нового Завета, автор использует и терминологию, встречающуюся в сочинениях гностиков («сила», «избранный», «стойхейон» – слово, означающее «буква» и «начало», и др.). Однако Евангелие детства меньше всего было произведением философским; оно представляло собой интересное чтение для людей, до которых не доходили сложные философские построения, которые не вполне ясно представляли сущность теологических разногласий между

сторонниками ортодоксального направления и гностиками, которые ощущали потребность в сказке, отражающей их представления о могучем, всесильном божестве. В произведениях, подобных Евангелию детства, происходила вульгаризация гностицизма, который, невзирая на полемику с ним руководителей большинства христианских общин, проникал в массы, переосмыслился и в свою очередь оказывал влияние на богословов, особенно на Востоке.

Ортодоксальная Церковь не могла признать священным Евангелие детства: оно было создано достаточно поздно, образ Иисуса существенно расходился с тем, что было сказано о нем в канонических писаниях, наконец, оно испытало заметное влияние учений, с которыми Церковь вела борьбу. Но популярность его была очень велика.

В III—IV вв. появляются писания от имени Иосифа и других персонажей, мельком упомянутых в христианских священных книгах. Продолжением традиции, проявившейся в Евангелии детства, было, например, Евангелие Никодима, дошедшее до нас в более позднем латинском переводе. Оно состоит из двух частей, тематически не связанных друг с другом. В первой части подробно описывается процесс над Иисусом, во второй – его схождение в ад, где он схватил Сатану и приказал заковать его в цепи. Вероятно, первоначально это были два разных произведения, но объединение их не было простой случайностью: обе части при всей их внутренней несвязанности отражают общий подход к образу Иисуса. Он предстает фигурой совершенно фантастической: как и в Евангелии детства, главное место занимают не речи его, а самые невероятные чудеса⁹.

Характерной чертой поздних сказаний типа описания процесса над Иисусом в Евангелии Никодима было отсутствие в них этических и догматических положений. Они одинаково далеки и от мистической философии гностиков, и от призывов помогать беднякам, столь ярко выраженных в иудео-христианских евангелиях. Но, невзирая на настороженное

отношение Церкви к этим произведениям, они продолжали распространяться. Учение о сошествии Христа в ад, отраженное во многих замечательных произведениях иконописи, вошло в церковную традицию под влиянием этих поздних апокрифов.

Евангелие детства в раннем средневековье было переведено на сирийский, коптский, армянский, грузинский языки; существуют также его эфиопская и арабская версии. Существовали и древнеславянские переводы этого евангелия; в списках древнерусских запрещенных книг оно встречается и как «История Фомы израильтянина» (причем добавлено – философа, а не апостола, дабы не смущать умы верующих апостольским именем), и как «Детство Христова» (XIV в.). На Западе на основе Евангелия детства было создано латинское евангелие псевдо-Матфея, изобилующее еще большими подробностями, чем оригинальный апокриф. Популярность этих произведений, как и популярность рассказов о Марии, объясняется все теми же социально-психологическими факторами: связью с привычными фольклорными мотивами, надеждой на чудо в повседневной жизни, верой в беспредельное могущество божества.

Евангелие детства отражает ту эволюцию, которую претерпел в умах верующих образ основателя христианства: от бедного и добродетельного человека иудео-христиан до грозного божества, карающего и милующего по своему произволу в апокрифах поздней античности и раннего средневековья. Евангелие детства интересно также и тем, что оно свидетельствует о развитии различных жанров христианской литературы и после создания новозаветных книг, о том, что в этой литературе отражались и объединялись разные, порой враждебные друг другу религиозные течения: то, к чему непримиримо относились теологи и руководители Церкви, уживалось в представлениях рядовых верующих.

ПРИМЕЧАНИЯ

Евангелие детства (Евангелие от Фомы)

- ¹ Хотя, как будет показано ниже, в этом произведении видно влияние гностиков, ничего общего у него с хенобоскионским Евангелием от Фомы нет.
- ² Сходство между сказаниями о детстве Иисуса и детстве Кришны наводит на мысль о влиянии этих сказаний друг на друга, скорее всего индийских сказаний, пришедших к христианам через Ближний Восток. По христианской легенде Фома проповедовал в Индии.
- ³ По словам Иринея (Против ересей. I.7.2), гностики (во всяком случае некоторые группы, которые можно причислить к ним) считали Иисуса состоявшим из нескольких элементов: из духовного, душевного, телесного, в него входил также «незримый Спаситель», который затем, во время допроса Пилатом, вышел, ибо он был непричастен страданиям; страданиям было причастно душевное и телесное начало, но тело его было сотворено особым образом («неизреченным искусством»).
- ⁴ *Smidt C. Pistis Sophia: Ein gnostisches Originalwerke des 3. Jahrhunderts. B., 1925. S. 89—90.*
- ⁵ В Апокалипсисе Петра наказание несут: хулившие путь справедливости, извращавшие справедливость, убийцы, прелюбодеи, лжесвидетели, богачи, не пожалевшие сирот и вдов, ростовщики, люди, поклонявшиеся идолам, вероотступники («оставившие путь Бога»), женщины, сделавшие себе выкидыш (частичный перевод Апокалипсиса Петра см.: *Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. М., 1933*). Интересно отметить, что в Апокалипсисе Иоанна нет детализированного перечня грехов, там говорится о наказании всех нераскаявшихся язычников.

- ⁶ См., например, Второе Послание к Фессалоникийцам, где упоминаются члены христианской общины, поступающие «бесчинно» (3:11); в Первом Послании к Коринфянам упоминаются блудники, лихоимцы, блудоречивые, пьяницы, какими «были некоторые из вас» (6:9—11).
- ⁷ К началу IV в. среди христиан было много людей, занимавших муниципальные должности и даже должности жрецов. Эльвирский собор 305 г. специально рассматривал вопрос об этих людях.
- ⁸ Во II в. происходили локальные гонения и преследования; Игнатий, епископ антиохийский, арестованный во время одного из таких преследований, обратился с посланием к римлянам, где просил римских христиан не заступаться за него, чтобы он мог погибнуть за веру.
- ⁹ Например, там описано, как значки легионов, которые держали римские воины, сами собой согнулись и поклонились Иисусу, когда его вели на допрос.

Евангелие детства
(Евангелие от Фомы)¹

- I. Я, Фома израильтянин², рассказываю, чтобы вы узнали, братья среди язычников, все события детства Господа нашего Иисуса Христа и Его великие деяния, которые Он совершил после того как родился в нашей стране. Начало таково.
- II. Когда мальчику Иисусу было пять лет, Он играл у брода через ручей, и собрал в лужицы протекавшую воду, и сделал ее чистой и управлял ею одним своим словом. И размягчил глину, и вылепил двенадцать³ воробьев. И была суббота, когда Он сделал это. И было много детей, которые играли с Ним. Но когда некий иудей увидел, что Иисус делает, играя в субботу, он пошел тотчас к Его отцу Иосифу и сказал: Смотри, твой ребенок у брода, и он взял глину и сделал птиц, и осквернил день субботный. И когда Иосиф пришел на то место и увидел, то он вскричал: для чего делаешь в субботу то, что не должно?!⁴ Но Иисус ударил в ладоши и закричал воробьям: Летите! и воробьи взлетели, щебеча. И иудеи дивились, увидев это, и ушли, и рассказали старейшинам, что они видели, как Иисус свершил сказанное.
- III. Но сын Анны книжника⁵ стоял там рядом с Иосифом, и он взял лозу и разбрызгал ею воду, которую Иисус собрал. Когда увидел Иисус, что тот сделал, Он разгневался и сказал ему: Ты, негодный, безбожный глупец, какой вред причинили тебе лужицы и вода? Смотри, теперь ты высохнешь, как дерево, и не будет у тебя ни листьев, ни корней, ни плодов. И тотчас мальчик тот высох весь, а Иисус ушел и вошел в дом Иосифа. Но родители того мальчика, который высох, взяли его,

оплакивая его юность, и принесли к Иосифу и стали упрекать того, что сын его совершает такое!

- IV. После этого Он (Иисус) снова шел через поселение, и мальчик подбежал и толкнул Его в плечо. Иисус рассердился и сказал ему: ты никуда не пойдешь дальше, и ребенок тотчас упал и умер. А те, кто видел произошедшее, говорили: кто породил такого ребенка, что каждое слово Его вершится в деяние. И родители умершего ребенка пришли к Иосифу и корили его, говоря: Раз у тебя такой сын, ты не можешь жить с нами или научи Его благословлять, а не проклинать⁶, ибо дети наши гибнут.
- V. И Иосиф позвал мальчика и бранил Его, говоря, зачем Ты делаешь то, из-за чего люди страдают и возненавидят нас и будут преследовать нас? И Иисус сказал: Я знаю, ты говоришь не свои слова, но ради тебя Я буду молчать, но они должны понести наказание. И тотчас обвинявшие Его ослепли. А видевшие то были сильно испуганы и смущены и говорили о Нем: каждое слово, которое Он произносит, доброе или злое, есть деяние и становится чудом. И когда Иосиф увидел, что Иисус сделал, он встал, взял Его за ухо и потянул сильно. И мальчик рассердился и сказал: тебе достаточно искать и не найти⁷, и ты поступаешь неразумно. Разве ты не знаешь, что Я принадлежу тебе?⁸ Не причиняй Мне боли.
- VI. И вот некий учитель по имени Закхей⁹, стоя неподалеку, услышал, как Иисус сказал это своему отцу, и дивился очень, что, будучи ребенком, тот говорит так. И через несколько дней он пришел к Иосифу и сказал ему: у тебя умный сын, который понимает. Так приведи мне Его, чтобы Он выучил буквы, а вместе с буквами я научу Его всему знанию, и как надо приветствовать старших и почитать их как отцов и дедов, и любить тех, кто Ему ровесники. И он показал Ему ясно все буквы от

альфы до омеги¹⁰ и много задавал вопросов. А (Иисус) посмотрел на учителя Закхея и спросил его: Как ты, который не знаешь, что такое альфа, можешь учить других, что такое бета¹¹. Лицемер!¹² Сначала, если ты знаешь, научи, что такое альфа, и тогда мы поверим тебе о бете. И Он начал спрашивать учителя о первой букве, и тот не смог ответить Ему. И тогда в присутствии многих слышавших ребенок сказал Закхею: слушай, учитель, об устройстве первой буквы и обрати внимание, какие она имеет линии и в середине черту, проходящую через пару линий, которые, как ты видишь, сходятся и расходятся, поднимаются, поворачиваются, три знака того же самого свойства, зависимые и поддерживающие друг друга, одного размера. Вот таковы линии альфы¹³.

- VII. Когда учитель Закхей услышал, сколь много символов выражено в написании первой буквы, он пришел в замешательство таким ответом и тем, что мальчик обучен столь великому, и сказал тем, кто был при этом: Горе мне, я в недоумении, я, несчастный, я навлек позор на себя, приведя к себе этого ребенка. Посему возьми Его, я прошу тебя, брат Иосиф. Я не могу вынести суровость Его вида, я совсем не могу понять Его речи. Этот ребенок не земным рождением рожден, Он может приручить и огонь. Может быть, Он рожден еще до сотворения мира¹⁴. Я не знаю, какое чрево Его носило, какая грудь питала. Горе мне, Он поражает меня, я не могу постичь Его мысли. Я обманулся, трижды несчастный, я хотел получить ученика, я получил учителя. Я думаю о своем позоре, о друзья, что меня, старого человека, превзошел ребенок¹⁵. Мне остается только отчаиваться и умереть из-за этого ребенка, ибо я не могу смотреть Ему в лицо. И когда все будут говорить, как маленький ребенок превзошел меня, что я скажу? И что могу я сказать о линиях первой буквы, о чем Он говорит мне?! Я

не знаю, о друзья, ибо не ведаю ни начала, ни конца. Посему я прошу тебя, брат Иосиф, забери Его себе домой. Он, может быть, кто-то великий, Бог или ангел, или кто-то, кого не ведаю.

- VIII. Когда иудеи утешали Закхея, дитя рассмеялось громко и сказало: «Теперь пусть то, что ваше, приносит плоды, и пусть слепые в сердце своем узрят. Я пришел сверху, чтобы проклясть их и призвать их к высшему, как повелел пославший Меня ради вас. И когда ребенок кончил говорить, тотчас, кто пострадал от его слов, излечились. И после того никто не осмеливался перечить ему, чтобы не быть проклятым и не получить увечье.
- IX. Через несколько дней Иисус играл на крыше дома¹⁶, и один из детей, игравших с Ним, упал сверху и умер. И когда другие дети увидели это, они убежали, и Иисус остался один. А родители того, кто умер, пришли и стали обвинять Его (Иисуса), что Он сбросил мальчика вниз. И Иисус ответил, Я не сбрасывал его. Но они продолжали поносить Его. Тогда Иисус спустился с крыши, встал рядом с телом мальчика и закричал громким голосом – Зенон¹⁷ – ибо таково было его имя – восстань и скажи, сбрасывал ли Я тебя? И тотчас он встал и сказал: нет, Господь, Ты не сбрасывал меня, но поднял¹⁸. И когда они увидели, они были потрясены. И родители ребенка прославили случившееся чудо и поклонились Иисусу.
- X. Через несколько дней юноша колол дрова по соседству¹⁹, и топор упал и рассек ему стопу, и столько вытекло крови, что он совсем умирал. И когда раздались крики и собрался народ, Иисус также прибежал туда, и пробрался сквозь толпу, и коснулся раненой ноги, и тотчас исцелил ее. И Он сказал юноше: встань теперь, продолжай рубить и помни обо Мне. И когда толпа увидела, что произошло, они поклонились Иисусу, говоря: истинно, Дух Божий обитает в этом ребенке.

- XI. Когда Ему было шесть лет от роду, Его мать дала ему кувшин и послала Его за водой. Но в толпе Он споткнулся, и кувшин разбился. И Иисус развернул одежду, которая была на нем, наполнил ее водой и принес матери. И когда мать увидела, она поцеловала Его и сохранила в сердце своем²⁰ чудо, которое, как она видела, Он совершил.
- XII. И вот во время сева мальчик вместе с отцом пошел сеять пшеницу в их поле. И пока Его отец сеял, Иисус тоже посеял одно пшеничное зерно. И когда Он сжал и обмолотил его, оно принесло сто мер²¹, и Он созвал всех бедняков поселения на гумно и роздал им пшеницу, а Иосиф взял остаток зерна. Было Ему восемь лет роду, когда он совершил это чудо.
- XIII. Его отец был плотник и делал в это время орала и ярма²². И богатый человек велел ему сделать для него ложе. Но когда одна переключина оказалась короче другой и Иосиф не мог ничего сделать, мальчик Иисус сказал своему отцу Иосифу: Положи рядом два куска дерева и выровни их от середины до одного конца. И когда Иосиф сделал то, что ребенок сказал ему, Иисус встал у другого конца и взял короткую переключину, и вытянул ее, и сделал равной другой. И Его отец Иосиф видел это и дивился, и он обнял и поцеловал ребенка, говоря: счастлив я, что такого Сына дал мне Бог.
- XIV. И когда увидел Иосиф, сколь разумен мальчик и что Он растет и скоро достигнет зрелости, он снова решил, что Иисус должен научиться грамоте. И он взял Его и привел к другому учителю. И учитель сказал Иосифу: сначала я научу Его греческим буквам, потом еврейским. Ибо он знал о разумении мальчика и боялся Его. Все же учитель написал алфавит и долго спрашивал о нем. Но Он не давал ответа. И Иисус сказал учителю: если ты истинный учитель и хорошо знаешь буквы, скажи Мне, что такое альфа, и Я скажу

тебе, что такое бета²³. И учитель рассердился и ударил Его по голове. И мальчик почувствовал боль и проклял его, и тот бездыханный упал на землю. А мальчик вернулся в дом Иосифа. И Иосиф был огорчен и сказал Его матери: не пускай Его за дверь, ибо каждый, кто вызывает Его гнев, умирает.

- XV. И по прошествии некоторого времени другой учитель, друг Иосифа, сказал ему: приведи ребенка ко мне в школу. Может быть, я сумею убедить Его выучить буквы. И Иосиф сказал ему: если ты решишься, брат, возьми Его с собой. И тот взял Его со страхом и беспокойством, но ребенок пошел охотно. И Он спокойно вошел в дом, где была школа, и нашел книгу, которая лежала на подставке, и взял ее, но не стал читать буквы в ней. И раскрыл уста, и стал говорить от Святого Духа, и учил тех, кто стоял вокруг. И большая толпа стояла вокруг, дивясь благодати Его поучения и мудрости Его слов, какие, будучи ребенком, Он изрекал. А когда Иосиф услышал о происходящем, он в испуге побежал к школе, боясь, что и этот учитель не может справиться с Иисусом. Но учитель сказал Иосифу: знай, брат, я взял этого ребенка как ученика, но Он полон великой благодатью и мудростью, и теперь я прошу тебя, брат, возьми Его в свой дом. И когда мальчик услышал эти слова, он тотчас засмеялся громко и сказал: раз ты говорил и свидетельствовал истинно, ради тебя тот, кто был поражен, исцелится. И тотчас другой учитель был исцелен. И Иосиф взял ребенка и отвел Его домой.
- XVI. Случилось так, что Иосиф послал своего сына Иакова²⁴ принести связку дров. И Иисус пошел вместе с ним. И когда Иаков собирал хворост, змея укусила его в руку. И когда он упал навзничь и был близок к смерти, Иисус подошел к нему и дыхание Его коснулось укуса, тотчас боль прошла, а тварь лопнула, и Иаков сразу же стал здоров и невредим.

- XVII. После этого по соседству от Иосифа умер больной ребенок, и мать его горько рыдала. И Иисус услышал плач великий и смятение²⁵ и прибежал быстро, и, увидев мертвое дитя, Он коснулся груди его и сказал: «Я говорю тебе: не умирай, но живи и будь с твоей матерью»²⁶. И тотчас дитя открыло глаза и засмеялось. И Он сказал женщине: возьми и дай ему молока и помни обо Мне. И когда стоящие вокруг увидели происходящее, они говорили: Истинно это дитя или Бог, или ангел Божий²⁷, ибо каждое Его слово становится деянием. И Иисус ушел оттуда и стал играть с другими детьми.
- XVIII. Спустя некоторое время строился дом, и произошел обвал, и Иисус встал и пошел туда и увидел человека, лежащего замертво, и взял его руку и сказал: Говорю тебе, человек, встань и делай свое дело²⁸. И тотчас человек встал и поклонился Ему. И люди были поражены и говорили: этот ребенок (пришел) с небес, ибо Он спас много душ от смерти и будет спасать их всю свою жизнь.
- XIX.²⁹ И когда Он был двенадцати лет, пришли Его родители по обычаю в Иерусалим на праздник пасхи вместе с другими. Когда же после праздника возвращались домой, Иисус пошел обратно в Иерусалим, родители же думали, что Он идет вместе со всеми. Прошедши дневной путь, стали искать Его среди родственников и близких. И, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, чтобы искать Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего среди учителей, слушающего Закон и спрашивающего их. И все со вниманием слушали Его и дивились, как Он, будучи ребенком, заставил умолкнуть старейшин и учителей народа, разъясняя Закон и речения пророков. И мать Его сказала Ему: Дитя! Что Ты сделал с нами? Вот отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем вам было искать Меня? или вы не знали, что Мне надлежит быть в том, что при-

надлежит Отцу Моему. А книжники и фарисеи сказали: Ты – мать этому ребенку? И она сказала: да. И они сказали ей: благословенна ты между женами, ибо Господь благословил плод чрева твоего. Такой славы, такой доблести и такой мудрости мы никогда не видели и никогда о ней не слышали. И Иисус встал и пошел за своей матерью и был в повиновении у своих родителей. И мать Его сохранила все слова в сердце своем. Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в благодати. Слава Ему во веки веков. Аминь.

КОММЕНТАРИИ

Евангелие детства
(Евангелие от Фомы)

- ¹ Текст (с французского переводом) см.: *Michel C. Evangiles apocryphiques*. P., 1924.
- ² По-видимому, имеется в виду апостол Фома, упоминаемый в Новом Завете, «Фома неверный», как его называют в христианской традиции; в хенобоскионском Евангелии Фомы он назван полным именем: Иуда Дидим Фома.
- ³ Двенадцать – священное число в иудейской и христианской теологии (см. комментарий к Евангелию от Петра).
- ⁴ Согласно этому рассказу, уже в детстве Иисус выступал против соблюдения субботних установлений, т.е. против иудейской обрядности.
- ⁵ Характерно, что книжник Анна выступает как обличитель Иосифа и Марии в Протоевангелии Иакова: вероятно, один из авторов этих произведений был знаком с сочинением другого.
- ⁶ Ср.: «Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте» (Римл. 12:14).
- ⁷ Эти слова перекликаются с речением, приведенным в хенобоскионском Евангелии от Фомы и оксиринхском логии (см. выше, комментарии к фрагментам из Евангелия евреев): «Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет, и, когда он найдет, он будет потрясен...» Смысл упрека Иисуса заключается в том, что Иосиф не может (не хочет) найти скрытую истину в поступках Иисуса.
- ⁸ Текст не вполне ясен: здесь также возможен скрытый смысл, заключающийся в том, что Иисус принадлежит Иосифу как человеку, которого он пришел (как и других людей) спасти.
- ⁹ Имя Закхей встречается в Новом Завете; в Евангелии от Луки так зовут мытаря (начальника сборщиков пошлыны). – 19:2.
- ¹⁰ Альфа и омега – первая и последняя буквы греческого алфавита.

- ¹¹ Бета – вторая буква греческого алфавита.
- ¹² Лицемеры – обычное в новозаветных евангелиях определение фарисеев и книжников, которые учат только внешним соблюдением установлений закона.
- ¹³ Описывается начертание греческой буквы «А» (альфа), средняя черта могла быть косой – такой вариант, по-видимому, имеет в виду автор.
- ¹⁴ Учитель здесь выражает идею о предвечности бытия Христа (эту идею не разделяли иудео-христиане), появившуюся к тому времени в христианстве главным образом под влиянием гностицизма.
- ¹⁵ Эти слова перекликаются с речением из хенобоскионского Евангелия Фомы: «Старый человек в его дни не замедлит спросить малого ребенка семи дней о месте жизни, и он будет жить. Ибо много первых будут последними, и они будут одним» (4); аналогичное речение сохранилось в греческом варианте на оксиринхском папирусе: «...(говорит Иисус) человек не будет колебаться... спросить ребенка... о месте... Тогда многие первые будут последними и последние первыми... И...»
- ¹⁶ Имеется в виду плоская крыша, характерная для домов Ближнего Востока.
- ¹⁷ Зенон – греческое, а не иудейское имя; вряд ли реальный мальчик мог носить его, но автор был грекоязычным и употреблял привычные ему имена.
- ¹⁸ Это чудо введено в Евангелие детства под влиянием рассказа о чуде, сотворенном апостолом Павлом, согласно Деяниям Апостолов (20:9–12): там рассказывается, как юноша Евтих заснул, и выпал из окна третьего этажа, и был поднят мертвым. Павел же, «обняв его, сказал: не тревожьтесь; ибо душа его в нем». Правда, описание в Деяниях апостолов менее фантастично, чем в Евангелии детства (там не сказано прямо, что Павел воскресил его).
- ¹⁹ В греческом тексте «гония» – в углу; некоторые исследователи исправляют на «гейтония» – в соседстве, что кажется более логичным.

- ²⁰ Ср.: «И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем» (Лк. 2:51).
- ²¹ Сто мер – взято, вероятно, по аналогии с Евангелием от Луки, где в одной из притч упомянут огромный долг в сто мер (сто кор) зерна. Кор был равен примерно от 6 до 10 медимнов (медимн — 52–53 л). Вероятно, в этом описании как бы предвосхищаются слова Иисуса из притч о сеятеле: «Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» (Мф. 13:8); «Иисус сказал: вот сеятель вышел, он наполнил свою руку, бросил (семена)... И иные упали на добрую землю... и сто двадцать мер на одну» (Евангелие от Фомы, найденное в Наг-Хаммади 9).
- ²² Существовала традиция, что сам Иисус тоже был плотник (Мк. 6:3: «...не плотник ли он...») и что он делал ярма и плуги. Эта последняя традиция сохранена у Юстина (Dial 88.8) Вероятно, автор Евангелия детства эти же занятия по аналогии приписал Иосифу.
- ²³ У Иринеев это место передано следующим образом: «Между прочим, принимают и то поддельное сказание, будто Господь, в отрочестве учась грамоте, когда учитель по обыкновению сказал ему: скажи «альфа», он отвечал: альфа, а затем, когда учитель велел ему сказать «бета», Господь отвечал: ты сначала скажи Мне, что такое альфа, и Я скажу тебе, что такое бета И это объясняют так, что Он один лишь знает неведомое, на которое указал в образе альфы» (I.20.1). У Иринеев, как кажется, сведены в один два эпизода с учителями, хотя, возможно, он читал Евангелие детства именно в таком варианте (один «дурной» и один «хороший» учитель).
- ²⁴ В этом произведении, как и в ПротоЕвангелии Иакова, Иаков считается сыном Иосифа (о Иакове см. выше).
- ²⁵ В описании этого эпизода использован рассказ Евангелия от Марка об исцелении дочери руководителя синагоги, которую сочли умершей. «...и видит смятение и плачущих и вопиющих громко...» (5:38–39).
- ²⁶ В этой части рассказа использовано Евангелие от Луки (7:14–15): там Иисус также оживает прикосновением, отдает воскресшего юношу его матери.

²⁷ Ср.: Лк. 7:16, где свидетели дивятся и прославляют чудотворца.

²⁸ Несколько раз повторенный оборот «Говорю тебе, встань» также заимствован из канонических евангелий (Мк. 5:41; Лк. 7.14).

²⁹ Далее дословно повторен весь рассказ Евангелия от Луки (2:52) с добавлениями в духе концепции автора.

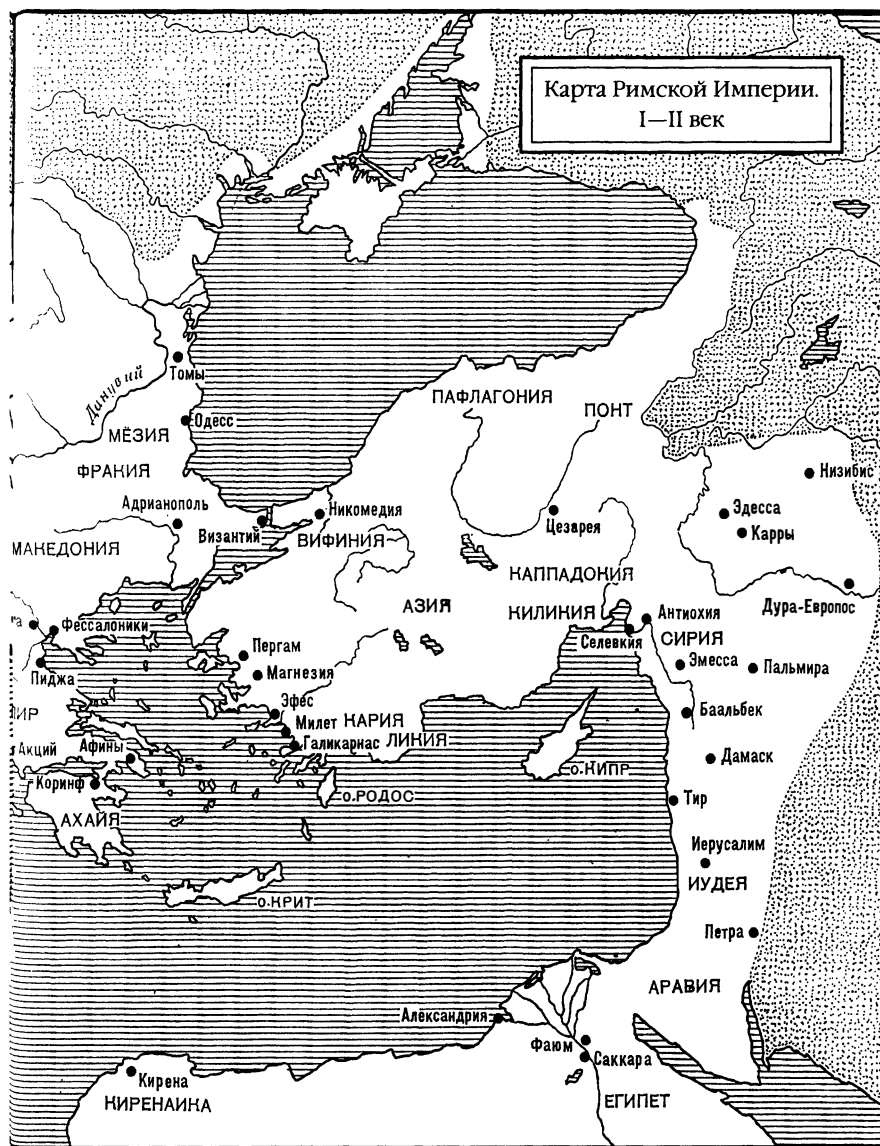
В тексте статей целый ряд имен и названий дается в современной транскрипции, а не в старославянской (прим. авт.).

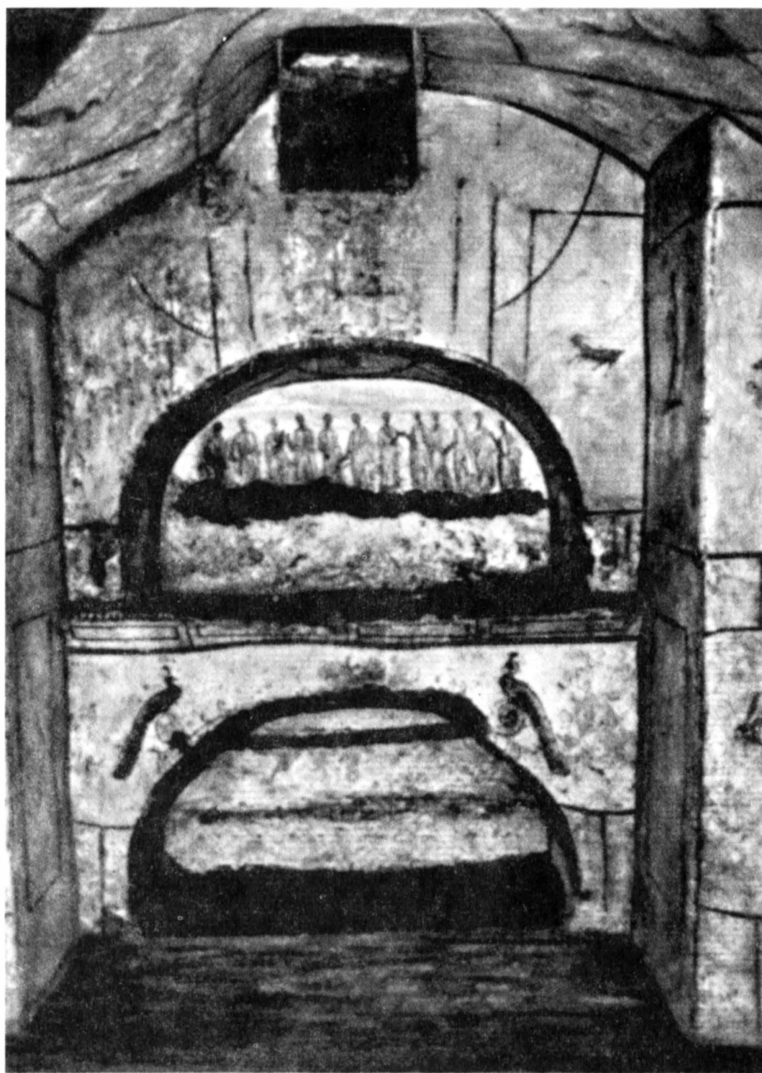
Иллюстрации

Скульптура «Добрый Пастырь».
Ватиканские музеи. Рим. III век

Гробница Аврелиев в Риме

Роспись «Двенадцать Апостолов». 1-я половина III века

Катакомбы Джордани.
Рим. 1-я половина IV века

Роспись
«Исцеление женщины».
Рим. Катакомбы
Марцеллина и Петра.
1-я половина IV века

Мозаика «Чудо
с насыщением
хлебом и рыбами».
Палестина. V век

Крещальня с мозаичной облицовкой
Тунис. IV век

Мозаика «Крещение Христа» из церкви ариан
Равенна VI век

Роспись «Дева Мария с ребенком».
Катакомбы «Кэметериум Майус». III век

Одно из первых
изображений Христа
с бородой. Катакомбы
Коммодиллы
Начало V века

Содержание

Возникновение раннехристианской литературы	3
Примечания	32
Неканонические речения (аграфы) и фрагменты неизвестных евангелий	38
Примечания	52
<i>Аграфы</i>	54
Комментарии	56
<i>Фрагменты неизвестных евангелий</i>	58
Комментарии	60
<i>Фрагмент неканонического Евангелия от Марка</i>	62
Комментарии	63
Иудео-христианские евангелия	64
Примечания	82
<i>Фрагменты Евангелия эбионитов</i>	85
<i>Фрагменты Евангелия евреев</i>	86
Комментарии	90
Евангелие от Петра	96
Примечания	116
<i>Евангелие от Петра</i>	119
Комментарии	123
Протоевангелие Иакова	129
Примечания	146
<i>История Иакова о рождении Марии</i>	148
Комментарии	161
Евангелие детства (Евангелие от Фомы)	164
Примечания	177
<i>Евангелие детства (Евангелие от Фомы)</i>	179
Комментарии	187
Иллюстрации	191

Апокрифические Евангелия

Исследования,
тексты, комментарии

Апокрифические Евангелия — это раннехристианские сочинения, не вошедшие в канонизированные тексты Библии. Они представляют собой записи речений и описания жизни Иисуса Христа. Автор переводов первоисточников, а также исследовательских статей и комментариев является доктор исторических наук, известный специалист по вопросам происхождения христианства И. С. Свенцицкая. Книга открывает серию, посвященную исследованиям апокрифических писаний, представляющих собой сокровища мировой культуры.

ISBN 5-85324-026-9 ББК 86.3 С 0400000000 — 003
ISBN 5-86508-057-1 С 241 Ц(034) — 96

На первой странице обложки

Христос между апостолами Петром и Павлом

Внизу жертвенный агнец и четыре мученика, погребенных в катакомбах
Роспись из катакомб Марцеллина и Петра Рим IV—V век

На развороте Евхаристическая трапеза, преломление хлеба

Роспись из катакомб Присциллы в Риме III век

На последней странице обложки Катакомбы Домициллы Рим III век
На развороте Оранта. Роспись из катакомб Присциллы в Риме. III век

© И. С. Свенцицкая, 1

© Издательство «Прі

Директор *Е. Нестерова*

Руководитель отдела *Г. Буш*

Оформление и макет *И. Ор.*

Компьютерная верстка *К. Б.*

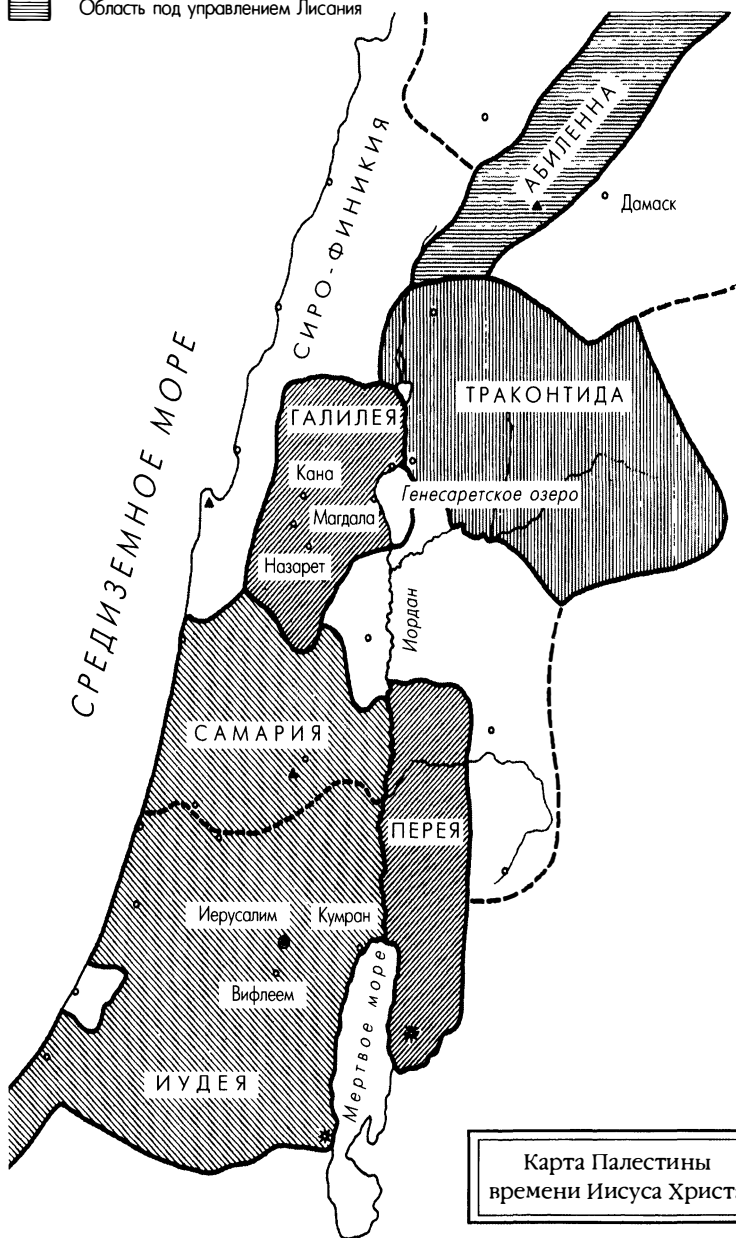
Обработка иллюстраций *Е.*

Корректурa и сверка тексто

Лицензия ЛР N 061335 от 23.06.1
Сдано в набор 05.03.1996. Подпи
Формат 60х84 1/16. Печ. л. 125.
Отпечатано в ТОО «Немчиновск».
Книга выпущена совместно с изд.

Издательство «Присцел
Тел. (095) 915-37-69, тел.

- Область под управлением Прокуратора Понтия Пилата 26—36 г н.э.
- Область под управлением Ирода Антипы 4—39 г н.э.
- Область под управлением Филиппа
- Область под управлением Лисания

Карта Палестины
времени Иисуса Христа

